

СЛАВЯНОСЕРБИЯ

ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА

№1 (6) МАРТ

2021

**Литературно-художественный
альманах**

Руководитель проекта
Александр Сигида

Главный редактор
Людмила Гонтарева

Редакционная коллегия:
Юрий Ковальчук
Анна Вечкасова
Валентина Чизмар

Дизайн обложки:
Юрий Ковальчук

На обложке в коллаже (1 стр.) использована картина
«Исход сербов» Паи Йовановича, 1896 год.

*Альманах «ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА» является
периодическим печатным изданием,
выходящим при содействии Союза писателей России.*

Издание данного выпуска «ТЕРРИТОРИИ СЛОВА» стало возможным благодаря тому, что в декабре 2020 года альманах был отмечен премией «Слово-2020», учрежденной СП России и меценатом Сергеем Павловичем Козубенко.

Редколлегия благодарит правление Союза писателей России и лично Николая Федоровича Иванова за высокую оценку нашего проекта.

Редколлегия альманаха «ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА» выражает благодарность за сотрудничество и помощь в привлечении авторов для участия в нашем проекте Валентине Чизмар, доктору философии, поэтессе (г.Нови Сад, Сербия) и Ассоциации «Славјаносербија» (г.Белград, Сербия).

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	4	Александр СИГИДА	65
ПРЕДЫСТОРИЯ		<i>г. Молодогвардейск-Атамановка, ЛНР</i>	
Владимир ПОДОВ	5	Наталия МАВРОДИ	
Юрий КОВАЛЬЧУК		<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	68
<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	9	Владимир СКОБЦОВ	
Надежда ПЕТРОВА		<i>г. Донецк, ДНР.....</i>	69
<i>г. Зимогорье, ЛНР.....</i>	12	Игорь ЛЫСЫЙ	
Милош ЦРНЯНСКИЙ	16	<i>г. Донецк, ДНР.....</i>	71
Зорица МЛАДЕНОВИЧ		Владислав РУСАНОВ	
<i>г. Белград, Сербия.....</i>	20	<i>г. Донецк, ДНР.....</i>	72
Александр УСТЕНКО		Людмила ГОНТАРЕВА	
<i>п. Славяносербск, ЛНР.....</i>	22	<i>г. Краснодар, ЛНР.....</i>	74
СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ		Марина БЕРЕЖНЕВА	
Любовь ШАМАРДИНА		<i>г. Видное, Московская область, РФ....</i>	76
<i>г. Антрацит, ЛНР.....</i>	28	Николай ЕРЁМИН	
Сергей ЗАРВОВСКИЙ		<i>г. Санкт-Петербург, РФ.....</i>	77
<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	30	Драган Йованович ДАНИЛОВ	
К 220-ЛЕТИЮ В.И.ДАЛЯ		<i>г. Пожег, Белград, Сербия.....</i>	84
Юрий КОВАЛЬЧУК		Саша НИШАВИЧ	
<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	31	<i>г. Нови-Сад, Сербия.....</i>	85
Светлана ТИШКИНА		Радоица НЕШОВИЧ	
<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	33	<i>г. Уб, Сербия</i>	87
Борис ЖАРОВ		Зоран ДЖЕРИЧ	
<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	36	<i>г. Нови-Сад, Сербия.....</i>	88
Александр АКЕНТЬЕВ		Бранислав ЗУБОВИЧ	
<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	36	<i>г. Нови-Сад, Сербия.....</i>	90
Владислав РУСАНОВ		Валентина ЧИЗМАР	
<i>г. Донецк, ДНР.....</i>	36	<i>г. Нови Сад, Сербия.....</i>	91
ПРОЗА		Данило ЙОКАНОВИЧ	
Олег БОНДАРЕНКО		<i>г. Белград, Сербия.....</i>	92
<i>г. Москва, РФ.....</i>	37	МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	
Драгана МРДЖА		Вук ЗАДУНАЙСКИЙ	
<i>г. Белград, Сербия.....</i>	48	<i>г. Москва, РФ.....</i>	93
Константин РЯБИНИН		Нина ИЩЕНКО	
<i>Московская область, РФ.....</i>	50	<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	101
Желько ПЫРЖУЛЬ		ПИСАТЕЛЬ И ЕГО КНИГИ	
<i>г. Восточное Сараево, Республика</i>		Ирина ЧЕРНИЕНКО	
<i>Сербская, Босния и Герцеговина.....</i>	54	<i>пос. Урало-Кавказ, г. Краснодар, ЛНР..</i>	105
Владимир КОЛАРИЧ		СЛОВО О ВЕРЕ	
<i>г. Белград, Сербия.....</i>	56	Валентина ЧИЗМАР	
ПОЭЗИЯ		<i>г. Нови Сад, Сербия.....</i>	108
Людмила ЛИСИЦКАЯ		ПУБЛИЦИСТИКА	
<i>п. Славяносербск, ЛНР.....</i>	59	Миодраг ЗАРКОВИЧ	
Наталя КОНОШЕВИЧ		<i>Сербия.....</i>	115
<i>п. Славяносербск, ЛНР.....</i>	59	Небойша КУЗМАНОВИЧ	
Любовь ШАМАРДИНА		<i>г. Нови-Сад, Сербия.....</i>	116
<i>г. Антрацит, ЛНР.....</i>	59	ДРУЖБА НАРОДОВ	
Елена ЗАСЛАВСКАЯ		Радолуб УСКОКОВИЧ	
<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	60	Валентина ЧИЗМАР	
Светлана ТИШКИНА		<i>г. Нови-Сад, Сербия.....</i>	121
<i>г. Луганск, ЛНР.....</i>	62	ПОСЛЕСЛОВИЕ	
Анна РЕВЯКИНА		Анна ВЕЧКАСОВА	
<i>г. Донецк, ДНР.....</i>	63	<i>г. Видное, Московская область, РФ.....</i>	123

Уважаемый читатель!

У тебя в руках – очередной номер альманаха «ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА». Мы очень старались, чтобы это издание получилось интересным и полезным. Надеемся, так и вышло. Уникальность этого номера в том, что в нем – в прозе, поэзии, публицистике – отражены события нескольких веков, раскрыты понятия Веры и Надежды, Любви и Преданности, Чести и Совести. И все эти произведения

объединяет дружба: историческая, территориальная, духовная... Россия, Донбасс, Сербия... Почему именно эта тематика получила развитие в нашем издании?...

Между Сербией на протяжении последних трех или четырех столетий и сегодняшним Донбассом существует тонкая, но отчетливая связь. Донбасс, с его стремлением к воссоединению с Россией, и Сербия, с ее жаждой найти новую, лучшую жизнь, рука об руку с Россией, созвучны в главном – они идентифицируют себя в качестве неотъемлемой части Русского Мира. Донбасс всегда оставался русским – даже после нелепого его присоединения к Украинской ССР и в жуткую годину украинской независимости. А Сербия, с XVII века стремившаяся побрататься с Россией живет в одном ритме с русским народом.

Удивительным образом воля народа Донбасса и воля сербов пересеклась на исторической оси координат во второй половине XVIII века, когда в еще диких и необжитых степях, сегодня находящихся на территории ЛНР, появилось поселение сербских граничар под командованием Йована Шевича – Славяносербия.

Это действительно поразительно – сербы внесли свою лепту в освоение этих земель, отбивая набеги кочевников и лихих людей – по сей день в Луганской и Донецкой Народных Республиках часто встречаются сербские фамилии; а спустя века сербские четники помогали отстоять край от агрессии украинских националистов. Тем больше оснований для того, чтобы сегодня между народом Сербии и жителями Донбасса установились тесные, дружественные отношения. Раз уж так случилось, что общие у нас и вера, и любовь к России, и даже в какой-то мере история, значит, у нас есть о чем поговорить и нужно налаживать диалог.

Хочется верить, что издание этого журнала станет уверенным шагом на пути к установлению сотрудничества между литераторами, публицистами и журналистами Сербии и Донбасса. Но еще больше хочется, чтобы результатом этого сотрудничества стало глубинное изучение и переосмысление нашей общей истории, все нити которой пересеклись в Славяносербии. Вероятно, в рамках этого сотрудничества нам предстоит сделать множество открытий, главным из которых станет наша общность. Ну, и, разумеется, хочется верить, что помимо высоких материй результатом этой дружбы станет просто общение, обмен опытом, литературные и публицистические произведения и, конечно же, реконструкция истории Славяносербии и достойное внимание к ней.

Сегодня непростое время, и нам всем – всем, кто видит свое будущее в составе России или же в партнерских отношениях с ней, – необходимо не просто сплотиться, а дорожить каждой точкой соприкосновения. Каждым историческим событием, каждым именем, каждым храмом. Потому что только вместе мы можем преодолеть те вызовы, которые бросает нам агрессивная окружающая действительность и с Запада, и с Востока.

Этот журнал – первый шаг на долгом пути. Пути, который мы надеемся пройти рука об руку с нашими сербскими коллегами. Мы создавали его в непростые времена пандемии (в связи с чем выпуск пришлось сильно отложить), создавали с любовью и надеждой на то, что это семя даст обильные всходы.

От редколлегии

ПРЕДЫСТОРИЯ

Владимир ПОДОВ

ПЕРВЫЕ ВЫХОДЦЫ ИЗ СЕРБИИ В РОССИИ*

В 17 веке между Сербией и Россией устанавливались культурные связи, которые основывались на общности религии, сходстве языка и племенном родстве. В конце века к ним добавились политические связи. Россия выступила защитницей интересов сербского населения, оказавшегося под Турцией и Австро-Венгрией. У сербов созрела мысль об уходе в Россию. В ноябре 1704 года в Москву приезжал из Австрии сербский офицер Пантелеймон Божич с рекомендательным письмом патриарха Досифея и от лица всех сербов, «которые живут под цесарем в Венгерской земле при границах турецких», просил царя разрешить сербам переселиться в Россию и принять русское подданство. Сербь обещали без всякого вознаграждения охранять русские границы против турок. Однако миссия Божича успеха не имела. Петр I был связан войной со шведами. В этих условиях ссориться с австрийским императором, который добровольно не выпустил бы из своих владений сербов, охранявших границы со стороны Турции, он не хотел.

В 1708 году от сербов снова приезжало в Москву доверенное лицо. В 1710 году приехал сотник Попович с письмами сербских полковников Ивана Текелия и Волина Потыседа, которые предлагали Петру I свои услуги в борьбе с Турцией. Полковнику Текелию был послан ответ с предложением начинать вербовку сербов для освободительной войны с Турцией. А в марте 1711 года во время Прутского похода Петр I подписал послание к христианам Сербии, Боснии, Славонии и Герцеговины, в котором призывал соединить свои силы с русским воинством и прогнать ту-

рок. Воззвание послужило толчком к восстанию.

В то время на службу России перешел серб Михаил Милорадович, родившийся в Герцеговине. Он был пожалован чином полковника русской службы и крупной суммой денег. Петр I направил его в Герцеговину. Милорадовичу удалось сплотить черногорцев. В Герцеговине сформировался отряд в 1000 человек под командованием капитана Албанеза. К отряду присоединились добровольцы из других краев. Собралось 30-тысячное войско, во главе которого встал Михаил Милорадович. Сербь разбили турок, изгнали их из Приморья, Герцеговины и части Македонии. Однако победа была временной.

Многие сербь из опасения преследования со стороны Турции не могли возвратиться на родину. Некоторые переселялись в Россию. В январе 1715 года был издан указ, по которому славяне, перешедшие на русскую службу, получали земли, хлебное и денежное жалование в зависимости от чина. Одним из них был Савва Владиславлевич, получивший известность как граф Рагузинский. Серб по происхождению, он был родом из Долмации, из города Рагуз (Дубровник). Граф Рагузинский перешел на службу к Петру Первому и дослужился до чина тайного советника. Его брат Ефим Владиславлевич служил при Анне Иоановне и дослужился до того же чина...

В Россию переселился и Михаил Милорадович, его назначили полковником Гадячского полка. У него было два племянника, родившиеся уже в России, - Андрей и Петр. ... При Анне Иоановне в Россию выехали сербь Иван Стоянов. Степан Виткович, Панич, он же Божич, Дмитрий Перич. Все они занимали видные должности в русской армии. Чуть позже из Австрии в Россию выехал серб Петр Текели. Начав службу поручиком в сербском полку, который был создан при Петре Первом в 1723 году, он вырос в звании до генерал-майора, занимая ряд важных командных должностей в армии.

Идея привлечения сербских полков на русскую службу принадлежит Петру I. Еще в 1723 году он выдал сербскому май-

* Подов В.И. *Славяносербия: Очерки из истории заселения Донбасса в 18 в. Документы — Луганский региональный научно-исследовательский центр по проблемам истории Донбасса.* — Луганск: Globus, 1998. — 119 с.

ору Албанезу грамоту, которой определялось, что майор Албанез на добровольных началах выведет из Австрии сербов и сформирует на Украине несколько сербских гусарских полков. В результате в Россию прибыло 459 сербов. Уже после смерти Петра Указом Тайного совета 1728 года им были отведены земли на Украине.

Штат полка был установлен в 600 человек. Недостающее до штата количество гусар было пополнено казаками из слободских полков. В 1729 году Сербский гусарский полк поселился в районе крепости Тор в сторону Украинской оборонительной линии, а в 1730 году был отправлен на фронт против персов. Участие в этой войне не отвечало интересам сербов. Во время похода 179 человек бежали. Остальные в 1731 году были возвращены на прежнее поселение. Так что еще в первой половине 18 века местом поселения сербского гусарского полка был избран район Донбасса... В 1751 году полковник Иван Хорват обратился к послу России в Вене графу Бестужеву-Рюмину. От своего имени и от других офицеров Хорват заявил, по словам посла, что они «крайнее желание по единоверию имеют не только в нашей службе быть, но и в подданстве уже остаться». Они просили отвести им на Украине выгодные места, чтобы еще в 1751 году могли выходить и селиться в России...

На запрос посла ему был направлен из Петербурга указ, в котором сообщалось, что Россия готова принять не только названное количество людей, но и больше «сербского народу» и селить не только на Украине, но и в других местах на выгодных условиях. И не только на службу в указанные полки, но и просто для поселения. Так что, если пожелают, пусть едут прямо в Киев. Главным признаком, по которому подбирались люди, была принадлежность к православной церкви.

10 октября 1751 года команда И. Хорвата в количестве 218 человек с женами и детьми прибыла в Киев... Иван Хорват пожелал поселиться, как он писал «от фортеции Каменка по край границы польской», включая урочище Черный лес. А

после поселения его полка, прочие полки против крепости Архангельской поселились бы с левой стороны к Днепру до границы турецкой и татарской. Создаваемые полки по их положению приравнивались к полкам России...

Вслед за Иваном Хорватом выхода в Россию попросили у австрийского правительства подполковник Иван Георгиевич Шевич с сыновьями Иваном и Петром, которые были в звании капитанов, а также поручик Стефан Сабов, Иван и Игнат Миоковичи, Константин Юзбаш и многие другие. Мария Терезия не хотела отпускать их, однако, боясь конфликта, уступила их настойчивым просьбам и велела выдать паспорта...

Интересна родословная Ивана Георгиевича Шевича. Он был внуком серба Родослава Шевича, переселившегося в Венгрию в 17 веке. Это была древняя дворянская фамилия, которая пользовалась большим почетом на родине. Отец Ивана Шевича Юрий (Георгий) Шевич принимал активное участие в прутской военной кампании против турок и оказал России большие услуги. Этот подвиг сербского патриота при реке Прут по достоинству оценил Петр Первый. Он подарил ему свой портрет, обрамленный драгоценными камнями. Георгий Шевич с честью и достоинством носил на себе эту дорогую ему памятную награду.

Со своей командой в количестве 168 человек Иван Шевич прибыл в Киев 23 октября 1752 года. Райко Прерадович добрался до Киева чуть позже - 6 ноября того же года. Его команда насчитывала всего лишь 24 человека мужского пола и 4 женского. В основном, это были родственники. С ними были две служанки. Вскоре оба командира – подполковники Иван Шевич и Райко Прерадович были произведены в ранг генерал-майоров. А другие члены их команд по их представлению получили офицерские и унтер-офицерские чины, в том числе десять родственников Прерадовича...

Стремясь к независимости, Шевич и Прерадович желали поселиться отдельно

от генерала Хорвата. В то же время Шевич просил выделить ему территорию в Новой Сербии, на правом берегу Днепра... Правительство решило, что обоим новым генералам - Шевичу и Прерадовичу - довольно будет для поселения территории от Бахмута до Лугани, простирающейся на расстоянии около ста верст, а в дальнейшем, если потребуется, будет предоставлена другая земля.

В указах императрицы Елизаветы Петровны от 29 марта и 1 апреля 1753 года предписывалось: «...Шевича и Прерадовича с выходящими с ними определенных наций народами селить от конца линии и поселения ландмилиции с донецкой стороны, то есть, от Бахмута до Лугани в назначенных от линии укрепленных редутами местах, а именно, от того Бахмута через вершину речки Сенжаровка и к вершинам рек Миуса и Белой. А от оных по назначенной в ландкарте красной линии и до Лугани, не выпуская их по сю сторону Донца, где донских казаков (земля) до Бахмута простирается...» Земля, отведенная для поселения славяносербских рот И.Шевича и Р.Прерадовича на правом берегу Северского Донца между речками Бахмутом и Луганью, получила название Славяносербии.

Сохранились интересные воспоминания в дневниках и записках одного из активных участников тех событий генерала С.С.Пишчевича, изданные позже отдельной книгой под заголовком «Известия о походе Симеона Степановича Пишчевича (1731-1785)». Приехал он в Россию в декабре 1753 года в чине капитана и был направлен на службу в гусарский полк к генералу Шевичу. В числе первых прибывший на место поселения Славяносербии, он так писал о своих впечатлениях и наблюдениях: «Земля, как обыкновенно, затверделая, дикая, и может быть, что от создания света необработанная, и лежала во все древние века без всякой пользы впусте и без народа; край, однако, теплый и жестокости зимней, как внутри России бывает, там нет, а хотя зима и бывает, но умеренная, и климат сходствующий много

с Молдавией, ибо в лесах дикие овощи, яблоков и груш много, а также на иных местах и дикой виноградной лозы отыскать можно... Мне досталась рота над Донцом, рассказывает далее Пишчевич. Урочище то прозывалось Раевка, где был у меня лес недалеко. Стоял я долго лагерем, имел небольшую палатку. Потом сделал сарай, сплетенный из хвороста, и накрыл травой. Мастеровых людей нигде еще достать невозможно было, хотя селения по той стороне реки Донец и были, но к нам на работу никто ни за какие деньги идти не хотел. Так тамошний народ сперва нас дичился. А то делалось от того, что народ тамошний родился, возрос и состарился все на одном месте, в глуши такой, что никакого другого народа не видит, кроме себя и своих, то потому, как нас увидели, то убегали от нас, как дикие. Потом они сами об этом рассказывали...»

Жизнь первых поселенцев Славяносербии Пишчевич сравнивает с положением тех, кто в результате крушения корабля попал на необитаемый остров. Огородов и зелени на пищу в первый год ни у кого не было. Пока завели, питались дикими чесноком, луком, другими травами. А те, которые селились по Лугани, терпели еще большую нужду, потому что на Лугани нет лесу, чистая и голая степь.

Разумеется, отдельные смельчаки не раз пытались обосноваться в этих краях для жилья, в недостижимых для царского правительства местах. Однако крымские татары и ногайцы, считавшие эту местность своей, всякий раз нагоняли их, стремясь уничтожить, а то и захватить в плен. Лишь отдельным престарелым, одиноким казакам, кому уже некуда было податься, удавалось продержаться здесь год-другой или ряд лет.

Конные гусарские полки Шевича и Депперадовича по-прежнему оставались недоукомплектованными. По данным Центрального государственного архива древних актов (Москва) в полку Шевича в 1758 году было 272 человека, в том числе 164 рядовых гусара. По причине малочисленности полки Шевича и Депперадовича в

1764 году объединили в один - Бахмутский гусарский полк, А Славяносербия была включена в Новороссийскую губернию. В то же время потеряла свою независимость и была включена в Новороссийскую губернию Новая Сербия...

После объединения в Бахмутском полку были проведены определенные преобразования. На 14 августа 1764 года в нем состояло 1089 человек. Из них выбыло в другие гусарские полки 155 человек. К этому времени генерал-майора Райко Депрерадовича уже не было в живых. Генерал Иван Шевич в 1764 году вышел в отставку. На смену отцам пришли их сыновья. Бахмутским гусарским полком уже командовал сын Родиона, полковник Георгий Депрерадович. В полку установили единую нумерацию рот. Некоторые из них были перемещены, другие переформированы...

События в мире развивались так быстро, что намеченную реорганизацию Украинской оборонительной линии завершить не удалось. А в дальнейшем вследствие происшедших на этой территории перемен необходимость в ней, как мы увидим, и вовсе отпала...

После поселения славяносербских рот, начиная с середины 50-х годов, в этот регион начался приток населения. Надо заметить, что с приходом к власти Екатерины II деятельность правительства России по освоению свободных земель активизировалась. Царский манифест от 4 декабря 1762 года приглашал всех иностранцев, желающих переселиться в Россию. Переселенцам предоставлялись большие льготы. В результате к 1770 году в России было основано сто семнадцать новых поселений.

После ликвидации Крымского ханства угроза нападения на эти края миновала. Отпала необходимость в военных укреплениях, Славяносербские воинские поселяне были переведены на положение казенных крестьян. По указу 1776 года все воинские и государственные поселяне обязаны были комплектовать гусарские и пикинерные полки и платить общую поземельную подать, а через год, в 1777 году, Григорий Александрович Потемкин, бывший тогда генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний, обложил их подушным окладом (податью) по 1 рублю с человека. Словом, для военных поселян – бывших славяносербских гусар – началась обычная крестьянская жизнь...

НОВАЯ СЕРБИЯ В СТЕПЯХ ДИКОГО ПОЛЯ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ МЕЧТЫ

В первой половине XVIII века Сербия переживала тяжелые времена: под гнетом Османской империи, захватившей страну, сербы были вынуждены покинуть родные земли и переселиться за Дунай. Население стало заложником австро-турецких войн – терпевшая военные неудачи Австро-Венгерская империя часто перекладывала обязанность сдерживания турок на переселившихся за Дунай граничаров – жителей приграничных районов.

В 1739-м году Российская и Австро-Венгерская империи, пользуясь внутренними неурядицами в Османской империи, совместными усилиями нанесли туркам поражение. Турция потеряла Хотин и Яссы и на время отказалась от территориальной экспансии. Утратив потребность в защите границ граничарами, правящая в Австрии династия Габсбургов стала поддерживать в территориальных спорах венгров, требовавших разоружения и выселения сербов. С 1743 года подразделения граничаров стали упразднять, заменяя их венгерскими войсками.

Российская монархия, традиционно благосклонно относившаяся к православным сербам, сочла разумным пригласить прославленных воинов на службу. Стараниями русских дипломатов Михаила и Алексея Бестужевых-Рюминых среди граничаров были найдены воины, пожелавшие переселиться на Российские земли. Переговоры порой проводились тайно, так как Австрийская правящая династия выступила против массового переселения сербов.

Первые случаи переселения сербов-граничаров на территорию Российской империи начались еще при Петре I. А в 1727 году по его указу неподалеку от города Соляной, построенного на Торских озерах (основан в 1676 году, позже пере-

именован в Тор; с конца XVIII века – Славянск), расположился полк сербских и черногорских гусар под командованием майора Ивана Албанеза, ранее являвшегося эмиссаром русского царя на Балканах и участником освободительного движения.

Следует отметить, что ожидания сербов были чрезмерными. Так, если верить архиву внешней политики Российской империи, среди граничаров ходили слухи, что каждому в России будет присвоено звание полковника. На самом деле, согласно грамоте Петра I, сербские добровольцы награждались чинами в соответствии с количеством людей, приведенных с собою на службу.

В середине XVIII века исход сербов с территории Австро-Венгерской империи начинает носить более или менее массовый характер. Из всех переселенцев наибольший след в истории оставили сербский подполковник Иван Георгиевич Шевич, основавший на территории современной Луганской Народной Республики поселение Славяносербия, и полковник Иван Самойлович Хорват, ставший основателем и злым гением Новой Сербии, находившейся на территории современной Кировоградской области, Украина.

«Спустя год граф М.П.Бестужев-Рюмин сообщает о проекте полковника И.Хорвата, который обязался привести в русское подданство гусарский полк в тысячу сабель и двухтысячный пандурский пехотный полк. За это он хотел получить пожизненный титул генерал-майора, офицерство для своих сыновей и земли для поселения солдат. Эти условия были приняты Елизаветой Петровной и закреплены указом от 13 июля 1751-го года. Первая «команда» из 276 человек с разрешения императрицы Марии-Терезии отбыла в Россию. Интересен её состав, который позволяет узнать структуру таких групп переселенцев. Комбатантов в ней было всего 77 человек (26 офицеров и 51 рядовом), 82 члена их семей и 59 слуг, при 196 лошадях», — пишет российский историк Юрий Костяшев.

Сразу по прибытии в Киев, Иван Хорват стал требовать от местных властей денег на поездку в Петербург. Представ перед императрицей Елизаветой Петровной, граничар пообещал привести в степи Дикого поля 10 тыс. гусар и построить там сеть городов и фортификационных сооружений.

Вероятно, периодические набеги татар, угроза со стороны турок и периодические эскапады Речи Посполитой до такой степени надоели императрице, что она не только дала авантюристу карт-бланш, но и, впоследствии, неоднократно прощала ему ложь, вновь и вновь выделяя финансовую и военную помощь.

В «Повествовании о Новороссийском крае» архиепископа Тверского и Кашинского Гавриила от 1851 года рассказывается о географическом положении Новой Сербии: «В 1752 году, как птицы на встречу весны, прилетели сюда в немалом количестве, и другие Сербы, которым с преждепришедшими и впредь приходиться имевшими, военными и невоенными людьми, и отвели в степях за-Днепровских наилучшие земли, именно: от устья реки Кагарлыка, прямою линиею до верховья реки Турьи, а с верховья Турьи на устье реки Каменки, от устья Каменки на верховье Березовки, от верховья Березовки до вершины Омельника, а по оной вниз, до самого устья тогоже Омельника, где оный впадает в Днепр; яснее и короче, нынешней Херсонской губернии в округах — Ольвиопольском, Ново-Миргородском, Александрийском, и частию Екатеринославской губернии в округе верхо-Днепровском».

Сербы потеснили проживавших тут раскольников и действительно начали основание города Елисаветграда и строительство земляной крепости. Иван Хорват получил звание генерала. Тем не менее, действия сербского генерала вызывали недовольство не только местного населения, но и короны.

В итоге, как пишет архиепископ Гавриил: «Но настало блистательнейшее царствование Великой Екатерины II,

(1762). До знаменитой сей эпохи от начала поселения Сербского протекло не более как только десять еще лет (1752-1762); а между тем государственной казны употреблено на оное не менее, как до 700,000 рублей серебром; по нынешнему курсу составляет 2,450,000 руб. Премудрая Монархиня тотчас проникла, что таким расходам вовсе не отвечает польза, ожидаемая от иностранного Сербского народа, тем паче, что в самом начальнике онаго, Иване Хорвате, обнаружилась несоответственная долгу верность и власти не малое злоупотребление, на которое жаловались начальству, как мирские люди, так и духовные. Но думали: ежели поселения не продолжат, то прежде истраченная на него сумма превратится в совершенный государству убыток».

Новая Сербия была упразднена, а вместо нею появилась Новороссийская губерния. Проект обошелся российской казне в 700 000 рублей, большая часть которых была потрачена впустую или расхищена Иваном Хорватом и его окружением. Генерала обвинили в растратах, судили военным судом и приговорили к смерти. Однако в 1764 году Екатерина II повелела заменить смертную казнь на ссылку в Вологду, а в 1775 году и вовсе издала указ, по которому «велено оному генерал-поручику возратить чины и достоинства жить в его деревнях». Хорват был прощен и до самой смерти в 1780 году жил весьма тихо в своем имении. Среди его потомков были военные, губернаторы и статские советники.

В отличие от своего соотечественника, Иван Шевич проявил себя куда меньшим сребролюбом. Подполковник Шевич был категорически против планов по уничтожению военной границы в Поморишье и разоружения граничаров. Когда утеснения со стороны венгров, поддерживаемых Веной, стали неприемлемыми, в 1750 году офицер подал заявление на получение статуса обычного гражданина и попросил паспорт для эмиграции в Россию.

Правительственные чиновники организовали судебное разбирательство про-

тив него и даже арестовали, но в конечном итоге проиграли дело из-за отсутствия доказательств. 19 октября 1751 года Иван Шевич получил свободу и документы и тайно пытался убедить других офицеров армии присоединиться к нему и мигрировать в Россию. Но чтобы препятствовать эмиграции сербов в Россию, императрица Габсбургов Мария Тереза 19 июня 1752 года выпустила специальный указ, грозящий людям, которые будут вербовать население для переезда в другое государство, смертной казнью.

Шевич был одним из сербских военных офицеров, которые привели около 3000 сербских семей на территорию вдоль р. Донец. Прибыв в Киев в декабре 1752 года, сербы получили указание селиться в Новой Сербии под управлением Хорвата, но отказались сделать это. Шевич в сопровождении Райко Прерадовича, полковника Славонского гусарского полка, отправились в Санкт-Петербург, где они подали прошение в сенат с просьбой основать собственное поселение.

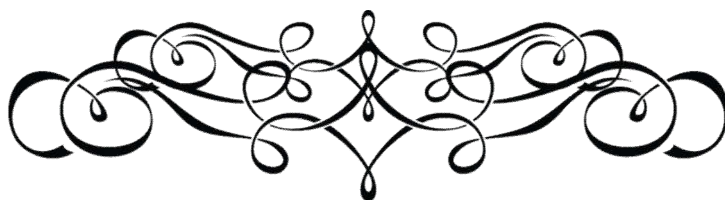
17 мая 1753 года российская императрица Елизавета подписала решение разрешить колонистам во главе с Шевичем заселять территорию между р. Бахмут и р. Лугань. Поселение получило название Славяносербия – его придумал Шевич. Иван Хорват пытался убедить людей, привезенных Шевичем, перебраться в свою Новую Сербию, но ему удалось переманить лишь небольшое количество сербов.

Шевич и его люди были включены в сербский гусарский полк. В военное время они сражались в армии Российской империи, а в мирное время обрабатывали землю. Сам Иван Шевич получил звание генерала. Сербский гусарский полк участвовал в Семилетней войне вместе с полками из Новой Сербии под командованием Степана Федоровича Апраксина.

Славяносербия была упразднена в 1764 году (скорее всего, в связи с многочисленными преступлениями Хорвата). По мнению сербского историка Михайло Лалича, это произошло вскоре после смерти Шевича. Тем не менее, основанные Сербями поселения превратились в маленькие городки и села, значительная часть которых существует на территории Луганской Народной Республики, по сей день. В частности, город Славяносербск, в котором установлен монумент в память о дружбе между сербами и местным населением.

Впрочем, историки считают, что особой дружбы изначально не было – сербы периодически конфликтовали с казаками. Тем не менее, уже в начале XIX века сербы были практически полностью ассимилированы русскоязычным населением – только тысяча человек назвала себя сербами.

Однако по сей день на Донбассе встречаются сербские фамилии: как напоминание о мечте, о Новой Сербии, которой так и не суждено было осуществиться.

ПРИВЕТ ИЗ 11-ОЙ РОТЫ

... Пора домой, в родное Зимогорье. На горе стоит скромный знак «Зимогорье-1645 г». Отсюда, с высоты птичьего полета, город как на ладони. Сейчас – белый от обильно выпавшего снега, весной – купается в белом кипении садов. Какой же хозяин может прожить без садика возле своей хаты, чтобы не посадить под окном вишню, пару абрикос да две-три яблони? А не посадит – так сами вырастут, ведь еще Пишчевич (писатель и основатель села Равевка) писал, что 250 лет назад здесь в балках и оврагах росли вишни, дикие яблони и даже встречался дикий виноград.

С запада на восток течет спокойная река Лугань. Русло её сильно извилистое. Река то отступает далеко от горы до 5 километров то вновь приближается к ней, как около самого большого моста города, что рядом с церковью. Ширина реки колеблется от 2,5 до 15 метров. Старожилы вспоминают, что до войны все население ходило купаться на Луганку, так как вода была очень чистой, имелись песчаные пляжи. Тогда не было такой моды – ездить отдыхать и купаться на Донец, да и транспорта для этого не было. Вдоль реки встречалось много родников. «Купаешься, бывало, - рассказывал нам один житель Зимогорья, - захочешь в жару попить – не бежать же из-за этого домой – хлебнешь прямо из реки, да и продолжаешь плавать. И после этого никакого расстройства желудка не было и в помине. Заилило родники, замусорили реку, а жаль... Да и рыба была здесь. Окунь, судак, ерш и беззубка сейчас не водятся, ведь они служат индикаторами водоемов. Раз их нет – значит здесь не чисто. А вот раньше бывало...» – и грустный вздох. Своё начало река берет с небольшого ручейка на Донецком кряже. Протяженность реки - 198 километров, глубина местами до 3 метров, площадь бассейна – 3740 километров квадратных. На всем протяжении реки её сопровождают луга – равнин-

ная местность простирается с севера от горы и тянется в сторону юга, пока снова не упрется в другую возвышенность. Возможно и название – Лугань – река получила от сопутствующих её дивных лугов. Она является правым притоком Северского Донца. На её берегах расположились такие города как Первомайск, Кировск. Зимогорье, Луганск, а также огромное количество больших и маленьких сел и деревень.

Не заметить такое удобство для построения селения практичному земледельцу было бы ошибкой. Потому на просторах Дикого поля много раз поселялись скифы, киммерийцы, сарматы и другие племена, появившиеся здесь еще до нашей эры. Об этом свидетельствуют древние раскопки: на окраине выявлено поселение эпохи бронзы, три поселения салтовомаяцкой культуры, поселение поздней бронзы, 8 курганных могильников с 22 курганами. Один курган (между Зимогорьем и бывшим совхозом «Переможець») до настоящего времени остался не исследованным, т.к. на нем стали хоронить жителей села Красный Луч.

Облюбовали это место и зимогоры. Зимогоры – это не народность, не нация, а люди, жившие зимовниками вдали от больших поселений. На карте Советского Союза мы можем встретить несколько населенных пунктов с названием Зимогорье, причем в тех местах, где гор в помине нет: Зимогорье вблизи Валдая в Новгородской области, Пушкинском районе Московской области; Зимогорье – станица на Волге близ Калинина, железнодорожная станция Зимогорье на Луганщине и т.д.

Существует легенда в устном народном творчестве, что якобы название это возникло в те времена, когда в этих краях зимой нагрянули татары и сделали большой вред, большое горе народу, проживающему здесь, вырезав за одну ночь все население, т.е. сочетание зима плюс горе. По второй легенде: название произошло от того, что у людей не было жилья и они в горе вырубывали себе жилище, т.е. устраивали жилье зимой в горе.

Но обратимся к почти забытому русскому слову «зимогор» – «бродяга», «босяк», «человек без определенных занятий и постоянного заработка». Можно думать, что такое имя несет определенную социологическую информацию: Зимогорье – местонаселение неимущих людей, сезонных рабочих.

У Виктора Астафьев в повести «Царь-рыба» находим такие слова: «Хватит, похолостяковал, позимогорил». Василий Белов (Роман-газета №9, 1991 г., «Год великого перелома») в уста своей героини вкладывает такие слова: «...Прости меня, господи, грешную! Эково я зимогора вырастила!» - подразумевая человека непутевого, гуляку, разбашаку. У В.И.Даля (1912, 1) другое значение: зимогор – «тот, кто остается зимовать вне Петербурга, в Шувалове, в Лесном, в Удельном, в Царском, в Терлееве...» У В.А.Гиляровского в книге «Мои скитания» есть такие строки: «Это был уже цвет ярославских зимогоров, летом работавших грузчиками и бедовавших в Будиловском трактире».

Но сначала надо сказать, почему возникла дата 1645 год, чтобы рассеять сомнения тех, кто сомневается в этом. Первых поселенцев Запорожских казаков, начало расселять здесь российское правительство в 1645-1647 гг. Казаки должны были выполнять сторожевую службу и охранять южные границы Московского государства от набегов крымских и ногайских татар (С. Беляев, «О сторожевой и станичной службе», М. 1848 г, стр.3-4).

Второе подтверждение мы находим в «Сборнике статистических сведений Екатеринославской губернии» (выпуск 3, Екатеринослав, 1886 г, стр.5.), где говорится, что в 1600-1700 годах через Чернухино пролегал секретный казацкий шлях из Сечи Запорожской на Дон и Кагальник. В Чернухино и Красном Куте казаки имели тайные склады оружия и продуктов, там была своя небольшая церковь, свой писарь, туда стекались сведения из ближайших сторожевых постов и зимовников, разбросанных по берегам рек, в ярах и балках.

Один из таких сторожевых постов находился на реке Лугань и именовался Черкасский Брод. Это подтверждается и другими документами тех времен. Запорожцы не старались останавливать приходивших в донецкую степь татар, если те являлись лишь для летнего выпаса скота. Казаки наблюдали за их передвижением и следили, чтобы они не вредили палаточному казачеству. Для наблюдения использовались различные курганы, могильники, различные укрытия: не колышется ли где в степи трава, не взлетят ли птицы. Как только дозорные замечали что-либо подозрительное, они зажигали бочки со смолой, оповещая таким образом соседние сторожевые посты. Река Лугань в какой-то мере являлась естественной преградой для набегов татар. Сохранились старые названия оврагов и балок: Виловатая балка, Свиной яр, Лисья балка, Товеркин яр.

В зимнее время, чтобы не болеть, казаки закаляли свое тело. Раз в неделю вымачивали себя в очень соленой воде (бочке). Кожа после этого грубела и становилась невосприимчивой ни к холоду, ни к хворям. В походах казаки не признавали никаких шатров, спали под открытым небом, на земле.

В поисках лучшей жизни в конце XVI и начале XVII века беглые крепостные крестьяне и городская беднота из России устремляются тайно в Дикое поле, чтобы избежать подушных податей, а также оброка, которые обязаны были платить крестьяне своему помещику или отработывать барщину. Поселялись здесь и выходцы из Правобережной Украины, убегающие из-под жестокого гнета польской шляхты. Ощущение общей опасности перед татарскими набегами объединяло людей разных национальностей, сводило их вместе. Еще большим толчком к массовому переселению правобережных украинцев на Восток явилось поражение Богдана Хмельницкого под Берестечком в 1651 году, когда польские паны триумфально начали возвращаться в покинутые в 1648 году поместья. Видный экономист и идеолог петровских преобразований Посошков пи-

сал в своей докладной, что крестьяне «дома свои оставляют и бегут в понизовые места, иные же во украденные, а иные и в зарубежные, и тако чужие страны населяют, а свою пусту оставляют». Беглые крестьяне пополняли собою ряды казачества, другие селились малыми хуторами или отдельными бурдюгами, как отшельники. После переписи в 1719 году (первая в России перепись – 1678 г) правительство констатировало огромную убыль народа.

Привольная жизнь в Дикой степи богатой рыбной ловлей, тучными пастбищами и плодородными полями, предоставлявшими возможность укрыться в камышах, лесах и оврагах от преследователей, имело большое влияние на стечение сюда беглецов с разных сторон: Белгородской и Курской губерний. Поселившиеся здесь, запорожцы и беженцы во избежание уплаты налогов, стремились скрыть сведения о своих землянках, зимовниках, населении и хозяйствах. Поэтому число поселенцев не поддавалось точному учету при государственных переписях. В целях закрепления населения в этих местах, подверженных набегам татарских, калмыцких и турецких банд, власти прибегали к сокрытию беглецов. По этой причине, вероятно, Черкасский Брод в 1719 году в переписи не был указан или, возможно, еще не существовал. А сам Черкасский Брод не указан по той причине, что на запорожских (военных) землях переписи никто не проводил и не обнаружил.

Хутор Зимогорье расположился примерно в 4 км в стороне от зимовника Черкасский Брод, т.е. там, где находится Феневка, и имелось в нем лишь несколько хат.

С приходом в наши края в 1753 году сербов под руководством И.Шевича земли в округе быстро осваиваются, увеличивается рост населения и количество населенных пунктов.

Заселенная территория принадлежала на правах ранговой дачи генерал-майору И.Шевичу, который волей данной ему расквартировал в Черкасском Броду (уже существовавшем) 11-ю роту (по по-

следнему исчислению) Бахмутского гусарского полка, что послужило причиной появления параллельного названия: 11 рота. Это название, несмотря на прошедшие двести пятьдесят лет, еще сохранилось в памяти зимогорян.

Из докладной генерал-майора Бибикова генерал-майору Райко Прерадовичу от 1754 года читаем: «Называется – шанец Черкасский Брод. Церковь в оной строится во имя святого отца Николая Угодника. Она же рота, хотя сначала была изведена умершим Игнатом Миоковичем, тою он по его желанию был определен в Слободской гусарский полк и после его во оной роте не осталось гусар селения как 4 двора. Ныне же имеющееся во оном селении доведено старанием капитана Ивана Маркова».

В 2002 году на проспекте Ленина в городе Зимогорье был установлен памятный знак в честь основателя нашего города и 11-й роты. Ко всему добавим, что И.Марков приехал сюда в возрасте 27 лет с женой, детей не имел, проследить родословную не предоставляется возможным ввиду сгоревших церковных книг, свидетельствующих о «годах рождения и венчания».

Когда И.Марков поселился в Черкасском Броде, его соседями в округе стали: бригадир Константин Юзбаш – в Александровке (он назвал её так в честь своего сына Александра), поручик Петр Сентянин – Старая Сентяновка (поселок Фрунзе); Семион Пишчевич – село Раевка, поручик Лазарь Сабов – село Сабовка (поселок Меловое), сам генерал-майор – Иван Шевич в поселок Славяносербске, поручик Дмитрий Перич – рядом с хутором Зимогорье небольшие земли, в народе – Перичево, Иван Радаков – поселок Родаково; Георгий Филлипович – село Крымское.

Вышеперечисленные земли раздали военным в качестве ранговых дач, там развивались населенные пункты, а сами бывшие военные впоследствии становились помещиками, их именами назывались населенные пункты: Сентяновка, Сабовка, Александровка и прочие, а вот в ка-

ком-нибудь далеко, допустим, в 1790 или может быть в 1830 году, кто-нибудь из военных мог начать свое письмо родным такими словами: «Привет из 11-й роты...». Главный командир Новороссийской губернии Мельгунов в инструкции начальнику Бахмутского уезда тайному советнику Фливерку требовал, чтобы двор гусар не оставался запущенным. Поэтому в гусары следовало принимать только семейных людей, а одиноких лишь сверх комплекта, или если они дадут обязательство «размножать свою фамилию». И в 1718 году в Бахмутской провинции проживало уже 19627 человек мужского пола, не считая чиновников, духовенства, военных.

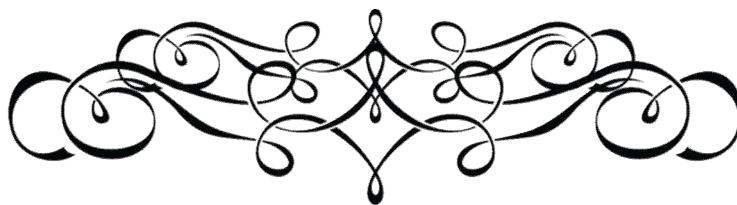
После поселения славяносербских рот, начиная с 1753 года, в этот регион усилился приток населения из глубины Украины: Харьковской, Полтавской и других губерний – помещичьи крестьяне, которые будут селиться в хуторах и деревнях и работать станут на помещиков. Так рядом с городом Зимогорье (между Зимогорьем и селом Хорошее) возникнут хутора Сергеевский и Александровский, и деревня Новодемьяновка. Это место будет называться Феневским кутом, по имени богатого помещика Фенева. А почти у села Хорошее (карта 1868г) у Перечевой балки – дача прапорщика Перича.

С образованием Славяносербского уезда в 1784 году, проведения подробных

переписей и составления карт – наступает упорядоченное исследование региона. По старинным картам можно проследить, как одни хутора разрастаются и сливаются с рядом стоящими: хутор Зимогорье стал деревней, а потом сольется с селом Черкасский Брод. А хутора Сергеевский и Александровский исчезнут с карты, вероятно, примкнут к Зимогорью (на востоке) или к Ново-Демьяновке (на западе), по воле помещика Фенина, владельца тех земель.

Земли слободы Александровской (помещиков Юзбашей) распространялись почти до села Черкасский Брод. А вот Черкасский Брод арендовал земли со временем в селе Михайловка у госпожи Долго рукой.

Зажиточные крестьяне села Черкасское брали в аренду землю, принадлежавшую помещикам села Александровки. Имение Александровка принадлежало камергеру высочайшего двора Л.В.Голубеву. До этого она в 1753 году досталась в ранговую дачу капитану Бахмутского гусарского полка Константину Юзбашу. 1806 году брат Юзбаша продал её княжне Орбелишне – по второму браку принцессе Мюрат. В 1880-е годы имение приобретает Л.В.Голубев, женившийся на дочери известного флотоводца адмирала Макарова. Земли Веселой Горы также входили в имение Голубева.

«Переселение» — исторический роман-притча сербского писателя Милоша Црнянского (1893-1977) о переселении сербов в середине XVIII века из Австрии в Россию. Майор Вук Исакович, вынужденный вместе со своим Славонско-Подунайским полком сражаться за интересы Марии-Терезии, живет надеждой на переселение в Россию. Противостоит мечтателю Вуку его брат, торговец Аранжел Исакович, стоящий обеими ногами на земле. Однако мечты братьев, символизирующих в определенной мере духовное и материальное начала, либо вообще не реализуются, либо терпят в дальнейшем крах...

Милош ЦРНЯНСКИЙ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ¹ (отрывок из романа)

В те времена русское посольство находилось в Леопольдштадте и занимало небольшой особняк в стиле барокко, среди роскошного платанового парка с великолепными широкими воротами, где могли разъехаться два экипажа. У ворот посетителей встречал привратник-швейцарец, весь в серебре и золоте, а на лестнице — лакей. Канцелярия конференц-секретаря посольства помещалась на втором этаже. Исаковичу почудилось, будто его провели сквозь стену: там, в голубой нише, возвышалась статуя Венеры, державшей руку на пупке.

Когда же он вошел к Волкову, ему показалось, будто в комнате совсем темно.

В ту пору в русском посольстве для приема переселяющихся в Россию сербских офицеров был установлен определенный порядок. При графе Бестужеве в переписке с венскими властями они именовались не австрийскими, а русскими офицерами, получившими разрешение переселиться в Россию. Когда Бестужев заявлял

протест в канцелярии двора по поводу задержанных или арестованных офицеров-сербов, он обычно так и называл их — не австрийскими, а русскими офицерами. Так продолжалось какое-то время и при графе Кейзерлинге.

В русском посольстве в соответствии с этим сербских офицеров принимали и внимательно выслушивали. Согласно установленной процедуре действовал и Чернёв, но держал он себя с ними довольно резко.

Конференц-секретарь Волков был мягче. Ему была поручена переписка с черногорским владыкой Василием, который, проезжая через Вену в Россию, обратился с просьбой о переселении в Россию всей Черногории!

Сбитый с толку, усталый, разочарованный и огорченный Исакович молча вытянулся перед Волковым, точно на смотре перед Гарсули; при этом Павел разглядывал зеркала, гобелены, большой версальский стол, гардины на окнах, видневшиеся в них кроны платанов и сидящего за столом человека в парике, который, не поднимая глаз, что-то писал.

Это был плотный и коренастый, как медведь, мужчина во французском платье. Губы у него дергались.

Наконец, сложив исписанный лист, он протянул его лакею и громко крикнул, словно тот был далеко:

— Ашу!

Барон Аш был помощником первого секретаря посольства Чернёва.

Когда Волков встал, Исакович увидел, что он — крупный и еще молодой человек, когда же он снял парик, оказалось, что волосы у него светлые как солома, а глаза зеленые и добрые. Улыбаясь, он вежливо подошел к Исаковичу и сказал: «Хорошо! Хорошо!»

Павел его не понял.

— Я забыл, — спохватился Волков, — что вы не понимаете по-русски. Ага-гияниян мне говорил, что вы знаете немецкий. И потому на немецком языке я

¹ Црнянский М. Переселение: В 2 т. / Пер. И.Дорбы; Предисл. Н.Яковлевой. — М.: Худож. лит., 1989.

объявляю, что вам, капитан Исакович, беспокоиться нечего. Pass² для переселения получают все, кто внесен в список Шевича, никто сейчас этого запретить не может. Разве только канцелярия двора докажет, что генерал, подписавший вам отставку, не имел на то права! Однако надо надеяться, что подобного не случится. Командатуры в Осеке (Волков сказал: «Esseg») и Темишваре получают копии вашего паспорта.

Волков говорил по-немецки хорошо, но с каким-то присвистом — у него были очень острые резцы, — и Павел не сразу его понял. Он глядел во все глаза на французский фрак конференц-секретаря, на его могучие толстые икры, обтянутые шелковыми чулками, и особенно — на белый жилет с бриллиантовыми пуговицами. Исакович представлял себе русских совсем другими.

Согласно процедуре, которой придерживались секретари посольства при опросе сербских офицеров, Волков спросил, какие причины побуждают капитана Исаковича переселяться в Россию.

Павел уже пришел в себя и начал свой пространный рассказ с того, как сербы в битве при Косове потеряли свое царство, как погиб царь Лазар, как Милош зарубил Мурата, как они, Исаковичи, перешли в Австрию и живут теперь в Среме и в Банате, называя эти места Новой Сербией. Однако Волков перебил его.

— Все это очень интересно, — сказал он, — но мы уже о том наслышаны. Господин Николай Чернёв, первый секретарь посольства, не может даже глаз сомкнуть: снятся ему и Мурат, и царь Лазар, и Косово. Все это мы знаем. Скажите, положив руку на сердце, капитан, что заставляет вас ехать? Расскажите об этом поподробнее, раз уж вы говорите по-немецки, и не торопитесь.

И Волков принялся расхаживать по комнате, точно он был маятник, а Исакович — корпус часов. При этом секретарь

утирал со лба пот кружевным платком и все время поглядывал на этот платок, словно в нем было что-то спрятано. Павел только диву давался: что за притча? Этот разодетый в шелк молодой человек, его русский брат, не дает ему рассказать о бедах сербского народа, не дает слова вымолвить о том, сколько выстрадали сербы! Не дает даже закончить фразу!.. «Это, мол, интересно! Но мы все уже слышали!» И тогда Павел принялся рассказывать о недавнем прошлом, об их недавних муках. О том, как они перешли с Вуком Исаковичем из Црна-Бары в Австрию, как стали офицерами, как воевали с Францией и Пруссией, как...

Но Волков перебил его снова, сказав, что за последнее время он помогал отправиться из Вены в Россию несколькими офицерам, прибывшим сюда из Темишвара. Однако некоторые из них затем передумали и остались в Вене. Потому пусть капитан скажет, действительно ли Исаковичам так трудно и не изменят ли они свое решение? Он, Волков, обязан его об этом спросить.

Тогда Павел, покраснев от возмущения, объявил, что в Австрии не только попрекают их верой и национальностью, но после войны решили уволить их из армии, а сейчас задумали превратить в крепостных, заставить обрабатывать землю в Herrschaft'ax³ Венгрии. Уводя из Сербии в Австрию своих бедняков, они, Исаковичи, клялись, что в этой христианской стране им будет лучше. Но их обманули.

Волков остановился и сказал:

— Хорошо. Хорошо.

Исакович не понял. А секретарь, глядя ему прямо в глаза, снова попросил коротко и ясно ответить, когда именно он решил ехать в Россию.

— Когда сирмийских гусар перевели из конницы в пехоту, — заорал Павел. — Когда кончилась война. Не хотим мы идти в пехоту!

² Паспорт (нем.).

³ - в имениях (нем.).

— Вот это-то, — сказал Волков смеясь, — я и хотел услышать. Об этом говорили и другие офицеры, ожидающие в Вене паспортов. Вы правы. А что если сербов в России направят в пехоту? За такие дела, которые вы здесь натворили, в России строго наказывают. Там прибегают и к усекновению языка, а кое-кого за непослушание ссылают в Сибирь.

— Шевич записал нас в гусары, — побледнев, закричал Исакович. — Но все равно я предпочитаю шлепать по лужам в России, чем вернуться в Темишвар и просить пардона! Не смогу я смотреть в глаза своим людям, которых вывел из Сербии, когда они станут пахать господам землю и корчевать в лесу деревья. Живым я в Темишвар не вернусь, еду в Россию и никогда от этого не отрекусь.

Волков спросил у Павла, все ли сербы, с позволения сказать, такие же сумасшедшие. Все ли они такие? Исакович ответил, что все сербы в подобных делах держатся одного мнения. На Россию они смотрят как на своего покровителя и уехали бы туда все, если бы только могли. Россия — их единственная надежда. Иного покровителя у них нет в целом свете.

Волков опять стал ходить перед Исаковичем и снова спросил, много ли понадобится паспортов для слуг, много ли будет лошадей, повозок? Павел помолчал, не зная, надо ли говорить, что они, Исаковичи, теперь обеднели и уже не ездят как графы.

— С нами, — сказал он, — поедут жены, дети и несколько старых слуг, которых мы не можем оставить. Приблизительно человек двести. Но коли могли бы, двинулись бы целые села!

— Если речь пойдет об этом, — заметил Волков, — то, представляясь новому послу, вы о том помалкивайте. Скажите только об офицерах. Однако я хочу спросить вас еще кое о чем. Если Австрия действительно преследует православных и гонит их из армии, чтобы заселить венгерские поместья и превратить сербов в крепостных, и если, наконец, столько людей хочет переселиться и не может найти тут

себе покоя и кровли над головой, то с какой стати ваш митрополит не одобряет этого переселения? Почему митрополия подкапывается в Вене под тех, кто хочет переселиться? Обвиняет Шевича в неуплате каких-то долгов, возводит напраслину на Прерадовича? Почему по ее наветам бросили в тюрьмы нескольких офицеров?

Павел сказал, что это не должно удивлять господина Волкова. Ему, Павлу, известно, что митрополит заточил владыку черногорского в Крушедолском монастыре, а ктитор (Исакович сказал: «Inhaber»⁴) — родич Исаковичей. Ему известно и то, что в Вене находится экзарх митрополита (Исакович сказал: «unser Nazional-kanzler»⁵), который пишет на сербских офицеров доносы. Митрополия считает, что отказываться от Австрии не следует, достаточно того, что народ перешел из Сербии в христианскую землю, и незачем ему переселяться в далекую незнакомую страну, продавая за бесценок дома и скот (Исакович сказал: «unsere Kuhn und Ochsen»⁶). Митрополия считает также, что в Австрии жить им скоро станет лучше.

Волков заметил, что церковь рассуждает здраво. А Исакович в ответ закричал, что церковникам, этим угодливым, вкрадчивым и не обремененным семьею людям, рассуждать так проще простого. Они-то, может, и лелеют какую-то надежду, но для солдат и офицеров таковой в Австрии нет. Австрия высосала из них всю кровь и бросила. Здесь нет для них больше места. С этим согласны все офицеры, и все бы уехали, будь тут сейчас Бестужев.

Волков мягко заметил, что капитану незачем беспокоиться обо всех сербах, русское посольство будет о них заботиться и после отъезда Бестужева, потом спросил, думают ли солдаты так же, как офицеры. Павел сказал, что офицеры и солдаты — одна семья, все они родичи, кумовья и

⁴ «содержатель» (нем.).

⁵ «наш национальный канцлер» (нем.).

⁶ «наших коров и быков» (нем.).

земляки-ландсманы, сказал Павел. И все готовы переселиться в Россию.

— Что значит Landsmann? — спросил конференц-секретарь. — Слуга, мужик, мужчина? Может, Landbesitzer⁷?

— Это соплеменник, земляк, человек из того же села, который порою милее родного брата, — объяснил Исакович.

— Все это очень интересно, — сказал Волков, — но русское посольство с сербами уже немало натерпелось. Вот, скажем, сейчас в России они бог знает что творят. Здесь сербы говорят, что жить в Австрии им невыносимо, а приехав в Россию, выражают недовольство и там. Требуют повышения в чине! С ними очень трудно. Беда еще в том, что каждый хочет быть лучше других. Я считаю, что главный порок сербов — зависть!

Павел, поглаживая усы, заметил, что с ними, Исаковичами, все будет проще. Им безразлично, какие чины даст им Россия: едут они туда не за чинами, не за порционными деньгами, они едут воевать вместе с овечьими славою русскими полками. Об одном он только просит для себя и для братьев, пусть им и впредь позволят служить в кавалерии, а не в пехоте. Волков снова воскликнул:

— Хорошо! Хорошо! — И добавил, что посольство сообщит Военной коллегии в Петербург, что Исаковичи, переселяясь, не просят ничего, кроме права с честью воевать и, если надо, погибнуть! И надеются, что за храбрость их удостоят ордена святого великомученика Георгия Победоносца. Когда Волков произнес эти слова, Павлу показалось, что тот, глядя на него в упор, насмешливо улыбается.

Приосанившись, Павел объявил, что его высокоблагородию не следует удивляться. Сербия — страна горная, в ней люди дышат чистым воздухом. Мать говорила ему, что никто из Исаковичей ни разу не согнул шеи перед турками. Словом, не он один хочет уехать в Россию. А в Австрии, этом христианнейшем царстве, где на

поверку нет христианства, царят только ложь, лицемерие, насилие да несправедливость.

Волков, глядя на него, стал серьезен.

— Твердо ли ваше намерение? — спросил он еще раз. — Не раскаетесь ли вы потом, ведь и здесь можно неплохо жить? Австрия обещает пожаловать дворянство и дать поместья тем офицерам, которые откажутся от переселения. Словно грибы после дождя, плодятся ныне измененные сербские фамилии: «Де Йовановичи, де Прерадовичи, де Рунич, де Божиичи. И потому в актах и прошениях теперь сплошная путаница. Неразбериха царит и в переписке нашего посольства с австрийскими властями: скажем, мы называем кого-то «Штерба», а австрийцы — «Чорба», и трудно сказать, один и тот же это человек или нет?

Павел сказал, что Штерба — его родственник, и он его хорошо знает.

— Впрочем, — продолжал он, — пишите нас как угодно, мы хотим остаться офицерами и умереть в бою, не желаем мы кончить жизнь в постели, не желаем превращаться в купцов, лавочников или славонских синдиков.

Волков, смеясь, заметил, что ему нравятся Исаковичи, что такие люди ему симпатичны. Говоря по-русски, они ему по душе! Правда, венгры еще приятнее — они веселее! Но если Исакович позволит, он хочет задать еще один вопрос: не замешана ли тут несчастная любовь? Какая-нибудь женщина с красивыми глазами и стройными ножками? Не потому ли Исаковичу вдруг приспичило ехать в Россию? Волков невольно перешел на русский язык — так, по крайней мере, рассказывал потом Павел своим братьям. Вздвогнув, Павел ответил, что он вдовец, что в прошлом году у него умерла при родах жена, с которой он был счастлив, что снова жениться он не собирается, женщины его мало занимают.

Второй секретарь подбежал к Исаковичу и по-русски воскликнул:

— Не грустите, капитан, о прошлом! — А когда увидел, что Павел не по-

⁷ земельный собственник (нем.).

нимает, добавил уже по-немецки: — Не следует возвращаться в прошлое.

Волков так и сиял, подходя к Павлу, казалось, он вот-вот его обнимет. Глаза секретаря весело смеялись. Он сказал, что его тоже постигло в прошлом году большое горе: умер отец. Однако нельзя же вечно грустить! И снова повторил:

— Ну же, капитан! Не грустите о прошлом!

Увидев, что лицо Исаковича мрачнеет, Волков подошел к нему, обнял и сказал:

— Приходите завтра или послезавтра. Надеюсь, капитан, мне удастся представить вас послу. А сейчас гуляйте себе спокойно по Вене! Никто не посмеет вас и пальцем тронуть. Отныне вы находитесь под защитой императрицы Елисаветы и русского посла при австрийском дворе. К тому же Агагиянян получил распоряжение всюду сопровождать вас и не терять из виду.

Потом Волков подошел к столу и снял с письменного прибора колокольчик. Вошедший лакей проводил Павла вниз по мраморной лестнице и по саду до самых ворот; в саду было тенисто и прохладно, хотя на дворе стояла жара.

Павел шагал набычившись. Он устал так, словно мчался без отдыха из Срема до самой Вены на бешеном коне. И не заметил даже ожидавшего его у ворот Агагияняна.

Привратник посольства подошел к капитану и спросил, где *Ihro Gnaden*⁸ оставил экипаж? Исакович посмотрел на него, словно пробудившись ото сна, ничего не ответил, повернулся и пошел дальше, даже не взглянув на молодого армянина, который удивленно таращил на него глаза. Молча выйдя на улицу, Исакович опустил саблю ниже, так, чтобы она волочилась по мостовой. Для Вены это было внове. Прохожие оглядывались на него. А капитан шел вразвалку, как в те времена обычно ходили сирмийские гусары...

⁸ *Его милость (нем.).*

Зорица МЛАДЕНОВИЧ

г.Белград, Сербия

ИСТОКИ ТЕМЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В РОМАНАХ МИЛОША ЦРНЯНСКОГО

Темы переселений с точки зрения литературы и тем более жизни неотделимы от Милоша Црнянского. Его изгнание, с одной стороны, унаследовано и прожито. В Австро-Венгрии он — серб из семьи эмигрантов. Это ставит его в абсурдную ситуацию, когда в форме австрийской армии он воюет против своего народа в Первой мировой войне. Абсурдность жизни так же будет ощущаться и в зрелом возрасте, когда он в качестве политического изгнанника окажется в Лондоне. И первый юношеский военный опыт, и впоследствии второй опыт, политических гонений, повлияли на писательский характер, оставив свой след в его творчестве. Однако какие же переселения стали смыслом его романов?

Романы «Переселение» и вторая книга «Переселений» опираются на общую историческую структуру, которая исследует XVIII век и переселение сербов в Россию.

Данные о том, что «Переселения» Црнянского основаны на Мемуарах Симеона Пишчевича, указывают на возможность еще одной нетипичной мемуарной работы писателя. Об этом говорят и точные записи дат, связанных с передвижениями главного героя романа в первой и второй книге «Переселений». Пишчевич участвовал в войне за австрийский престол, сражаясь так, как это изображено на примере персонажа Вука Исаковича, хотя в реальной жизни был писарем. Ни он, ни Вук Исакович не получают признания за свою преданность австрийской армии. Карьера военного начинает продвигаться у Пишчевича только в России.

Не следует забывать, что мемуары Пишчевича — это, прежде всего, мемуарная проза информационного характера, в то время как «Переселения» — это сложное романное представление событий, людей, их страхов, желаний и идей.

Первую книгу романа «Переселение» Црнянский написал в 1929 году, ее тематика — это война, предательство и любовная измена. Эмоции персонажей варьируются от любви до презрения. Чувство безнадежности и бессмысленности является основным мотивом романа, который проводится и отдельно от персонажей, в описаниях природы и, конечно же, в лейтмотиве романа о бесконечном синем круге и звезде в нем. В первой книге переселения только предугадываются как завет, который Вук Исакович оставляет племянникам. Это венец зрелых идей переселений Црнянского, идей, приобретенных в результате как личного, так и коллективного наследия и военного опыта.

Вторая книга «Переселений» написана в Лондоне, где автор проживал как изгнанник, не зная, вернется ли когда-нибудь в свою страну. Идею бессмысленности войны, которую Црнянский проносит в своих переселениях, почувствует и Вук Исакович, когда, уверенный в том, что он борется за освобождение Сербии, в какой-то момент оказывается со своим полком на берегу Рейна и задумывается, как же он туда попал. Павел Исакович продолжает эту идею бессмысленности и невозможности что-либо изменить.

Хотя и отдаленные по времени, оба романа несут одну и ту же идею о переселениях, которая отражается во второй книге в рефлексии о народном предании и Косовском мифе.

Название романа «Вторая книга переселений» указывает на намерение автора описать процесс, оставление одной среды и переезд в другую. В то же время, в названии есть отсыл к первой книге и заявление о ее продолжении, чем, без сомнения, этот роман не является. Эти два романа по-разному разрабатывают выбранный мотив.

Как говорит сам Црнянский, прочитав мемуары Пишчевича, он был яростно охвачен бурей того времени и собирался написать шесть книг Переселений. Но, несмотря на четко разработанный план, он не смог реализовать свое намерение. Возрож-

дение истории в двух написанных романах о переселениях превратилось в карусель бессмысленности, на которую обречена человеческая жизнь. Даже смерть ничего не решает, потому что жизнь заканчивается новым переселением. Это метафизическое утверждение, которым завершается вторая книга «Переселений», доказывает и подтверждает сама жизнь. Странствия Милоша Црнянского все еще продолжают. Чередуются жизни, делая переселения вечными и необходимыми, как идею, которую выражают огромное количество писателей во всех культурах от Гомера и Вергилия, через Гете, Хемингуэя и Томаса Манна, Чингиза Айтматова и Михаила Булгакова, и до Пауло Коэльо, Мохсина Хамида, Боры Чосича и Барби Маркович.

Личные переселения Црнянского продолжают до сих пор. Чонград, где он родился, сейчас находится в Венгрии, Тимишоар, в котором он вырос, ныне — Румыния, оба города на момент его рождения находились в Австро-Венгрии. Его идея суматризма предвидела и все эти переселения, и те другие, которые еще последуют. Они у Црнянского — частично мозаика желаний, частично — стечение обстоятельств.

Итак, переселения в социально-психологическом смысле связаны с вопросом идентичности. У Милоша Црнянского они действительно определяют идентичность. От Чарноевича до Исаковича и Репнина, его персонажи не существуют вне переселений. Только в изгнании становится очевидным, что они — жертвы переселений. Однако, как и Црнянский, они не обладают механизмом судьбы и не управляют своей жизнью. Их жертву определяют бедствия нации, более того, она, эта жертва — необходимость человеческой судьбы.

Перевод с сербского

Автор романа «Горячая степь» славяно-сербский журналист и писатель Александр Устенко (1951-2019) на основе богатого исторического материала исследует в своем произведении предпосылки возникновения первых сербских поселений в Диком Поле, повествует о трудностях, с которыми они столкнулись, придя в этот необжитый край, о непростых отношениях выходцев из Сербии с запорожскими казаками.

Александр УСТЕНКО

ГОРЯЧАЯ СТЕПЬ
(главы из романа)

Глава I

Тройка шла не так споро, как вначале. К исходу третьего часа пути, когда миновали верст сорок, лошади все чаще сбивались с четкой рыси, иногда, потеряв тракт, вязли в глубоком придорожном снегу, зло били копытами, и снег вперемишку со стылым черноземом взлетал вокруг фейерверком колючей картечи. Ямщик, нахохлившись, немым изваянием высился на облучке. Он уже не понукал лошадей — до ближнего яма* было не больше версты, а коль так, зачем гнать вконец уставшую тройку.

Полковник Иван Шевич и его спутник премьер-лейтенант Живан Божич молчали, устало, уже без прежнего интереса созерцая однообразную картину русской зимы. На вид полковнику было никак не меньше сорока, хотя на самом деле это был тридцатидвухлетний молодой человек, всего на пять лет старше своего ординарца.

Два месяца минуло с тех пор, как в день святых Космы и Дамиана, 1 ноября, Шевич оставил разгульную Вену, кичащуюся своим богатством, в разгуле и весе-

* Ям (тюрк. *yam*, тат. *yam*) — почтовая станция на Руси XIII—XVIII веков, где содержали разгонных ямских лошадей, с местом отдыха ямщиков, постояльцами дворами и конюшнями.

лье коротающую дни. Российский посол в Австрии граф Каузерлиц, у которого он имел аудиенцию, благодаря конференц-секретарю Волкову, сумел разглядеть в молодом полковнике не только юношеский задор и незаурядный ум, но и страстное желание избавиться от австрийской опеки, разделить судьбу многих своих соотечественников, нашедших покровительство в лице загадочной России и ее Императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого. Напутствуя Шевича, каузерлиц говорил:

— Хочу вас предупредить, полковник, Россия — страна необычная. Многое, с чем вы там столкнетесь, вызовет у вас недоумение, а то и полное неприятие.

Посол был человеком достаточно умным и многоопытным. Кроме своих посольских обязанностей, он по личному распоряжению канцлера Алексея Бестужева с благоволения Императрицы без устали занимался организацией переселения выходцев из Сербии в малообжитые районы юга России. И хотя австрийский двор, говоря языком дипломатическим, смотрел на действия Каузерлица неодобрительно, сила и мощь великого соседа губили даже робкий протест в самом зародыше.

— Мне трудно что-то отвечать вам, — сказал Шевич, — но за предупреждение благодарен.

— Не стоит благодарности.

Он с отцовской нежностью положил руку на мускулистое плечо полковника, добавил:

— Я дам вам рекомендательное письмо к канцлеру. Поэтому езжайте сразу в Петербург, а уже оттуда — в Киев, к Костюрину.

— Опять я вынужден благодарить ваше превосходительство за участие. Но, может, сподручнее сразу в Киев?

— Нет, нет, мой юный друг. Костюрин — человек настроения. Его действия нередко с необдуманностью граничат. Направление ему нужно, чтобы ориентир не потерял. Вот вы из Питера этот самый ориентир ему, как я думаю, и привезете.

Аудиенция на этом закончилась. Посол позвонил в латунный колокольчик, и в ту же секунду в дверях появился Волков с кувертом о пяти сургучных печатях. Передавая куверт Шевичу, каузерлиц крепко пожал ему руку, с ворчливой грустью произнес:

— В добрый путь. И да хранит вас Господь.

Обладая острым умом и незаурядной цепкой памятью, Шевич, конечно же, не забыл предостережений Каузерлица, и в последние дни часто встречался с Волковым. Будучи одних лет с этим русским дворянином, он с первой встречи проникся к нему искренней симпатией. Сближало их еще и то, что оба к своим тридцати с лишком годам успели вдохнуть полной грудью горький воздух поля брани: Шевич под Збручем в схватках с турками, Волков — с теми же турками в приазовских степях.

— Турецкий султан — наш батюшка крестный, — то ли шутя, то ли всерьез, не понять было, говорил Волков.

Они чуть ли не каждый день допоздна засиживались в венском доме Волкова на улице Святой Магдалины и за керафином доброго вина вели долгие беседы. Правда, больше говорил Волков, Шевич внимательно слушал, стараясь впитать самые разнообразные сведения о неведомой стране, в которую манил его зов соплеменников и еще неясное, неосознанное до конца чувство кровного долга. Русские и сербы — славяне, рассуждал он. А коль так, то россияне гораздо ближе его растоптанному и униженному народу, чем пруссаки, которые, кроме высокомерия и хитрости, казалось, не имели других качеств.

Иногда к их беседам подключалась жена Волкова, красавица, подобных которой выдывать полковнику не доводилось. Когда она входила в комнату, его сердце на миг останавливалось, потом принималось метаться в таком шальном ритме, что он опускал глаза и в течение всего разговора лишь раз-другой встречался взглядом с блистательной Наташей.

Обо всем этом вспоминал Шевич, скользя задумчивым взглядом по засне-

женным просторам русской равнины. Конечно, Наташа могла свести с ума любого, но только не его, боевого полковника, обремененного женой и тремя сыновьями, которых он боготворил и жизнь свою без них не мыслил вовсе. По весне они будут в Киеве — об их отправке позаботится Волков, так условились. А до Петербурга оставались считанные версты. Уже завтра Шевич предполагал впервые лицезреть таинственное Петрово творенье, о котором с восторгом и нескрываемой завистью говорили вельможи многих европейских городов.

* * *

В тот год зима в Киеве выдалась на редкость ветреной и злой. Вьюга без устали ошалело носилась над скованным льдом Днепром, у ухоженных златоверхих церквей, ютившихся на склонах правого берега, достигая Подола, врывалась в захламленные дворики мещан, забиралась под соломенные крыши однообразных, словно под шаблон поставленных, домов и мчалась дальше, в сторону Голосеевского леса.

Не одна сотня сербских поселенцев коротала зиму на Подоле. С женами и малолетними детьми, скудным скарбом, который зачастую помещался в деревянном сундуке или латаном одеяле. Кое-кто из них находил приют в домах местных торговцев и ремесленников, большинство же обустроилось в сараях и конюшнях. Богатая и сытая жизнь в России, о которой они были наслышаны на своей далекой родине, по-прежнему оставалась мечтой, с каждым днем все более далекой и все менее реальной.

Отбор поселенцев и гусар для пополнения сербских полков был завершен ко дню святого Сезония, 7 сентября. Говаривали, что он возобновится к Пасхе, но до нее еще дожить следовало.

Честолюбивые мечты капитана Горича рухнули в один день. Это случилось в субботу, 28 августа, на преподобного Пимена Великого, когда граф Костюрин, генерал-губернатор киевский, лично руководил полковыми учениями в Миргороде.

Костюрин со своим штабом и льстецом Хорватом, который получил под начало земли Новой Сербии, расположился на дощатом помосте с таким расчетом, чтобы сполна видеть всю панораму маневров. Это были даже не маневры, происходящее точнее было бы назвать жестким экзаменом, в котором случай, увы, подчас возвышал попавшего в его жернова. Случись последнее, можешь распрощаться со своей мечтой и радужными планами, собирать пожитки и править путь назад в Австрию. А там твою тягу к России уж обязательно припомнят.

Сначала себя показали гусары, пожелавшие влиться в полк Прерадовича. Горич, гарцуя на гнедом жеребце ближе к правому флангу, не мог не заметить явные просчеты в действиях эскадрона под командой премьер-лейтенанта Ивана Петрича, любимца и племянника самого Прерадовича. Команду Коспорина об окружении пехоты «противника» Петрич провалил, сам по сути оказавшись в тисках условных врагов. Видя это, Прерадович что-то стал шептать на ухо Костюрину, тот, выслушав старика, через адъютанта призвал к себе Петрича.

— Что тебе сказать, лейтенант? Вижу, в деле военном ты еще слабоват. Ну, да не беда. Молод, а значит и горяч. Но знаю, пройдет эта блажь. Главное, чтоб не бражничал. Еще и в полковники, может, выйдешь. А то и генералом станешь...

* * *

Только лишь зыбкое январское солнце бросило робкий взгляд на просыпающийся город, Шевич через западную заставу въезжал в Петербург. Пристально вглядываясь в аккуратные рубленые дома, хранившие в облике своем талант добротного и старательного мастера, он с удивлением отмечал необыкновенную ширину улиц. После Вены, где одно строение громоздилось на другое, словно стараясь таким образом самоутвердиться, доказать свое превосходство и исключительность, Петербург поразил его широкой перспективой. Город не хотел тянуться к небу, ему

достаточно было широты русских просторов, он «подминал» под себя окрестные леса и болота с пугающей уверенностью и быстротой.

Следов страшного пожара, случившегося шестнадцать лет назад, почти не было видно. Лишь кое-где вдалеке от новой улицы, виднелись обгоревшие остовы старых строений. Но впечатления они не портили, напоминали лишь о страшной трагедии, когда в огне погибла не одна тысяча горожан. Они были всего лишь немым предостережением. Ни с чем несравнимый запах близкого моря витал в воздухе.

Князь Волков из писем сына знал о скором приезде Шевича, встретил того весьма радушно, предоставив в его распоряжение две просторные комнаты на втором этаже своего добротного дома, построенного сообразно моде из серого камня и отделанного по углам черным гранитом. За этим гранитом два года назад князь сам ездил под Киев, придирчиво выбирал нужные камни. Удачность выбора подтверждала молва, в один голос решившая, что дом князя Волкова намного превосходит своею красотой и легкостью другие дома столицы, уступая разве что дворцу покойного Миниха.

Шевич не прислушался к совету князя отложить все дела на завтра, а нынче хорошо отдохнуть с дороги. Единственное, в чем он был согласен с князем, так это — нанести визит Бестужеву не в его резиденцию при дворе, а домой. Канцлер слыл демократом, и подобная вольность была в какой-то мере объяснимой и вполне приемлемой для него.

Уже в три часа пополудни, когда первые вечерние тени пали на Петербург, домашний камер-секретарь докладывал канцлеру о прибытии полковника Шевича с рекомендацией посла Каузерлица.

Бестужев принял Шевича ласково, бегло ознакомившись с письмом Каузерлица, с располагающей улыбкой обратился к гостю.

— Я слышал о вас, полковник, немало добрых слов. Еще летом Каузерлиц,

будучи в Петербурге, называл вас в числе тех, кто готов ехать в Россию и жизнь свою положить на алтарь ее могущества

Он бросил пыливый взгляд на Шевича, но лицо того оставалось бесстрастным.

— Надеюсь, посол правду говорил? Не так ли?

— Сущую правду, ваше превосходительство, — отвечал Шевич, завистливо глядя на ладную фигуру канцлера, которую эффектно облегал генеральский мундир голубого сукна.

— А коль так, то и разговор наш короток будет. Цель вашему пути — Бахмут, но перед тем завернете в Киев к Костюнину. Он как генерал-губернатор любит, чтобы стороной его не обходили. Уважим старика. В Киеве, а может, в самом Бахмуте, встретите генерала Бибикова. Насколько вам известно, он уполномочен Императрицей заниматься заселением Славяно-Сербии. К нему и явитесь. Все бумаги на сей счет получите завтра в моей канцелярии.

Бестужев замолчал, о чем-то подумал, вдруг спросил:

— С семьей-то как решили?

— С первым теплом отправятся в Россию. Друзья обещали помочь одолеть неблизкий путь.

— Правильно. Корни в России следует пускать враз и надолго. Временщиков не приемлет она, — задумчиво произнес канцлер, продолжая мерить крупными шагами кабинет.

Никакой натянутости не было в разговоре между этим высокопоставленным придворным вельможей, по сути, вторым человеком в Империи, и молодым полковником, волею судьбы заброшенным в холодную, незнаемую им страну. И, может быть, как раз отсутствие этой натянутости подвигло Шевича на дерзкую смелость спросить о давно терзавшем его предмете, не понимаемом им.

— Ваше превосходительство, — обратился он к Бестужеву, — осмелюсь обратиться к нам с вопросом, если ваша светлость позволит.

— Да чего уж там, — добродушно махнул рукой Бестужев. — Валяйте. Почему бы и не поговорить?

— Вот что у меня вызывает недоумение. Россия, дабы защитить свои кордоны от татар-крымчаков и турок, селит в этих краях сербов, волохов, других выходцев из Европы. А казаки запорожские вроде как не у дел остаются...

Бестужев ответил не сразу. Шевич знал, что затянувшееся молчание канцлера вовсе не из-за трудности вопроса. Видимо, тот подыскивает подходящие слова.

— Видите ли, полковник, все не так просто, как может покаться на первый взгляд. Казаки — народ славный, но слишком уж горды собой. Я думаю, вы слышаны о тех трудностях, с которыми сталкивается гетман Разумовский в действиях своих. Сколько раз казаки измену творили российскому престолу — я уж и со счета сбился. То их к крымскому хану тянет, то к туркам, а когда видят, что тщета все это, опять под крыло матери-Руси просятся. Измена с их стороны всегда ожидаема. И это страшит Императрицу.

— Но воевать-то они умельцы дивные Очаковским татарам, слышал, холку славно намяли...

— Когда русские полки рядом, смелости у них хоть отбавляй. А претензий столько, что диву даешься. Чуть ли не автономию даруй им, да при этом еще и корми.

Шевич такие речи слышал впервые и был удивлен безмерно.

— Неужель провианту производят обмаль? — спросил он живо. — Такие богатые земли.

— В том-то и вопрос, — отвечал Бестужев. — Рыбу ловить они умельцы, а вот хлебопашеством заняться, скотину разводить — лень, видать, не позволяет. Хлеб едят наш, российский. Своего — крохи, до первых морозов не хватает.

«Вот в чем причина, — думал Шевич. — А я-то наивно полагал, что с казаками поладим и жить дружно будем. Но если речь канцлера правдива, значит, нет

доверия казакам у русского двора, поэтому и зовут граничар в свои южные просторы».

А Бестужев меж тем продолжал:

— Претензии на самостоятельность Войска Запорожского не только смешны, но и опасны. Вы знаете, полковник, у них нет ни единого писаного закона, управление поддерживается авторитетом выборных лидеров. Путь к государственности у них долог и тернист. Одолеют ли — это вопрос. И на него не нам отвечать. Может, нашим потомкам.

— Поэтому Россия и не доверяет охрану южных рубежей сему Войску.

— Вы сделали разумный вывод.

Расставаясь с Шевичем и пожимая ему руку, Бестужев вдруг расчувствовался:

— Вы мне понравились, полковник, и за вами я буду пристально следить из Петербурга, чтобы, не дай Бог, не обидели. А то у нас это случается. Если что не так, знайте — я ваш заступник.

Шевич был наслышан, что Бестужев не склонен к сантиментам, и почему тот проявил такое участие и заботу, ему оставалось только гадать.

«Может быть, — рассуждал он, — нахлебавшись вдоволь дворцовых интриг, Бестужев решил оградить от неприятностей его. Но для чего, с какой целью?»
Ответа, как ни бился, не находил...

* * *

Глава V

Мытарствам Горича конец пришел совсем нежданно. Сразу же после рождественских святок явившийся в Киев проездом из Петербурга генерал Бибииков долго совещался с Костюриным, а на другой день приказал собрать на Подоле тех переселенцев, которые по всяким причинам получили отказную и теперь коротали дни в ожидании весны, чтобы с первым теплом тронуться в обратный путь. Оставаться отверженными, в лучшем случае, лакеями в чужой стороне мало кто соглашался. Проклиная свое легкоеверие, приведшее их в Россию, они уже свыклись со своей участью, предчувствуя впереди только новые беды и страдания.

Однако тот солнечный февральский день коснулся их отчаявшихся душ робким лучом надежды. Бибииков, гарцуя на гнедом жеребце перед разношерстной толпой, еще несколько месяцев назад представлявшей собой добротное войско, держал речь. Она была недолгой, но так желанной им.

Генерал поведал, что через два-три дня в Киев прибывает полковник Шевич, наделенный Императрицей и канцлером широкими полномочиями. Предстоит набор войска, и каждый желающий вправе рассчитывать, что его просьба будет удовлетворена. России, говорил генерал, нужны преданные воины, и отказываться от них, по меньшей мере, неразумно и грешно. Здесь же было объявлено, что о прибытии Шевича враз будет сообщено каждому.

Расходились повеселевшими, еще не веря до конца в свалившуюся на них удачу. Кое-кто из граничан предположил, что, видать, здорово досталось Костюрику за самодурство. Но, удивительное дело, Горич не держал зла на него. «Мы — чужестранцы в этой стране, — рассуждал он, — и рассчитывать на благосклонность здешних правителей наивно». «А впрочем, будь что будет», — решил он.

Шевич приехал на четвертый день и сразу же поведал о том, что в войско будет зачислен каждый, кто напишет просьбу на его имя. Причины, по которым они получили отставку, его мало интересуют. Каждого с сей минуты он будет оценивать только по делам, а отзывы чиновников, ранее решавших их судьбы, для него незначимы вовсе.

Говаривали, что узнав об этом, Костюрин зачел Шевича в стан своих многочисленных врагов. Но, зная расположение к нему самого канцлера, поостерегся необдуманных шагов, резонно решив предоставить все естественному ходу событий.

В неделю была сформирована гусарская рота из тех, кто уже бывал в баталиях. Через месяц ей предстояло вместе с Шевичем выступить в Бахмут. А через две недели за нею обязан будет следовать Донской полк, который составили осталь-

ные граничары. Командиром роты по личному распоряжению Шевича был назначен поручик Горич. Судьба демонстрировала свои кульбиты во всю прыть.

Месяц миновал в лихорадочных сборах. Многие, ученые прежним опытом, не верили до конца в милость судьбы, поэтому торопились расстаться с прошлым, связывая радужные надежды с далеким Донским краем. И пусть именуется он Диким полем, мыслили они, но это, знать, от малого количества поселенцев, а не от скудости природы.

В середине марта рота Горича тронулась в путь. Санные экипажи были гружены самым необходимым – провиантом, оружием и одеждой. Здесь же был и Шевич со своей свитой, впрочем, немногочисленной, состоящей из премьер-лейтенанта Божича и двух вестовых, рекомендованных в услужение Горичем.

Миновали Миргород, Изюм и через неделю вступили в Бахмут. Таянье снегов еще не началось, однако близкая весна чувствовалась во всем — и в ослепительно-голубом небесном своде, и в потемневших ветвях деревьев, и даже в поведении воробьев, которые смело копошились в навозе, почти не обращая внимания на частые окрики ездовых и шумный гомон местной ребятни.

Обоз остановился у церквушки, уютно приткнувшейся на склоне холма. Рейтары смешались, торопясь размять затекшие члены. Вышел из экипажа и Шевич, нащупал ладонью на рубахе нателенный крест и складень, дарованный женой перед дорогой, молча перекрестился. Гусары следовали его примеру. Ударил колокол — тяжело и грозно, а потом, словно

стремясь опередить друг друга, малиновым звоном разлились над Бахмутом чарующие сердца и ласкающие душу веселые колокольные звуки. Прибывшие сочли это за хорошую примету.

— Коль с колокольным звоном вступаешь в город, значит — это к добру, — говорил Божич, обращаясь к Горичу.

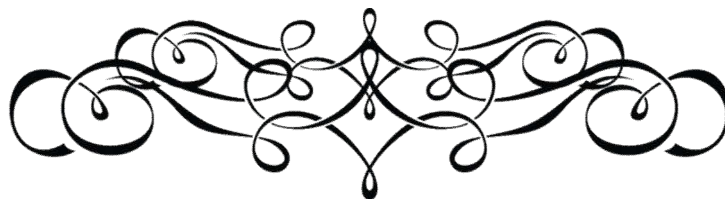
— Дай-то Бог, — отвечал тот.

Не ведали гусары, что только сойдет снег и протряхнут дороги, им велено будет оставить Бахмут. Думалось, надолго, если не навсегда, обустроятся они здесь. Знатоки говаривали, что земли в округе должны быть на диво плодородными, а соляные копи, в большом количестве рассыпанные вокруг города, давали бы дополнительный и весьма выгодный промысел. Но они стояли на службе Ее Императорского Величества, а приказ из Петербурга повелевал немедля войску Шевича выдвинуться чуть восточнее и стать лагерем в шанце Донецком. Под начало полковника подпадали с десятков селений, в их числе Черкасское, Желтое, Хорошее и Крымское. Но об этом знали лишь трое: Шевич, Горич и Божич.

В начале мая передовой отряд роты Горича первым в мутном мареве увидел уютящиеся на пологом склоне белоснежные мазанки. Донец еще не стал в берега, и некоторые строения, находясь по окна в воде, напоминали обессиленных лебедей, разуверившихся в помощи. В самом центре поселения с покосившимся крестом возвышалась деревянная церковь.

— Никак, это и есть Донецкое? — спросил дозорный, обращаясь к товарищу.

— Похоже, — неопределенно отвечал тот, — нужно доложить капитану...

СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ПОКОЛЕНИЙ

Любовь ШАМАРДИНА

г. Антрацит, ЛНР

НЕРУССКИХ ЗДЕСЬ НЕТ

Люблю подарки, люблю приятные сюрпризы, люблю открывать для себя что-то новое. Пусть даже это новое – забытое старое. Просто я раньше не находила ответы на некоторые вопросы, а теперь они у меня есть. Это касается прошлого моей семьи, тесно связанного, как оказалось, с историей моего края.

Когда-то мама мне рассказывала о своём дедушке Косте. По национальности он был болгарин, полное имя его было Костадин Овчаров, а жили они с бабушкой Одаркой в Запорожской губернии, где родилась и моя мама.

Я всегда была охочей до историй разных, особенно о прошлом и как школьный предмет очень любила историю. Но преподавали нам, оказывается, не всё. Вот и спросила я как-то маму: «А как это болгарин Коста и запорожская казачка Одарка могли встретиться, ведь тогда простой селянин не мог себе позволить путешествие за границу, и фестивалей разных тогда не было?» Мама сказала мне, что Овчаровы жили в тех краях давно, ещё прадед их туда прибыл. Других подробностей она, малышка, у стариков своих расспросить не успела, а вот то, что они были очень красивой парой – блондинка и брюнет – и сильно любили друг друга, это она точно запомнила.

Дальше, после Великой Отечественной войны, моя мама волею судеб оказалась на Донбассе, который стал для неё навсегда дорогой любимой Родиной. Здесь никого не удивляло большое количество людей разных национальностей: болгар, евреев, поляков, сербов, гуцулов, латышей, молдаван, армян, татар и даже представителей народов севера. Например, моя тётка вышла здесь замуж за молдаванина, и её фамилия стала Зинган. Ну, это было понятно – Молдавская Советская Социали-

стическая Республика была рядом, человек приехал работать на угольные шахты. А вот муж моей подруги – потомок волохов, а это уже народ балканский. Как они-то здесь оказались? Вопросы... вопросы...

Не всё было ясно, но кое-что мы с детства понимали – люди ехали сюда осваивать и восстанавливать после войны шахты, отстраивать города. И никому даже в голову не приходило расспрашивать у человека, какой он нации. Смотрели на то, как он трудится, как у него обстоят дела с совестью и честностью. Многие не выдерживали трудностей нелёгкой шахтёрской судьбы и уезжали. Ну, а те, кто остался, навсегда прикипели к этой земле – чёрной от штыба и светлой от пылающих отвагой человеческих сердец. И расцветал Донбасс! Наряду с заводами и шахтами, росли его города, богател дружный трудолюбивый народ.

Ну, это уже в советское время. А как же раньше? Не в пустыню ведь ехали? Кто осваивал эти земли? В некоторых письменных источниках говорилось о Донских казаках и беглых крестьянах. Покопавшись в интернете, я нашла замечательную статью об освоении юго-восточных земель Российской империи. Это потом уже в 1922 году эти территории отошли к вновь образованной Советской Украине. А на сто семьдесят лет раньше Императрица Елизавета Петровна, стараясь спасти эту землю от набегов кочевников, турок и крымских татар, надумала заселить её пришлыми людьми по примеру отца – царя Петра, который в 1723 году позволил полку сербохорватских гусар заселиться у озёр в районе современного города Славянска.

Поселения Донских казаков на Донском краю были малочисленны. Они располагались в основном вдоль рек, где была плодородная земля. Запорожские казаки вообще постоянно здесь не жили. Они устанавливали только «зимовники» и временные пикеты для прохождения караванов за рыбой и солью на Азовское море. Но таких мер для охраны этого края было мало. И тогда, договорившись с императ-

рицей Австро-Венгрии Марией Терезией, Елизавета подписала указ о переселении в Россию сербских гусар на пустующие земли. Они были православными, они – граничары – умело защищали границы своей родины от турок, но оказались лишними на своей земле, попавшей под власть Австро-Венгрии.

И переселение началось. В 1751 году несколько сотен гусар с семьями привёл полковник Янко Хорват фон Куртич. Ему предоставили лучшие Заднепровские земли и деньги для организации Новой Сербии как автономии. В 1752 году с просьбой о разрешении на переселение обратились подполковник Рейко Прерадович и полковник Йован Шевич. И в 1753 году они также привели с собой офицеров и рядовых гусар с жёнами и детьми, чтобы поселиться на землях между Бахмутом, Луганью и Донцом. Среди прибывших были не только сербы, но и представители других Балканских народов. Здесь решено было создать Славяносербию.

– Так вот каким путём дед моего прадеда попал на Запорожские земли! – нахожу я ответ на свой детский вопрос.

Но запорожские казаки не хотели мириться с тем, что их потеснили какие-то чужестранцы и всячески мешали им. Да и генерал Хорват, взяв деньги, не предоставил достаточное количество переселенцев на эти территории. Его подвели стремления к личному обогащению, ершистый заносчивый характер, лживые обещания и планы. И в 1762 году по приказу императрицы Екатерины II Новая Сербия была упразднена и на её основе сформирована Новороссийская губерния, а все переселенцы ассимилированы в народ российский.

Со Славяносербией дела обстояли несколько по-другому. Всего за десять лет на этих землях были организованы поселения, которые сразу именовались шанцами, ротами, а затем переросли в посёлки и городки, заросли садами и виноградниками. Развивалось сельское хозяйство. Чтобы хорошо жить, мастеровые люди созда-

вали свои производства: кожевенное, гончарное, ткацкое и т.д. И всё же, в 1764 году Славяносербия была тоже упразднена. Однако в годы войны Российская империя по-прежнему призывала донецких переселенцев (Бахмуцкий полк) защищать её рубежи. Здесь также ассимиляция была неизбежна. В 1900 году, согласно переписи, уже мало кто называл себя сербом, венгром, немцем, поляком, разве что их фамилии выдавали национальную принадлежность, да и то не всегда. Мой прадед из ОвчАрова превратился в ОвчарОва. Все говорили на чистом русском языке, и только иногда среди местных жителей без какого-то умысла, а просто, чтоб различить двух Иванов, говорили, как прозвище – Иван-серб, Иван «что из болгар».

А ещё я помню, как моя мама пела частушку:

Сербияночка Наташа,
До чего ж ты довела –
Всех парней сразила наших
И меня с ума свела.

Да, очень быстро сербы и все пришедшие перемешались с местным населением и стали, как все, РУССКИМИ.

Именно русскими, а не русами. Мы – единственная нация, в названии которой прилагательное, а не существительное. Просто для русских важно не кто ты, а какой ты. И если ты добрый, честный, трудолюбивый, порядочный – добро пожаловать в русский мир! Поэтому общими силами мы отстояли свою землю и в Великую Отечественную, и сейчас – в борьбе за Русский Мир на бывшей Украине...

Донбасс – дивный край мой,
особенный!
Я знаю твой главный секрет –
Здесь многие нации собраны.
Вот только нерусских здесь нет!

Сергей ЗАРВОВСКИЙ

г.Луганск, ЛНР

СЕРБЫ В ДОНБАССЕ.

МИОКОВИЧ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

С тех пор, как в детстве я узнал о появлении своих предков на нашей земле, я стал называть себя «самым коренным жителем Донбасса». История появления здесь сербов достаточно хорошо известна. Сохранился в архивах указ Елизаветы о переселении двух полков сербской армии (которые помогали России в войне с Австро-Венгрией на Балканах) на пустынные и неосвоенные донецкие земли. Так в 1753 году сербы появились на Донецкой земле. В их числе были два брата Миокович, каждый командовал ротой. Который из них является моим прямым предком – не знаю, поскольку проследить генеалогическое дерево не представляется возможным. После 1917 года и Отечественной войны некоторые государственные архивы пропали (или были вывезены почему-то в Харьков, Днепр-петровск и Ростов), а в период репрессий 30-х годов документы, хранящиеся дома, старались уничтожить, чтобы при чистке не попали на глаза соответствующим органам. Особенно те, в которых говорилось о сословной принадлежности. А поскольку мой дед – Алексей Николаевич Миокович – во всех дореволюционных документах был записан как «потомственный дворянин», хранить такое было опасно.

Учился он в харьковском университете, в 1914 году подал прошение об отчислении из него и пошел добровольцем на фронт. Вернулся с фронта, окончил университет, получил диплом агронома. После окончания мировой войны началась гражданская, и его мобилизовали в армию Деникина. Но, к счастью, не воевал, поскольку слег с тифом. Каким-то образом из этой армии вырвался? Возможно, по болезни.

В 1919 году, 30 августа он женился на моей бабушке, дочери осевшего на Донбассе итальянского подданного Антонио Пичинна-Арригони – Елене Антоновне.

Еще в 1920-е годы его арестовывали за службу в Белой армии, но было доказа-

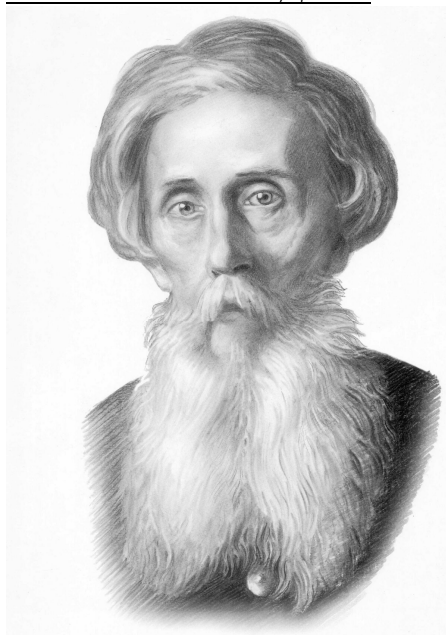
но, что завербован он был насильно, в военных действиях участия не принимал, и тогда отсидки удалось избежать. Когда его в 1937 году по ложному доносу отправили в лагерь, то, конечно, надо было думать о будущей судьбе двух дочерей – моей будущей мамы и тети. Поэтому бабушка уничтожила почти все, что хранилось в семейном архиве. Совершенно случайно я обнаружил его диплом об окончании Харьковского университета, откуда и узнал, что он из дворянской семьи.

Впоследствии мои друзья, занимающиеся историей Луганска, находили в архивах упоминания фамилии Миокович, но это были отрывочные сведения, и проследить прямое родство не представлялось возможным. Понятно, что семейные ветви двух братьев достаточно сильно разрослись. Мне тоже попадалась эта фамилия в краеведческой литературе и даже в топонимике Луганщины. Более того, оказалось, что некоторые населенные пункты были названы не по фамилии, а по имени владельца имения. Так, например, район «Павловка» в городе Брянка назван по имени Павла Ивановича Миоковича, который был сыном одного из командиров рот – Ивана Миоковича (родился в 1709 г.). Павел в 1776 году, рядом с селом Лозовое, основал поселение «Павловка»

Дед из лагеря не вернулся, а поскольку у него остались только дочки (Людмила – моя мама и ее старшая сестра Кира), на нем фамилия этой ветви по мужской линии оборвалась. Его отец – мой прадед, был художником, у меня до сих пор хранятся несколько его картин. Это Николай Алексеевич Миокович (1843-1896), он женился на Филатовой Анастасии Михайловне, двоюродной сестре известного офтальмолога Владимира Петровича Филатова. От этого брака и родился в 1889 году мой дед.

Пока это все, что мне известно.

Еще одна ветвь (кто это – не знаю). Из реестра «Землевладельцы Российской империи 1870-1918 гг.»: Миокович Алексей Николаевич, Миокович Юлия Александровна. Дети: Петр, Владимир, Юлия, Виктория, Александр.

Юрий КОВАЛЬЧУК

г.Луганск, ЛНР

**О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ И СЛУЖБЕ
КАЗАКА ЛУГАНСКОГО
ВЛАДИМИРА ДАЛЯ НА БАЛКАНАХ**

Знаменитый филолог из захолустной Лугани (ныне Луганск, ЛНР), автор бессмертного Толкового словаря живого великорусского языка, друг Пушкина и Казак Луганский, собиратель фольклора, литератор, а также военный хирург и прочая, и прочая Владимир Иванович Даль (10 XI 1801 – 22 IX 1872 гг.) прожил богатую на приключения жизнь, значительная часть которых произошла с ним на Балканах, во время русско-турецкой войны 1828-1829 г.

В момент начала войны Даль учился на врача в Дерпте (сейчас Тарту). Русская армия, хотя и теснила турок, несла потери и остро нуждалась в медиках, а население освобождённых территорий, избавившись от ига Османской империи, оказалось во власти эпидемии чумы. Всех годных к несению медицинской службы студентов отправляли на фронт. Для Даля, в связи с его выдающимися способностями, сделали исключение и позволили держать экзамен на доктора медицины и хирургии. 29 марта 1829 г. он был зачислен во 2-ю действующую армию.

«Кончив, или почти окончив курс Врачебных наук в укомной столице Минервы, в Дерпте, сел я и поскакал в поход на чуму, как там говаривали. В самом деле, почти все товарищи мои, выехавшие прежде, после и вместе со мною, сложили побеждённые, усталые кости свои в этом походе на чуму», – писал в повести «Болгарка» Владимир Даль. Действительно, из отправившихся на ту войну врачей погибло две трети, а уцелевшие были приставлены к ордену святой Анны третьей степени.

В другом произведении он описывает ужасы опустошённой эпидемией Румынии: «Невольный ужас обнимал нас, когда проездом находили мы в Бузео, в Фокшанах одни пустые, заглохшие улицы, покинутые дома без жителей, без окон, без дверей, и все мертво и тихо; кучи дымящегося навоза доказывали только, что кой-где теплится еще сокрытая жизнь – это следы чумы, которая подобным образом опустошила целые деревни, местечки и города!» Добравшись до Калараша – селения на берегу Дуная, недалеко от Силистрии, начинающий врач немедленно бросился в самую гущу событий. Вместе с коллегой юный врач взобрался на покинутую старую батарею, и ужасались открывшейся картине. Солдаты, стоявшие ниже, во рву, предупредили их, что на днях, стоявшему на том месте полковнику оторвало ядром руку. Шокированный зрелищем Даль отстранённо смотрит, как прямо в него летит граната, показавшаяся ему чёрной луной. Гениальный филолог чудом выжил – граната не разорвалась. А уже через несколько минут он приступил к службе.

«...Толкался и сам между ранеными и полутрусами, резал, перевязывал, вынимал пули с хвостиками, мотался взад и вперед, поколе наконец совершенное изнеможение не распростерло меня среди темной ночи рядом со страдальцами, и я уснул крепким, но не отрадным сном», – описывает врач свою работу. Это были важные для судьбы всей кампании дни. Силы великого визиря Османской империи Рашида Мехмед-паши разместились в крепости Шумлы, немногим западнее осаж-

дённой русскими Силистрии. Армия в Шумле не только создавали постоянную угрозу русским, но и блокировала дальнейшее продвижение к Константинополю. В середине мая визирь увеличил армию до 40 тыс. человек и покинул крепость, чтобы уничтожить небольшой корпус генерала Рота, оказавшийся вдалеке от основных сил около Праводы. Турецкий воитель рассчитывал на молниеносный бросок и немедленное возвращение в безопасную Шумлу, но командующий осадой Силистрии граф Дибич-Забайкальский разгадал этот манёвр. Он бросился с отрядом на помощь Роту и вместе они отрезали Мехмед-пашу от его укрытия. Несмотря на численное превосходство врага, Дибич-Забайкальский 30 мая 1829 г. разбил войска визиря в Кулевчинских теснинах, всего в 16 км. от убежища. Турки потеряли 5 тыс. убитыми, 2 тыс. попали в плен; русским также досталась вся артиллерия врага – 50 орудий. Визирю удалось прорваться в Шумлу, однако эта победа русского оружия носила стратегическое значение – были уничтожены, рассеяны и деморализованы элитные части.

Владимир Даль был участником этих эпических событий. Его послужной список свидетельствует, что довелось ему быть «при осаде крепости Силистрии», и «при разбитии армии Верховного визиря в сражении под Кулевчами», и «при взятии трех редутов близ Шумлы», и «при разбитии отряда фуражиров казаками», и «при переходе войск 2-й армии чрез реку Камчик и чрез Балканы», и «при взятии города Сливно», и «при занятии второстолечного города Адрианополя». Юный врач славился не только своим искусством, но и отвагой.

«Наделенный свободной волей» лекарь Даль при взятии Сливно вскочил на коня, вырвался из обоза и поскакал в бой вместе с передовым казачьим отрядом; он одним из первых влетел в оставленный неприятелем город, в каком-то доме, поспешно покинутом хозяином-турком, заметил на столе посудину с горячим еще кофе, озорства ради тут же выпил кофе,

а медную посудину спрятал в карман на память», – пишет Владимир Порудоминский в книге «Даль».

В свободное от врачебных и ратных подвигов время, гениальный филолог общался с солдатами, попавшими на Балканы из разных губерний России, и записывал толкования новых для него слов. Вскоре у него скопились целые тюки подобных записей, которые возил за ним верблюд. Однажды отряд турок убил денщика и похитил животное, груженное сокровищами, бесценными на тот момент для одного лишь Даля.

«Живо припоминаю пропажу моего вьючного верблюда, еще в походе 1829 г., в военной суматохе, перехода за два до Адрианополя: товарищ мой горевал по любимом кларнете своем, доставшемся, как мы полагали, туркам, а я осиротел с утратою своих записок: о чемоданах с одежей мы мало заботились. Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка, и все это погибло. К счастью, казаки подхватили где-то верблюда, с кларнетом и с записками, и через неделю привели его в Адрианополь. Бывший при нем денщик мой пропал без вести», – писал Владимир Даль.

В Сливно окопалось около 15 тыс. турок, но, воодушевлённые успехами, русские войска играючи взяли населённый пункт всего за несколько часов, да ещё и потешались над врагом. Даль описывает забаву казака, который рассадил связанных турок на лошадей, причём уздечку каждой из них привязал к хвосту следующей. Пленные в чалмах что есть сил пытались удержать равновесие, а сам погонщик этого причудливого каравана гордо погонял лошадей, обвешавшись трофейным оружием.

Турецкая война оставила глубокий отпечаток на нём. На Балканах Даль видел не столько войну за сферы влияния, но войну, «в которой весь народ принимает, по сочувствию и поводу раздора, живое участие». Он эмоционально писал, как освобождённые жители городов и сёл обе-

щали бросить имущество и идти за русскими, если они не останутся... Позже, в своём московском доме он привечал беженцев, бежавших от турецкого ига, а уже на старости лет приютил черногорского священника Матвея Саввича - «попа Мато». Тот привез в Россию учиться сына Савву, а сам собирал среди москвичей пожертвования на борьбу против турок. Мато часто шокировал гостей Даля – гигант, постоянно в национальном костюме, увешанный кинжалами и пистолетами, он называл хозяина дома «отцом», а его жену - «матерью».

Владимира Даля как будто опекали высшие силы. Служба была тяжела – оружие было скверное, стреляло одно из четырёх ружей. Экипировка ещё хуже. Очевидцы кампании писали, что из 149 тысяч пар сапог годных оказалось только 25, сукно и холст были гнилыми, не хватало гужевого транспорта для перевозки раненных. Даль так описывает госпиталь в Адрианополе: «Здание было так велико, что в нем помещалось под конец 10 тыс. больных. Но как они помещались и в каком положении находились — это другой вопрос... Сперва принялась душить нас перемежающаяся лихорадка, за нею по пятам понеслись подручники ее — изнурительные болезни и водянки; не дождавшись еще и чумы, половина врачей вымерла; фельдшеров не стало вовсе, то есть при нескольких тысячах больных не было буквально ни одного; аптекарь один на весь госпиталь». Неудивительно, что из трёхсот врачей-участников войны домой вернулось лишь около ста.

К счастью, чума и война пощадили Казака Луганского – ведь ему ещё столь многое предстояло сделать...

Светлана ТИШКИНА

г.Луганск, ЛНР

НАПУТНОЕ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Отрывок из пьесы о В.И. Дале

1829 год. Под Сливно. Война с турками.

Армейский загон для лошадей. Только что привезли новых. Казаки объезжают их, учат новобранцев. Слышны характерные окрики, команды, щелчки хлыстом. Даль стоит со своей записной книжкой в руках и с интересом смотрит на лошадей. Рядом с ним – казачий хорунжий.

Даль. Эх, красавцы! Смотрел бы на них и смотрел... А скажите-ка мне, господин хорунжий, кроме вороной да гнедой, какие ещё масти знаете?

Хорунжий. Ну, этот вопрос ко мне! Каких только не бывало на моей памяти! Барышники конским мастям завсегда свои названия давали. Вона, под моим казаком Ванькой, будто вороная с подпалинами – караковая, стало быть, по-нашему. А вот, скажем, слышал за подвласую? Это когда караковая, только с большими подпалинами.

(Даль кивает и старательно записывает в записную книжку слова).

Хорунжий. Бурая – это как бы, вся ис-красна-коричневая, а навис (хвост и грива) потемнее. Игрения посветлее будет, рыжая, а навис белесоватый.

Даль. Игрения? Не слышал о такой, а каурая – это не она же?

Хорунжий. Нет. Чуток не такая. Каурая – рыжая впрожелть. Ещё Саврасая... это та, что вам, сударь приглянулась давеча, стан тот же, токмо навис и ремень черные. Соловая ещё бывает, желтоватая, навис белесоватый.

Даль. Да-а-а. И ведь все похожи. Попробуй распознать.

Хорунжий. Это поначалу, потом не ошибёшься. Можно и отличные от них... Вот Серая, например, сплошная смесь белой и темной шерсти, навис такой же; молодая, бывает в яблоках и серо-железовая, под старость вся белеет. Красивая животина... *(Произносит мечтательно).* Был у меня такой конь... Эх, не уберёг. Мою смерть на

себя принял. На дыбы вскинулся, а тут... Турки клятые... Война, словом, не мамка, тяжела её лямка...

Даль. *(Соглашаясь)* «Хорошо про войну слышать, да не дай Бог её видеть». Понимаю, потерять коня в бою, как друга лучшего лишиться. Хорошо, что сам жив остался... *(Задумывается)*. С одного бока чума людей косит, с другого – война...

Хорунжий. И то верно. «Живешь – не оглянешься, помрешь – не спохватишься». Как вспомню то сражение, сколько наших там под Кулевицами полегло... Так вы тогда среди нас и были!

Даль. В самой гуще и был. Верно. Такого вовек не забыть... Та битва исход компании всей предрешила, как говорят наши генералы. «Видел тысячу, другую раненых, которыми покрылось поле и которым на первую ночь ложем служила мать-сырая земля, а кровом небо, толкался и сам между ранеными, резал, перевязывал, вынимал пули, мотался взад и вперёд, поколе наконец совершенное изнеможение не распростёрло меня среди тёмной ночи, рядом со страдальцами...».

Хорунжий *(С пониманием качает головой)*. Тяжко пришлось, что и говорить... В котору сторону воюем, в той и горюем. *(Помолчав немного)* Ах, да! Вспомнил, ещё розовая масть бывает или красно-серая, с небольшой красниною. Сивая ещё, когда ворона с проседью, навис такой же и посветлее. Ох, утомился, сразу всех и не назовёшь. Я ещё повспоминаю, пришлю Григория *(кивает в сторону помощника)* с названиями. Знаю, что вы охочий до слов новых, рад угодить...

Из загона слышатся крики, глухой удар. Это одна из кобыл скинула солдата. «Лекаря! Лекаря позовите! Да вон он! Владимир Иваныч! Беда!» Даль прячет тетрадь, перелезает через загон и спешит на помощь. Хорунжий – за ним. С восклицанием «Ванька мой убится! А ну, расступись! Доктора пропустите!». Григорий спешит следом.

Команды хорунжего: «Носилки с лаварета! Быстрее, ядрена вошь!», «дощечки да бечеву захватите! Ванька наш ногу переломал...», «Турки в бою не одолели, так здесь, в лагере кобыла скинула...», «Пришла беда – от-

воряй ворота». Помощник и ещё один солдат несут Ваньку на носилках, видна его нога, лежащая между двух дощечек. Даль идёт следом, вытирая о материю руки. Хорунжий их догоняет и идёт рядом с носилками. Носилки заносят в палатку полевого госпиталя. Дalia окликают у входа.

Несколько других казаков с сияющими лицами подбегают к Далию.

Казак 1. Владимир Иваныч! Владимир Иванович! Погодите! *(Отдышавшись)*. Нашёлся! Верблюды ваш нашёлся!!!

Даль. О-о-о, хороша новость! Ежели и груз мой бесценный – тетради с записями целы и невредимы остались...

Казак 2. Так и есть! На одиннадцатый день мы-таки нашли его, отбили горбатого у турок. Целы бумаги!!! Все ли, нет, вам судить, но мешки полные.

Казак 3. Даже кларнет генеральский не тронул неприятель... Целёхонек!

Даль. Вот это подарок! Вы не верблюда, вы мне десять лет жизни великотрудных вернули, да ещё полгода (самые урожайные, походные)!!! Богатство народное не понадобилось неграмотным туркам – какая удача! Вовек не забуду! Благодарен вам!

Казак 1. Да нам и самим радостно, что уважаемому человеку пособили... В народе говорят: мал сокол, да на руке носить; велик верблюд, да воду возить. А наш горбатый водовоз – дороже царского сокола оказался!

Даль. Хочу, да не могу сам бежать за поклажей. Ваню кобыла покалечила, пошёл я к нему. Не в службу, а в дружбу, принесите тетради, какие найдёте сюда, остальное – подождёт.

Казак 2. Не беспокойтесь, работайте, лечите больных да раненых. Всё, как надо, исполним! *(Даль спешит в палатку военного госпиталя)*.

Вечереет, Даль выходит из палатки. Устало расправляет плечи. Видны отсветы костра. Солдаты отдыхают, поют песни. Им вторят вездесущие сверчки.

Даль с удовольствием вслушивается в народные напевы. Он идёт на звуки песни.

«Весело потрескивает костер. От дымящегося котла вкусно тянет кулешиком –

жидкой кашей, приправленной салом. Вокруг костра теснятся солдаты. Один выгребает кашу деревянной ложкой из походного котелка. Другой, расстелив на земле шинель, старательно режет хлебный каравай на равные доли. Третий ловко выхватил из костра пушисто-серый тлеющий уголек и, перебрасывая его с ладони на ладонь, раскурил трубку-носогрейку. Даль устраивается прямо на траве; скрестил ноги по-турецки, раскрыл на коленях тетрадь в кожаном черном переплёте». Солдаты обращаются к Дально.

Солдат. Владимир Иванович! А правду говорят, что вы сами видели, как наш казак 12 турок в бою в плен взял?

Даль. Хитришь, Поликарпыч. Я при вас уже рассказывал эту историю.

Солдат. Хитрю, Владимир Иванович, верно, но вы так складно всегда рассказываете... Расскажите тем, кто не слышал. Порадуйте солдатешек.

Даль. Хорошо. Слушайте. После Кулевчинского боя, когда турки уже никак не могли собраться с силами, а русские, наоборот, воспряли духом, это и случилось. Я своим глазам не поверил, когда увидел казака, взявшего в плен двенадцать турок. Самое странное, он оставил их в сёдлах, но скрутил им руки, а каждую лошадь крепко привязал поводком к хвосту впереди идущей. Вот она – русская смекалка! Сам же обвешался саблями, ружьями, пистолетами и ятаганами своих пленников. Этот немыслимый караван привлёк внимание штабных офицеров, один из которых чуть не выпал из седла от хохота.

Слышится одобрителный смех солдат. Даль закинул голову. Отдыхает. Но вот приходит Карп Власов, первый в полку весельчак, с ходу начинает потчевать товарищей шутками да прибаутками.

Карп. Ну, солдатешки, ну, ребятушки! А что приуныли-пригорюнились?

Солдат. О! Карпуша пришел, нам всем удача!

Карп.

Удача, говоришь?

Удача – что кляча:

Садись да скачи!

Скачи да кричи!

Наш то Макар доселе гряды копал,

А ныне Макар в воеводы попал.

Лихо – не лежит тихо:

Либо катится, либо валится,

Либо по плечам рассыпается!

А добро – не лихо;

Бродит о мир тихо.

Сало было, стало мыло.

Я за кочан – меня по плечам,

Я за вилок – меня за висок.

Сбил, сколотил – вот колесо;

Сел да поехал – ах, хорошо!

Оглянулся назад –

Одни спицы лежат!

Солдаты смеются, в ладоши хлопают, просят продолжить.

Даль едва поспекает записывать слова, прежде неведомые...

ПО УЛИЦЕ ДАЛЯ

По улице Даля безлюдной бреду,
Как будто листаю обратно столетья,
Мой город сберег сквозь огни лихолетья
С колоннами старых домов череду.

Луганск наш поселком рабочим был встарь,
Провинции центр влек господ для прогулок.
Сегодня – уютный музей-переулок
Хранит повесть жизни – Толковый словарь.

По крови датчанин стал русским судьбой,
Собрал воедино Руси диалекты –
Народный язык, в поколениях воспетый,
В основу собраний положен тобой.

Не яркость столиц, а провинции свет
Тебя воспитал гражданином Отчизны.
Музей сберегает тома, что при жизни
Издан как этнограф, писатель, поэт.

О чем призадумался, памятник-Даль?
И в камне ты светел своим благородством.
Сидишь величаво, с завидным упорством
Сквозь время уверенно смотришь ты вдаль.

Кладу я цветы на крутой пьедестал.
За труд твоей жизни прими уваженье.
Ты в памяти многих живешь поколений –
По праву народным нам Светочем стал.

Борис ЖАРОВ

г.Луганск, ЛНР

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

Научный подвиг вечного значенья!
Цена ему не орден, не медаль.
Источник всенародного сплоченья
Державе подарил Владимир Даль.

Этнограф, лексикограф и писатель,
Поэт и славный флотский офицер,
Ученый, медик и всё это, кстати,
В одном лице! Достоинейший пример!

«Казак Луганский», гражданин России,
Родной народ, родную речь любя,
Он, патриот, поверил в свои силы,
Отдавши славной миссии себя.

Венец его трудов – «Словарь толковый»,
Язык народа светом озарил.
Он огранил для новой жизни слово,
Как ювелир, и в путь благословил.

Как археолог, слой найдя культурный,
Проник с любовью до его корней.
И русичей язык литературный
Стал ещё краше, чище и родней.

Великий Пушкин – друг его опальный –
На смертном ложе раною зиял.
И в этот час, для всех славян печальный,
У изголовья лекарь Даль стоял.

Пройдут столетья, канут в лету годы,
Откроет мир сияющую даль...
А в сердце благодарного народа
Навеки будет жив Владимир Даль!

Александр АКЕНТЬЕВ

г.Луганск, ЛНР

ВЛАДИМИР ДАЛЬ

Ну, разве это карьера,
Ну, разве это удача?
Жизнь русского офицера
Могла бы пойти иначе.

Гром пушек, поля сражений,
Холодная сабли сталь...
Судьбы иное решение
Выбрал Владимир Даль.

Музы поэтов без груза
Легки, шаловливы, ей-ей!
А что за характер у музы
Составителей словарей?

Наверное, это скучно
Корпеть в тиши кабинета
Над текстами неотлучно
Вдали от шумного света.

Ты знаешь, удел твой тяжек:
На замысел годы уйдут.
Непредставимо даже,
Когда окончишь свой труд.

Подвижника жизнь сурова.
Хватило б ее одной!
...Но слово встает за словом,
Кирпичики речи родной.

И сквозь пелену столетий
Ты смотришь в туманную даль.
Недаром ты жил на свете,
Владимир Иванович Даль!

Владислав РУСАНОВ

г.Донецк, ДНР

В КИБИТКЕ ЕДЕТ ДАЛЬ

Плывёт за далью даль,
ненастная погода.
В кибитке едет Даль.
Январь, начало года.

Коварен Петербург,
и снова в грудь поэта
намерено, не вдруг,
нацелят пистолеты.

Злосчастная дуэль,
тверда рука убийцы,
и пуля точно в цель
в морозной дымке мчится.

Обратно едет Даль,
везёт в кармане перстень.
В глазах его печаль —
погиб невольник чести.

ПРОЗА

Олег БОНДАРЕНКО

г.Москва, РФ

ПРИХОЖАНЕ СВЯТОГО СТЕФАНА, ИЛИ ИСТОРИЯ О ПОСЛЕДНЕМ ДНЕ ДИКТАТОРА МОНТЕГОРИИ

«...Чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит. Я не сужу его, ибо Я пришёл не судить мир, Но спасти Мир». Евангелие от Иоанна 12:46-48

Все совпадения случайны, герои выдуманы, а автор фантазёр.

Когда на острове отключили свет – всего 20 лет назад это происходило регулярно – Блаже привычным жестом взял подсвечник, вынул старый огарок, тщательно выскоблил внутренность от нагара, поставил на место новую свечу и запалил её. Сейчас, в 2019-м, он на несколько секунд вспомнил своё детство, и все записанные на подкорке совершаемые прежде отцом действия повторились рефлексивно.

32 лет от роду, сын приходского священника, он пошёл по родительским стопам и уже в 27 лет был рукоположен в сан. До того были восемь с перерывом лет неровного обучения на юридическом факультете Белградского университета, попытка работать в основной для побережья туристической отрасли и, наконец, возвращение к истокам – помощником алтарника в храме Святой Троицы при монастыре Прасквица у родного отца.

Здесь, на острове, Блаже служил нечасто: только по церковным праздникам и, как правило, вместе с отцом. Но сегодня настоятель был нужен в храме, и потому он отправил сына на службу одного. В небольшом приходе на острове Святого Стефана было всего восемь прихожан.

Местный староста Ивица – всю жизнь проработавший таксистом местный житель, как и все остальные, вырос на ост-

рове, воспитал троих детей, давно ни в чем не нуждался, но по привычке продолжал работать в такси – больше для удовольствия, чем для заработка. Хотя бывали случаи. Когда богатые русские начали открывать для себя маленькую безвизовую Монтегорию, очень похожую на Россию 90-х отсутствием законов и правил, они разбрасывались деньгами, чем достаточно сильно развратили местных жителей. Тогда Ивица впервые в жизни увидел широкую фиолетовую купюру достоинством в 500 евро, которой с ним рассчитался какой-то пьяный русский за двухчасовую экскурсию в древнюю столицу Цетине.

6 января, в канун православного Рождества, на Балканах отмечается Бадњи дан. В этот день здесь обычно устраивают костры из дубовых веток на площадях перед церквями. Этот языческий обычай, перекочевавший в христианскую традицию сербов и соседних с ними православных народов, никак не мешал славить Его Рождение. Наоборот, только помогал: костры поджигали перед началом вечерней службы и порой поддерживали по полночи. В отличие от летней традиции северных славян, через костёр не прыгали, да и размеры его вряд ли могли допустить такую возможность: иной раз высота пламени достигала нескольких метров.

Перед Церковью Святого Стефана на одноимённом острове были аккуратно разложены разлапистые ветви вековых дубов вперемешку с сосновыми, в изобилии произраставшими в национальном заповеднике, располагавшемся по обе стороны от естественной отмели, делающей из острова полуостров. Атмосфера здесь зимой – ни с чем не сравнимая, непогода и отсутствие людей существенно добавляют мистицизма этому и без того довольно притягательному, закрытому в обычное время месту. Сезон здесь длится с 1 мая по 1 октября, а всё остальное время самый эксклюзивный курорт всей Адриатики пустует. Только охранники в форменных куртках ANAM стоят возле некоторых домов,

превращённых инвесторами в отдельные номера для дорогих в прямом смысле слова гостей. Стоимость одной ночи здесь начинается от 1500 евро и доходит до аукционной в случае с любимым номером Софи Лорен с собственным пляжем. Ежегодно в феврале устраивается аукцион по продаже этого номера на новый сезон. Максимально ставка за него достигала 550 тысяч евро за пять месяцев – в среднем по 3,6 тысячи в день. Однако и столь высокие цены, и существенная ограниченность номерного фонда (всего на острове 52 здания-номера, не считая двух церквей, ресторана, администрации и домов obsługi), тем не менее, создают фантастический ажиотаж вокруг Святого Стефана, делая это место чуть ли не самым загадочно-притягательным на Балканах.

Однако мало кто помнит, что еще совсем недавно в этих домах жили люди, остров не был закрытым, а в церквях проводили службы каждый день, а не два раза в год, как теперь. Когда государство югославского тѣзки Сталина решило воспользоваться природными преимуществами соединѣнного узкой каменной полоской с материком полуострова и сделать из него закрытый отель, в три месяца всех местных жителей выселили в континентальную часть посѣлка, предложив им дома большей площади. К тем же, кто ни в какую не хотел переезжать, начали применять изощренные методы давления: во время прогулок по острову рядом с ними «случайно» падали камни с соседних крыш, крысы, неожиданно наводнившие подпол их домов, съели все припасы и угрожали здоровью жильцов, а змеи, регулярно встречающиеся теперь на кухнях и в ваннах, не оставляли шанса на благополучный исход противостояния с задумкой Тито. В итоге через пять месяцев переехали все. Почти. Кроме старого печника Мило, который бесследно исчез. Ещѣ вечером все его видели направляющимся домой спать, а утром семья обнаружила пустую заправленную постель без следов сна и отсутствие личных документов. Куда мог деваться Мило, если уже тогда единственный выход

с острова (и он же вход) – огромные старинные ворота – запирались на ночь, никто не мог объяснить. Его и прежде неразговорчивый сын стал совсем замкнутым, а жена, как показалось многим, была будто бы даже рада такому исчезновению собственного мужа.

В этот год ожидание Рождества было тревожным. Обсуждавшийся долгое время и наконец принятый под самое Новогодье закон «о церковных объектах», открывавший путь для изъятия государством древнейших монастырей и церковных комплексов, в особенности таких, как монастырь Острог или Цетинский монастырь, в целом ряде городов вызвал бурные протесты, уже переросшие в противостояние с полицией. Не стала исключением и приморская община.

Вопреки ожиданиям и несмотря на немногочисленность в зимнюю пору местного населения, ряд прибрежных городков — летних столиц курортного отдыха — уже выступил с протестами. Не без молчаливого согласия местных властей демонстранты перекрыли дороги и кое-где даже построили баррикады. Полиция на это никак не среагировала: видимо, был дан приказ не вмешиваться нигде, кроме столицы. Иная версия, популярная среди демонстрантов, гласила, что у силовиков просто не было такого количества резервов, средств и личного состава на местах: все были стянуты в Подгорицу, где столкновения продолжались.

Миккеле, по паспорту — Милорад Стоянович, глава одного из тринадцати семейств древних Пастровичей, исторически проживающих в горах над Святым Стефаном как минимум последние 850 лет, во второй половине своей бурной жизни стал особенно тяготеть к православию и стал одним из негласных лидеров монастырского прихода Прасквицы. В первой же половине жизни у него было много веселья — югославских наслаждений первого курорта «социализма с человеческим лицом», куда привозили даже голливуд-

ских кинозвёзд: Сильвестра Сталлоне, Клаудию Шиффер и многих других; женщин, у которых он пользовался неизменным успехом в силу своей средиземноморско-итальянской внешности; дискотек; итальянской контрабанды; балканских войн; нелегального оружия; самопального бензина и первых бронированных машин с перебитыми номерами под капотом. Изюминкой «бизнеса по-балкански» Миккеле была успешная перепродажа угнанного бронированного «Мерседеса» Дэвида Бекхэма министру юстиции Средней Македонии, которая вскрылась только через два года. Теперь же он готовил ещё более невероятную по своей дерзости задумку: хотел заблокировать ненавистного Вепря — фактического хозяина Монтегории — в его резиденции, куда тот собирался приехать сразу после Рождества.

В маленькой стране все всё знают, но даже здесь только жителям Святого Стефана было доподлинно известно, как часто бессменный президент Монтегории Вепрь Милович бывает на лечебном воздухе сосновых лесов своей резиденции внутри национального заповедника. Непримечательное снаружи, но изысканнейшее внутри, здание формально государственной, а фактически частной резиденции больше напоминало вынесенный за тысячи километров филиал Лувра и Дрезденской картинной галереи в одном флаконе. На 800 квадратных метрах нижней террасы размещалось более 2500 произведений искусства (более чем по 3 на квадратный метр!). Скульптуры, древние бронзовые и каменные бюсты, картины, статуэтки — украденные, пропавшие без вести или самопально откопанные «черными археологами» по заказу Вепря. Одну из стен помещения украшали древние клинки: французские, итальянские, немецкие, турецкие и даже японские мечи, шпаги и сабли без особого разбора висели сплошняком. Прямо под ними на полу стояли три гигантские вазы династии Цин — подарок ЦК Компартии Китая албанскому диктатору Энверу Ходже, выменянные у албанских головорезов на два угнанных в Румынии

«Гелендвагена». Рядом с ними лежали подёрнутые характерной патиной ножные кандалы, в которых, якобы, молодой Мигель Сервантес два года сидел в плену алжирских пиратов в Ульцинской крепости. Легенда гласит, что именно там Сервантесом было придумано до того не существовавшее женское имя Дульсинея, — то есть, дословно «Ульцинская», девушка из городка Ульцинь, которая ухаживала за ним в тюрьме. Вепря забавляла созвучность великой китайской династии V века до н.э. и названия самого южного — и, как следствие, албанского — городка монтегорского побережья.

Сам Милович происходил из семьи югославской научной интеллигенции, его отец был видным профессором-академиком, а сын с середины 80-х пошёл по «комсомольской линии» той эпохи: сигареты, контрабанда, проститутки, наркотики, власть. Заработав в 1987 году свой первый миллион немецких марок на контрабанде в Италию четырёх военных катеров, под завязку забитых турецкими сигаретами, к концу второго десятилетия XXI века он был первым и единственным миллиардером страны, чьё фактическое население составляло менее полумиллиона человек. Кстати, именно тот факт, что подельники Вепря платили в марках (не в итальянской же лире им было платить) и обусловил скорый переход Монтегории из югославского валютного пространства в немецкое. Уже с 1991 года, формально — по причине неудержимой инфляции динара, только что переименованный Титоград перешёл во внутренних расчётах на немецкую марку. Для Вепря и его банды это была единственная возможность легально потратить накопленные к тому времени десятки миллионов наличных марок, начавших было плесневеть в сейфах во влажном адриатическом климате.

Вы когда-нибудь видели, как выглядят заплесневелые деньги? Если нет, это малоприятное зрелище. Скользкие на ощупь, разваливающиеся в руках, с поплывшей краской на рифлёных контрольных лентах и мерзким запахом. Чтобы

прийти в такое состояние, купюре нужно лежать в непроветриваемом закрытом помещении с высокой влажностью несколько лет. Но всё зависит от уровня влажности. Когда Вепрь впервые столкнулся с этой проблемой, то не придавал ей особого значения: подумаешь, пара десятков купюр пропадёт. Когда плесень приобрела угрожающие масштабы, вопрос встал ребром — где и как менять эти миллионы плесневелых марок? Ответ нашёлся у гениального финансиста монтегорской «коза ностры»: запросить Берлин об официальном переходе на немецкую марку! Так, бывшая на тот момент частью Союзной Федеративной Республики Югославия Монтегория стала полулегальной составляющей немецкой валютной зоны. В аэропорт хорватского Дубровника прилетел специальный самолёт Финансовой службы ФРГ, в котором было 250 миллионов марок — крупными, средними и мелкими купюрами, а также мелочью — пфеннигами. В них-то и растворил потом главный бандит Адриатики свою «плесень». Груз с этим несметным по тем временам богатством перевозился на пяти бронированных фурах, по такому случаю специально доставленных с завода «Мерседес» в Баварии. Их безопасную доставку из Дубровника обеспечивал полный состав мафии, в формате специально под это созданной национальной гвардии. С тех пор все свои действия монтегорская мафия предпринимала в условно «легальном» формате — под видом «национальной гвардии».

Профессор Влатко уже давно отошёл от дел. В 90-е на посту военного атташе Югославии в Оттаве он разработал схему по обходу наложенных на свою страну санкций в части покупки столь нужного в то время оружия. Она была до неприличия проста. Формально оружие закупалось для несуществующей частной военной компании в Монреале, у которой из всего вооружения по факту был только степлер, затем перепродавалось через несколько таких же мифических фирм и в

итоге морем доставлялось в Монтегорию, откуда уже его забирали по железной дороге в Белград. Но, по наводке своих многочисленных соседей с юга, канадцы схему вскрыли и упекли профессора в тюрьму на 7 лет. Вернувшись после выхода из тюрьмы домой, в свой городок на побережье, Влатко — большой поклонник русской литературы и хорошей абрикосовой ракии, обладатель полного собрания сочинений большинства великих русских писателей XIX века, неожиданно для всех открыл прачечную. Город был маленький, все хотели вживую посмотреть на местную легенду, но, чтобы не глазеть просто так, начали нести Влатко свои грязные вещи. Расчёт на популярность оправдался: совсем скоро Влаткина химчистка стала обстирывать весь город.

Однако не в этом был главный смысл! Цимес состоял в том, что под прикрытием химчистки абсолютно открыто работал центр югославской разведки для обмена информацией между Белградом и его разрозненными агентами в Монтегории. И возглавлял его профессор Влатко. Миккеле, как и отец Блажо, был знаком с Влатко по прежней жизни: в юности они вместе кадрили приезжих красоток. Потому дела после возвращения закрутились пуще прежнего. И теперь именно профессор-контрабандист был мозговым центром операции «Капкан на зверя».

Небо над Лиссабоном медленно догорало розовым закатом. Солнце, покидая Старый Свет, садилось прямо в океан. Особенно хорошо тёплые перламутровые отблески закатного солнца были заметны из личного бизнес-джета Вепря, в этот вечерний час набиравшего высоту над западным краем Евразии. Два часа назад там завершился очередной саммит Западно-Атлантического альянса, в котором впервые в качестве равноправного члена участвовал президент Монтегории. Он мог бы поехать в Эшторил — роскошный пригород Лиссабона, на ужин с видом на океан в компании ещё нескольких приглашённых

на саммит балканских лидеров, но предпочёл по-английски ретироваться. Надо отдать должное: наравне с врождённым аферизмом и клептоманией Вепрь Милович обладал завидным чувством дома и краевым патриотизмом и редко когда подолгу задерживался за границей. Его мало привлекали красоты западноевропейских городов, жемчужины архитектуры и европейской культуры. Он не понимал театра, а из кухни всегда отдавал предпочтение родной адриатической – смеси мясной, континентальной балканской и легкой рыбной, приморско-итальянской. Мотива оставаться даже в самых крутых европейских столицах не имел, торопясь поскорее вернуться в свои резиденции. Тем более — было куда возвращаться! Богатству и разнообразию дворцов Вепря могли бы позавидовать, пожалуй, все европейские лидеры за редким исключением. Только отставной итальянский политик-олигарх с немного криминальным (но совсем другого уровня, чем у Вепря) прошлым, имел более красивые и изысканные дома. Оттого последний ему всегда по-особенному зло завидовал.

Три часа полёта прошли за чтением сербско-хорватских газет. Вепрь был до крайности самолюбив и внимательно отслеживал, что про него пишут соседи. Он регулярно заказывал у прикормленных журналистов хвалебные материалы, притом не только в балканских, но даже в английских и иногда российских СМИ. Подобного рода работу для него обычно проводила семейная пара Гиgienовых – известный в узких кругах журналист крупного российского издания, получивший в 2006-м за свои хвалебные оды Миловичу один из первых паспортов независимой Монтегории (в придачу к вилле), и его жена-сербка, главный информационный спонсор всех балканских гей-парадов. Но некоторое время назад многолетний контракт на «отмазывание» Вепря от регулярных обвинений в европейской наркоторговле и контрабанде оказался под угрозой: слишком большую активность в искусном обрабатывании Миловича стал проявлять когда-

то популярный российский галерист Бельман. Пару лет назад обустроившись по приглашению строителя американских военных баз на монтегорском побережье, в отжатом у русского строительного магната жилом комплексе, сейчас он активно искал заказы. Предпринимал уже пятую попытку приблизиться к команде Вепря, который не спешил нанимать одиозного русского еврея. Вепрь прекрасно знал ещё по временам мафии: предавший единожды — повторит. Потому избегал назойливого галериста, прежде работавшего по заказу Кремля, но потом этот самый Кремль проклинавшего. Тем более, Милович понимал: Бельман приехал не сам по себе, но по заказу британской МИ-6, с целью дискредитации своими антиправославными «перформансами» российского фактора в массовом сознании простых, доверчивых и любящих Россию монтегорцев. И хотя цели Вепря были в чём-то схожи, всё же он хотел вести свою собственную игру.

А защищаться Миловичу было от чего. Медийная волна, поднявшаяся против него со всех сторон на фоне нового закона об изъятии храмов, грозила превратиться в цунами и снести многолетнего правителя Монтегории.

На следующее утро по прилёту в Подгорицу его опасения подтвердились: контрразведка донесла своему лидеру, что из соседней Боснии в республику прибывают десятки отставных офицеров, а у албанцев кто-то решил закупить 150 единиц стрелкового оружия. Мнительный по своей природе, Вепрь тут же приказал усилить охрану своих резиденций и отправился на встречу с однопартийцами.

Собравшиеся в родном для лидера Цетине полторы сотни экстренно приехавших со всей республики бонз правящей последние 30 лет партии больше напоминали сходку криминальных авторитетов, кем в сущности и являлись. Дорогие итальянские костюмы в полоску по моде конца 90-х, расстёгнутые до солнечного сплетения рубашки как у Вепря или тончайшего кашемира джемпера Zilly, золотые цепи и «котлы»-турбийоны – мало что

напоминало о том, какой на дворе год, кроме последних «Айфонов». Даже среди многочисленной, но разрозненной оппозиции Вепрю попадались такие кадры. А один молодой «бычок», избравшийся от оппозиционной партии, как-то раз из желания выделиться пошил себе костюм «в цвет Георгиевской ленты» и ещё порывался возглавить колонну «Бессмертного полка» в Тивате, но, благо, был быстро отеснён более адекватными активистами.

Вопрос на повестке собрания монтегорских «донов» был один – хватит ли у них сил для сохранения контроля над республикой в случае негативного развития событий и расширения протестов.

Как только в зале появился Вепрь, началось заседание. Первым взял слово «крошка Зоки» — крупный и высокий даже среди монтегорцев детина, прославившийся тем, что в лихие времена бандитских разборок при расстреле не оплативших «крышу» бизнесменов вместе с семьями он поначалу «жалел» детей, оглушая их прикладами, но не убивая. Правда, некоторые из них после такой «жалости» становились ходячими овощами, а один спустя несколько лет решил отомстить и чуть не убил своего «благодетеля». Тогда «крошка Зоки» уже перестал жалеть кого-либо. Бизнес его был построен на контроле приморских ресторанов. Сам Зоки очень любил вкусно поесть и регулярно устраивал пиры, выбирая для этого самое лучшее на данный момент заведение. Если ему нравилось обслуживание и блюда, он не трогал владельца, платившего ему 30% дохода. Если же что-то шло не так, ресторан изымался в пользу Зорана Михайловича уже на следующее утро. За все годы подобных практик не осталось, пожалуй, почти ни одного места, не сменившего владельца. Хотя нет, один такой был – старый байкер Йован, ещё в середине 80-х открывший трактир «Крст», с тех пор ставший «заведением №2» на Будванской ривьере, каким-то неведомым образом всегда оставался в выигрыше после застолий Зоки. Говорили даже, будто он что-то особенное подмешивал в еду мафиози. Осо-

бенностью бизнеса «по Йовану» было мудрое нежелание становиться самым лучшим заведением, чтобы не привлекать к себе избыточного внимания первичных накопителей капитала. И это работало: «лучшие» всё время менялись, в то время как стабильное второе место Йован не отдавал никому. Сам же он принципиально не хотел что-то менять в своей жизни и от неоднократных предложений пойти в политику неизменно отнекивался.

«Крошка Зоки» говорил, как всегда, много и крайне охотно – как будто ел, переходя от закусок к буйабесу и далее к главному блюду, запивая всё это неизменным красным вином. Но в какой-то момент его речь смолкла. В здании послышались выстрелы, заставившие Вепря пожалеть о том, что он приехал на сходку-собрание партийцев.

Охрана попыталась оперативно вывести начальника из здания, но не тут-то было – выходы оказались закрыты. Стремительно приближавшиеся звуки коротких очередей не оставляли выбора – Вепрь мог спастись только по воздуху. Охрана повела его на крышу.

По звонку начальника охраны вертолёт, всегда стоявший наготове, уже отправился за ним, как вдруг всё оказалось кончено. Выстрелы стихли, а оставшиеся вчетвером с шефом охранники, не сговариваясь, застрелили «дикого Ацо» — начальника охраны Миловича, и скрутили своего подопечного. Единственный балканский миллиардер ждал своего часа на крыше им же построенного отеля, где тремя этажами ниже, в большом зале, сидели практически все главные бандиты Адриатики, державшие в страхе добрую половину бывшей Югославии.

Как такое могло случиться?

Если в чём-то и сохранилась ещё Югославия, то, безусловно, в криминальном мире, который не знал административных границ единой прежде страны. Монтегорцы крышевали бордели в Загребе и Белграде, торговлю наркотиками в Хорватии, Сербии и даже частично в Боснии, где постоянно вели с местными мусульма-

нами межкартельные войны за лакомый кусок теневого рынка. В какой-то момент наркокартель Миловича обеспечивал своим «товаром» пол-Европы — вплоть до Германии. Периодически вспыхивающие перестрелки с албанцами, исторически претендующими на эту сферу, заканчивались очередным разделом чужой территории и доходов.

Ещё во второй половине 1980-х, в период зарождения и начала становления монтегорской мафии, за право неформального контроля над портом Котора и всех вытекающих из этого преференций повздорили выходцы из двух соседних сёл, расположенных в Бока-Которском заливе, — Шкаляры и Кавач. С тех пор уже на протяжении более 30 лет война между ними только нарастала, а география столкновений охватила почти всю Европу, Турцию, Израиль, Россию, Украину и даже США. Монтегорские «Монтекки и Капулетти» самозабвенно мстили друг другу, — а поводов за треть века накопилось предостаточно. Так вот, даже Вепрь, когда подмял под себя всю мафию, не смог прекратить давнюю войну: то тут, то там представители враждующих кланов продолжали убивать друг друга. И Вепрь понял, что сможет извлечь выгоду из средневековой традиции. Используя попеременно то одних, то других, он проворачивал самые грязные дела руками одного клана, а потом устранял исполнителей с помощью другого. Так продолжалось уже много лет.

Но пришло время, и, наконец, нашлись два отпрыска известных фамилий из конфликтующих сёл, которые решили положить конец войне. Пораскинув мозгами, они быстро сообразили, что главным её выгодоприобретателем является Милович, без низвержения которого не удастся прекратить выкашивающий мужскую половину селений смертельный конфликт. Тогда они — впервые за 35 лет истории их семейств — тайно скооперировались, подговорили «своих» охранников Вепря, который, боясь за свою драгоценную жизнь, «страховал» шкалярских охранников кавачскими, и решили рискнуть. Выбор был

невелик — либо они положат конец войне, либо их самих в скором времени убьют. Тогда они и придумали схему с похищением и временным изолированием Вепря в одном труднодоступном районе, за популярным горнолыжным курортом на севере Монтегории.

Теперь, стоя на крыше отеля, они дожидались вертолёт со своим пилотом, который должен был доставить заложника-диктатора на базу.

Но этому было не суждено случиться. Срочно приехавший на выстрелы спецназ, вызванный полицией, уже прорывался в здание в поисках президента. Вертолёт тем временем всё никак не показывался.

Чувство, будто что-то пошло не так, стало постепенно овладевать заговорщиками. Но не успели они сообразить, что конкретно, как на крышу прорвались верные Миловичу албанские спецназовцы. Смерив взглядом четырёх охранников, они без лишних движений вывели президента с крыши. После двое вернулись и короткими очередями из израильских «узи» приговорили горе-похитителей.

Вепрь был снова свободен. Впервые за последнюю четверть века пережив стресс от захвата (в конце 80-х — начале 90-х с ним это происходило регулярно), он хотел поскорее вернуться в безопасное место: в свою хорошо укреплённую резиденцию неподалёку от Святого Стефана. Путь домой пришлось преодолевать в сопровождении двух армейских «Хамви» — подарка армии США по случаю вхождения Монтегории в НАТО. На заднем сидении бронированного БМВ, изготовленного специально по заказу Вепря на заводе в Баварии, он искал корень измены. Задача уже была поставлена руководителям трёх силовых ведомств республики. Не проинформирован был пока только глава МВД — прежде давний надёжный соратник времён мафии, в последнее время он всё чаще вызывал у Миловича вопросы.

Добравшись до резиденции, албанский спецназ занял круговую оборону в предназначенных для этого «гнездах», — только после этого Вепрь вышел из маши-

ны и проделал несколько шагов в сторону дома.

Расчёт Миккеле и Влатко оправдался: после неудавшегося похищения Вепрь на пару дней заперётся у себя в резиденции. Они были в курсе заговора лучших представителей враждующих кланов и не собирались им мешать. В каждой стране есть своё «глубинное государство». Даже в такой маленькой, как Монтегория.

Внешний периметр резиденции охраняли прошедшие подготовку на американской базе «Бондстил» в Косово албанцы. Но внутрь дома их никто не пропускал. Там всем заправлял итальянец-мажордом Стеффано. Выходец из Неаполя, когда-то он был видным членом знаменитой Ндрагеты — стержневой структуры итальянской мафии. Через него многие годы вёлся контрабандный бизнес с Италией. В отличие от Вепря, Стеффано, не имевший дипломатического иммунитета, не мог легально вернуться к себе домой: там на него было заведено полтора десятка уголовных дел. Потому остаток жизни он доживал домоуправителем главного мафиози-президента Монтегории. Под началом Стеффано был довольно большой и вышколенный штат — лучшие повара, горничные, слуги, куртизанки, водители, адъютанты, внутренняя служба безопасности. Все они лично отбирались придиричивым итальянцем и при малейшей провинности безжалостно выкидывались на улицу с волчьим билетом, а потому чрезвычайно дорожили своим местом.

Но если раньше Вепрь вёл себя со Стеффано почти по-братски, то теперь многое изменилось: он ему часто хамил, прилюдно унижал, игнорировал. И, видимо, что-то внутри итальянца сломалось: он решил рискнуть. Будучи давним приятелем Миккеле, который и познакомил его с Влатко, Стеффано сам подкинул опешившим приятелям идею захвата и исчезновения Вепря. Он догадывался об интересах югославской разведки, и, как только сошёлся с Влатко, мгновенно всё понял. Его

собственный интерес был простым — обрести, наконец, долгожданную свободу, устранив своего многолетнего хозяина, затем перебраться в Белград, а после, быть может, под другой фамилией вернуться в родной Неаполь. Влатко, с которым они понимали друг друга с полукивка, обещал всё устроить в лучшем виде.

План захвата был следующим: Стеффано должен был подмешать в еду, подаваемую на ужин Вепрю, сильнодействующее снотворное, затем спуститься и открыть тайный ход, ведущий из резиденции на Святой Стефан, где его должны были поджидать Миккеле с Влатко. О существовании подземного тоннеля, кроме самого Вепря и Стеффано, знало только несколько старейшин из семейств Пастровичей, включая Миккеле. На обычной деревенской трёхколёсной тачке предполагалось перевести спящего Вепря на остров, а затем спрятать его в подвале под храмом. Тем самым храмом, где служил Блаже.

Идеальный план имел несколько недостатков, но главным было то, что этим тоннелем последнюю четверть века практически не пользовались, и никто точно не знал, что в нем было на самом деле в данный момент. Снаружи со стороны острова тоннель был закрыт на засов с замком, ключ от которого имел только Стеффано. В доме же, в силу загромождённости предметами старины, вход был давно забаррикадирован всяким антиквариатом, не пришедшимся по вкусу Вепрю по тем или иным причинам. Миккеле пытался было уговорить Стеффано дать им ключ заранее, чтобы они смогли пройти по тоннелю, но итальянец был непреклонен. Из опасения срыва операции и лишних глаз (ведь служба безопасности управляющей островом компании ANAM была тесно связана с монтегорским Агентством национальной безопасности) он настаивал на том, что войти в тоннель можно будет только раз — и один раз из него выйти, не привлекая к себе лишнего внимания.

Вечером в день запланированной операции разразилась буря — надвигавшаяся на побережье гроза обрушилась стеной

дождя с громом и молниями, так что переодевшиеся в сотрудников технической службы с «чистыми» электронными карточками для доступа на территорию Миккеле и Влатко в фирменных прорезиненных плащах ANAM не вызвали у охраны никакого интереса – быстро сориентировавшись на острове, они уверенным шагом дошли до церкви, спустились в подвал и сравнительно легко открыли замок на засове. Но не тут-то было – за многие годы неиспользования сам засов настолько прирос к двери, что никак не хотел поддаваться. Положение казалось безвыходным – ключ, со скрипом провернувшись с третьего раза в замочной скважине ни на шаг не приблизил успех. Засов стоял недвижно, а выбивать его – довольно шумно, да и инструментов никаких. Оставался последний шанс – вентиляционное окно, находившееся с другой стороны церкви.

Поднявшись из подвала, они нос к носу встретились с Блаже, который чуть не столкнулся с корпулентным Влатко. Священник, первоначально посвящённый в планы, до последнего колебался. Он не был уверен в правильности столь дерзкой идеи, хотя и презирал Вепря, считая его врагом православия. Только за два дня до часа икс Блаже ответил, что готов. Теперь его функция заключалась в организации укромного места, где живым или мертвым будет содержаться узник. Неловкость возникшей паузы снял Миккеле, незаметно подставив руки для благословения. Весь остров просматривался камерами видеонаблюдения, потому неожиданную встречу «рабочих» со священником на площади перед церковью могли заметить. Быстро обойдя храм, наконец, они нашли зарешеченный вентиляционный выход, рядом с которым очень удачно находилась тренога с надписью «не наступать». Недолго думая, Миккеле снял с себя плащ, повесил его на массивную треногу и загородил этой конструкцией окно, расположенное на уровне земли.

В этот раз засов поддался, и охотники на Вепря, открыв железную решётку, стали быстро спускаться в вентиляцион-

ный проём. Сухой и жилистый Миккеле нырнул в него рыбкой, а вот Влатко пришлось помучиться. Наконец и его живот прошёл через отверстие, и они оказались в сыром и старом тоннеле. Прыгающий свет фонарей выхватывал из темноты древнюю кладку, которую не чистили больше сотни лет. Тоннель стремительно шёл вниз, где-то со стен капала вода, историческую неровность пола дополняли многочисленные сколы, так что нужно было одной рукой опираться на стенку, чтобы не упасть. Вдруг под ногой Влатко что-то треснуло – фонарь вырвал из тьмы чью-то кость. Присмотревшись внимательнее, он обнаружил неподалёку свалывшиеся лохмотья одежды и ...человеческий череп. В головах друзей синхронно всплыла история исчезнувшего при Тито старого печника. Но останавливаться и копаться в этом абсолютно не было времени.

Тем временем на ужин Вепрь заказал себе нежное мясо угря, припущенное с овощами и картофельным пюре с мангольдом. В качестве «антипасты» был выбран зелёный салат с помидорами, а на десерт нежный безглютеновый мильфей. Он всю жизнь был довольно подтянутым, но с возрастом начал понемногу поправляться, поэтому старался следить за фигурой. Собственно, сильнодействующее снотворное было подмешано только в мильфей – любимый десерт хозяина. Очень скромно выпивающий, Вепрь попросил открыть итальянское Барбареско 2012 года. Два бокала вина должны были только усилить седативное действие препарата.

Стеффано внимательно следил за процессом насыщения своего хозяина. Впрочем, как и всегда. Добравшись, наконец, до мильфея, Вепрь вдруг неожиданно вышел из-за стола и сам пошёл в сторону кухни и винного погреба. Никому не сказав ни слова, спустился в погреб и, немного поискав, достал с нижней полки бутылку Бермета 2003 года. Балканский Херес, сделанный в Воеводине, очевидно, как нельзя лучше подходил к мильфею. Вер-

нувшись с бутылкой Бермета, он пошутил, что такой же пили на «Титанике» за полчаса до столкновения с айсбергом. Стеффано только улыбнулся уголками губ. Закончив с трапезой, Вепрь отправился в свой кабинет, где он любил проводить одинокие вечера за подсчётом доходов и распределением теневых прибылей. «Строить Монтегорию», — иронизировал он, понимая под своей страной свою мафию. Стеффано прекрасно знал график хозяина, он только и ждал момента, когда тот закроется в кабинете и буквально спустя двадцать минут забудется крепким сном прямо в удобном, обитом крокодиловой кожей дубовом кресле, сделанном на заказ известной итальянской фабрикой.

Не прошло и десяти минут, как привратник стоял у дверей кабинета с... садовой тележкой, на которой перевозят подстриженную газонокосилкой траву. Трижды постучав в кабинет босса, Стеффано открыл дверь своим ключом, застав Вепря, как он и предполагал, уже в бессознательном состоянии. Длинное тело лежало прямо на медвежьей шкуре в одном шаге от кресла. Используя все свои накопившиеся силы, итальянец, наконец, водрузил тушу шефа на тележку и тихонько повёз её к незаметному лифту, сделанному прямо в кабинете Вепря. Спустившись на лифте на один этаж, Стеффано столкнулся с проблемой, как бесшумно пройти сквозь загромождение из картин, бюстов и скульптур. Расчистив, наконец, себе проход, он вместе с содержимым тележки добрался до заветной двери.

Вепрь и в сознании-то не был лёгким типом, но в бессознательном состоянии оказался просто неподъёмным. Трое сильных мужчин с трудом справлялись с обездвиженным телом на тележке. В узком проходе тёмного тоннеля, где из всего света было лишь три мятущихся фонарных луча, тяжелее всех дышал Влатко. Приятели неоднократно отговаривали его идти вместе с ними, но он был до неприличия упрям. Быстро проделав путь до резиденции (два километра под землёй в тоннеле два на полтора метра), назад он уже шёл с

тяжёлой одышкой и часто останавливался, облокачиваясь о стену. В былые времена такое расстояние он бы преодолел за десять-пятнадцать минут, но после канадской тюрьмы Влатко был порядком изношен. В самой нижней точке тоннеля стояла вода, доходившая до уровня бедра. Когда они проходили туда, воды было существенно меньше. Здесь камни размылись сильнее всего, и вести тележку было очень непросто. Оступившись, Влатко всем своим грузным телом рухнул в воду, Миккеле поспешил на помощь другу, в то время как Стеффано не по-итальянски педантично вёз тело своего многолетнего шефа. Вынырнул Влатко почему-то весь в крови. В процессе падения он сильно ударился лбом о стену и рассёк себе бровь. Идти дальше предстояло в горку, в то время как в тоннеле откуда-то доносилось завывание и всё более нарастающий гул. Чуть выйдя из глубокой воды, похитители остановились. У них осталось всего два фонаря: Влатко свой разбил.

Вдруг откуда-то стала постепенно прибывать вода. Вначале они грешили на ливень, затапливающий зарешеченную вентиляцию, сквозь которую они и попали сюда. Но, осмотрев стенки, они поняли, что вода струится сквозь них. Солёный привкус не оставлял никаких сомнений. Тоннель тёк морской водой, причем серьёзно. Прodelав ещё пару десятков шагов вверх, Стеффано, всё это время толкавший тележку с Вепрем, предложил сделать остановку. И в этот момент сверху их внезапно накрыл поток.

Тьма, боль от падения на камни, попытка удержаться... опять кувырок по стенам...

Поток схлынул так же неожиданно, как и пришёл. Первым вынырнул Миккеле — профессиональный ватерполист знал, как задерживать дыхание и не сопротивляться воде. Недалеко от себя он обнаружил Стеффано, придерживающего одной рукой другую, видимо, сломанную в процессе бросания по камням. Они переглянулись и осмотрелись — поток воды отнёс их не так далеко от первоначального места, но ни

Влатко, ни тележки с Вепрем поблизости видно не было. Засуетившись, они ринулись было вниз, но уже через три метра натолкнулись на обвал тоннеля, оставивший только узенькое отверстие размером с подзорную трубу. В нём не было воды, и сквозь него ничего не было видно. Тихо окликнули Влатко, затем громче, затем во весь голос. Мерный гул волн где-то над головой был им ответом.

— А знаешь, так даже неплохо получилось... Не ожидал, конечно, но по итогам всё равно неплохо... Ты, такой всемогущий, купивший всё и вся, продавшийся всем и вся, и я — без гроша в кармане, зато честный идиот с идеей... Какую страну уничтожил, какой народ совратил!.. Твои грёбанные наркотики унесли в могилу моего сына — не уследил, дурак, пока играл в разведчика. Оружием Родину обеспечивал, дома неделями не бывал, а он, малолетка, уже подсел на героин... Моя жена, скрывавшаяся от твоих бандитов в горах, пережила такие страхи, что тебе ад раем покажется... Однажды её схватили почти у дома, на глазах детей стали раздевать, издеваться, чёрт знает, что было бы, если бы не соседи, поднявшие шум... Затем ты стал собирать по стране красивых девок, и твои гайдуки, словно турки, дали наводку на мою единственную дочурку Ямину... Её пригласили на приём, где был ты. Вы познакомились, и она забеременела... Родила от тебя, подонка, ты же ни разу за 12 лет не приехал посмотреть на собственного сына... И вот теперь лежишь такой беспомощный и дохлый здесь, на камнях... Нашёл, наконец, своё пристанище... И гробом на колёсиках накрылся... Отмучился... Да, видно, и мне с тобой по пути... Пойдём, зятёк, доведу... Не вырывай-

ся, пойдём...

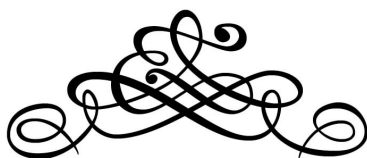
Два тела — толстое и длинное — лежали меньше чем в метре друг от друга, их ноги почти касались, вода колыхала одежды. С одной стороны слабо пробивался призрачный свет, с другой был обвал, закрытый перевёрнутой тележкой... Вепрь и Влатко — такие космически разные, встретили свой конец вместе, на одних камнях, в одной воде лучшего в мире моря.

Колокола неистово били к заутрене. Блаже, не сомкнувший за всю ночь глаз, был почти в состоянии транса. Никто к нему на службу так и не пришёл. Лишь две согбённых фигурки в плащах технического персонала управляющей компании ANAM тихо молились возле выхода. Одной из них плащ был не по размеру велик: оттого казалось, что это какое-то нелепое привидение. Постояв минут десять, они незаметно исчезли.

Какие-то призраки-прихожане Святого Стефана, подумал Блаже.

В то утро рыбаки, регулярно привозящие на остров свежепойманную рыбу для ресторана, забрали с собой двух неизвестных монахов с красными глазами, но умиротворёнными лицами. За Будвой у пляжа Яз они пересели на быстроходный катер, который взял курс в сторону Италии. Как в старые добрые времена...

А через два дня в воде между Святым Стефаном и королевским пляжем нашли знаменитую серебряную икону Богородицы-Троеручицы, не раз спасавшей местных жителей. То ли с затонувшего корабля всплыла, то ли течением принесло, подумали рыбаки. И даже не вспомнили про двух уставших монахов, переданных им заботливым отцом Блаже.

Драгана МРДЖА
г.Белград, Сербия

**РАССКАЖИ МНЕ,
ДЕДУШКА, РОССИЮ!**

«Орех из гимнастерки»

В городе Белграде, в Сербской столице, которую в октябре 1944-го советские бойцы освобождали вместе с Югославской народной армией, есть необычный памятник братскому подвигу нашего народа. Памятник – нерукотворный, создала его сама жизнь, потому что это – живое дерево, выросшее «из кармана солдатской гимнастерки».

Не свойственный флоре этого края, 70-летний кавказский орех растет сегодня в одном старом запущенном дворе около дороги на гору Авала. За эту гору шли бои с фашистами во время освобождения Белграда. На ней располагалась детская больница, которую в октябре 1944-го перестроили в госпиталь для советских раненых.

Считается, что орешек лежал в кармане у неизвестного бойца, который носил его как память о своем далеком доме. Раненный в боях за Белград, солдат скончался от ран в госпитале и был похоронен недалеко от него, как другие многие и многие неизвестные герои, чьи имена унесли в небытие военные потрясения...

Однако орех жив — удивляющий, радующий тенью в жаркий балканский полдень, и тешащий душу путника мощным шелестом своих твердых сочных листов. О чем шелестит орех кавказский, орех белградский у горы Авала?

Об этом — рассказ белградки Драганы Мрджи, посвященный 70-летию Великой Победы.

От переводчика

Под орехом перед домом сидит старик.

Пальцами медленно скручивает папиросу с табаком «шкия» — герцеговинским, жёлтым, как солнце и ароматным, как айва.

По двору скачет мальчонка лет восьми, играет. И вдруг, будто вспомнив

что-то важное, из кучи дров, приготовленных для рубки, с усилием вытаскивает одну чурку, подкатывает её к деду и садится перед ним.

- Деда, рассказывай!..

- Рассказывать? — улыбается дед в усы. — А о чём тебе рассказывать?

- Расскажи мне это, это... Расскажи мне, деда... Россию!

- Россию? Эх, родимый! Рассказал бы тебе дед, если б можно было в тысячу слов уместить тысячу шагов. И тысячу лет. Такая вот тебе Россия.

А так, как мне рассказывал Сергей, я не умею...

Спрашиваешь, какой такой Сергей? Понимаешь, с ним я познакомился в сорок четвертом, когда мы освободили Белград. Подошел он к нашему костру, вокруг которого сидели мы, краишники. Тяжелая усталость на нас тогда навалилась, а ночь — холодная, октябрьская... сидим и молчим.

Слышатся выстрелы и взрывы, бои ещё продолжаются... но уже всё, чувствуем мы это и ощущаем. Хотя до нас вроде ещё и не дошло, что вот же — мы из Белграда немчуру прогнали!

Так, бывает, когда с огромным напряжением завершишь какое-то дело, и даже сил не остается, чтобы порадоваться...

Садится Серёжа, светлеют на его загорелом лице голубые глаза; вытаскивает свой табак и угощает нас. Если бы чем-то другим угостил, отказались бы, но табак... редко у нас он бывал — курили мы в основном кукурузные рыльца, сухие листья, что придётся. Скрутили мы по одной, закурили, а он — мама дорогая! Сильный, и острый, и дымит так, что закашлялись! Смеётся Серёжа, похлопывает меня рукой по спине и начинает говорить.

Сначала мы плохо его понимали. А потом слова стали такими ясными, будто мы их давно уже знали, только забыли, и сейчас их нам кто-то в память возвратил.

*Рассказывал нам о Москве красной,
столице своей;
о девушках красивых из своего села —*

*там он перед войной собирался жениться;
об огромных реках – Доне, Днепре,
через которые пришлось переправляться;
о степях, края которым не видать;
о ветрах, которые по осени разносят
ароматы сухих трав по равнине;
о рябинушке-оскоруше на далёком Урале,
про которую в песне поётся;
о зиме лютой, которая заледенит в тебе
всё так, что останется только
одна мысль – вперёд надо, вперёд!..
О городах и сёлах сожженных,
ни единой живой души в них не осталось;
о брате, который погиб
где-то под Сталинградом, о матери
и сёстрах, убитых немцами...
Тут остановился. Замолчал.*

Встал Серёжа и начал... танцевать. Почти на одном месте, только ногами тяжело стучит по земле, но видно – это танец. Какое-то, наверное, своё «коло», похожее на наше, гламочкое – глухое коло, без музыки. И тут у меня, родимый, всё внутри сжалось.

Думал, что сердце разорвётся, настолько оно стиснулось!

Встал и я. Руку положил ему на плечо, и стали мы молча топтать эту землю, со стиснутыми зубами, эту землю – ни мою, ни его, которая сейчас была и моя, и его... Как будто топтали мы те четыре года мук и страданий, через который пришлось нам пройти. И каждый тот удар ног о землю, тяжёлый-претяжёлый, казалось, мог разрушить Белград!

Не знаю, сколько мы так стучали ногами, но в какой-то миг почувствовал я – стало легче, могу дышать... Сели мы. Сергей опустил руку в карман и достал пару орехов.

- Это мне мать с собой дала, когда я на фронт уходил, был целый мешочек с собой, а осталось несколько... Возьми. Чтобы было что-то обо мне на память. И о нашей России. Чувствую я, что не вернусь назад...

- Почему не вернёшься? Всё уже, война закончилась – проклятые фрицы бегут, конечно, ты вернешься, почему нет!

Встал тогда Серёжа, пошёл, но, сделав пару шагов, возвратился... и поцеловал меня трижды в щёки — точно так, как у нас целуют. Видно – православная душа.

«Прощайте!» – сказал и ушел.

Слышал я потом, что вскоре был он ранен, и переброшен под Авалу, где был госпиталь для русских раненных. Там и умер, и похоронен был, не вернулся он в Россию...

До конца войны носил я те орехи в кармане. А когда вернулся домой, в суматохе и радости совсем забыл о них. Спрашиваю потом жену Смильку: где орехи? Она, бедная, не знает, ищет – всё перевернёт, а их нет.

Думал, что потерял, и было мне обидно, тяжело. А на следующий год, когда косил траву возле дома, вижу – маленькое деревце. Пригляделся – орех! Это тогда, видимо, когда вернулся, Смилька вытрусил шинель во дворе, орех упал и пророс! Вот это тот самый орех, под которым сейчас мы сидим – Сережин орех. А ещё слышал я, что и на том кладбище под Авалой какой-то похожий орех вырос, еще одна славянская душа в дерево переселилась...

Мальчик сидит тихо, и только его большие глаза говорят, что слышит он каждое слово деда.

- Хорошая у тебя сказка, деда. Я сейчас иду играть, а ты береги Серёжу, – гладит он ствол рукой. – И Россию береги.

И скачет через весь двор. Старик усмехается, думая:

- Конечно, будем беречь. А если опять ударит Германия, будем вместе, как и тогда были.

И опять возьмём её за шиворот.

Майское солнце медленно садится, а там, на Востоке, по небу и облакам разливается румянец зари.

- Будет завтра хороший день, Серёжа, – говорит старик и, не спеша, направляется к дому.

ДУМЫ О СЛАВЯНОСЕРБИИ

Когда сербы под командованием Шевича с разгону бросились в омут Дикого поля, пришлось им воистину хлебнуть горя. Места дикие – необжитые. Местный люд малочислен и груб, дичится гостей, исподлобья смотрит. Всего с собой не привезёшь, да и от царских щедрот не сразу дождёшься. Купить бы фуражу да провианту – так народец разбегается, дела иметь не хочет. Хорошо хоть рыбы, птицы да зверя всякого вдоволь, а то бы с голоду лошадей поели.

Непривычному человеку в степи тяжело, неудобно. Речки мелкие, бурливые; источников не найти – так мало. Места холмистые, то и дело попадаются балки, в которых запросто могут затаиться лихие люди. Лесов совсем нет – после благодатных родных краёв так непривычно и странно смотреть на это разнотравье, простирающееся до горизонта. Лето засушливое и долгое; жарко так, что всё кругом чахнет. А как дожди пойдут, так и вовсе беда – раскиснет глина и ни пройти ни проехать.

Зимой ветрено и холодно так, что непривычные к лютым степным холодам поселяне стали уже понемногу готовиться к смерти. Стали прощаться друг с другом и говорить со своими святыми. Землянки у них худые, еды мало, а дров и того меньше – поди их в этом диком краю запасаи.

Услышали их молитвы святитель Савва и великомученик Лазарь, царевич Урош, а также и другие святые из их краёв. Хочется им помочь, да только чем? Сами они Дикого поля не ведают, как выживать тут, не знают. Со слезами смотрят, как гибнут их дети, а сделать ничего не могут. Стали они рядиться и решили позвать на вече старых степных богов, и уже у них испросить помощи и совета. Отправили гонца и стали ждать. Скоро приходит к ним весточка, что ждут их старые боги на Бараньих лбах.

Пришли сербские святые на место встречи и подивились – причудливое место, каменное. Будто действительно из-под земли бараны-великаны выглядывают, лбы свои кажут. Место дивное, а степные боги и того чуднее. Кто изваянием каменным сквозь них смотрит, кто оскал хищный свой щерит звериный. Есть и такие, что на людей похожи, да только совсем невиданных и диких. А что тут дивиться? Дикое поле – дикие люди. И боги у них такие же.

Рассказали святые о своей печали и попросили помочь им советом да наставлением. Те подивились, многие расходиться стали – не желают они чужакам помогать, как будто и не помнят уже, что нет в степи своих и чужих, а только лишь пришлые. Некие, самые древние, так и вовсе ничего в толк взять не могут – привыкли, что чтившие их племена ни холода, ни огня, ни страха не знали. Эка, думают, оскудел народец... Качают осуждающе каменными головами седые истуканы.

Понемногу все почти и разошлись. Остались лишь самые поздние, кто больше всего разных племён видел и в горе их, и в радостях понимал. Посоветовались меж собой – решили помочь. Один косматый, с ногами козлиными, научил, как уголь каменный находить, как его добывать и пользоваться. Дородная женщина, сложив на своём каменном чреве натруженные руки, долго рассказывала, сколько в разнотравье пользы. Каждой былинки значение рассказала, что есть можно, чем врачевать, а чем и убивать, коли придётся. Раскосый один был, так он всё поучал, как правильно землянку обустроить, чтобы зимой не мёрзнуть. Были и другие...

Обрадовались святые, поклонились предкам и поспешили народ свой спасать. Так что кое-как ту зиму сербы перетерпели, а уж с тепла стали жить не хуже, чем местный люд. А те, глядя, что гости многие их тайны извели, признали за своих и стали помогать во всём. Вот так и обвыклись, обустроились за несколько лет. Много их тут жило, много и сейчас живёт, да только уж и не признать их – совсем степняками стали.

* * *

*До свидания, ненаглядный край мой,
до свидания, солнечная степь.
Разлился ковыль рекой бескрайней,
Головой качает спелый хлеб.
Мы с тобой прошли пути-дороги,
От войны, тюрьмы не зареклись.
Берегли в бою степные боги,
Но душа стремится стерхом ввысь.
И теперь мой пыльный путь окончен.
И сейчас мой ратный труд свершен.
Солнцем на прощанье позолочен,
И людьми в последний раз прощен.
Пусть душа спешит в далекий вырей,
Тишиной туманится блеск глаз.
Принял я в бою свою погибель,
Все отдав тебе, родной Донбасс.*

После жаркой улады долгого боя, после истошных криков и перекошенных лиц, так хорошо раскинуться вольно в высокой степной траве. Упасть, усталому до той меры, когда уже не чувствуешь ты ни камней, ни жестких травинки. Разбросав свободно ноги и руки, освободившись от ранца, покоящегося теперь под остывающей головой, сбросив с ног мокрые от пота обрыдлые солдатские сапоги, вмиг стирающие ноги до крови. И лежать, томно закинув покрытое испариной, все еще оскаленное боевым кличем лицо в глубокое-глубокое осеннее небо.

Лениво, караванами, идут на восток облака. Подгоняет их степной ветер – озорная псина. Воздух еще теплый, а из низин уже выползает пробирающая до костей степная стужа. Ледяная, как вода в ключе. В трех шагах гремят, как старые кости в домовине, высохшие серо-желтые листья посеченного картечью тополя. Заговаривают глухо дубы в соседней низине.

Горло сухое, словно точило, привкус спекшейся крови, перемешавшейся в кашу с пылью. Но пить не то, чтобы не осталось сил, а просто не хочется порушить эту дивную негу. Сердце, еще недавно бившее громко и смело, словно полковой барабан, теперь, успокаиваясь, стучит тише, покойнее. Ах, как хорошо, как славно, что бой позади и теперь только и осталось,

что лежать. Синяя глазами в небо, следить за полетом пустельги. Издали понесло гарью, но ветер ее слизал.

Странное это место – степь. Страшное, суровое, священное, древнее...

Сколько тут и какими народами только не хожено. Чья только кровь тут не лилась прямо на горячие мшистые камни. Сколько племен потонуло в омуте ковыля; кануло, только и остались от них жутковатые бельмастые изваяния давно забытых богов. Сколько еще уйдет, пыля, в какое-то одним только им известное небо.

Свиное место, взращивающее суровых и воинственных людей. Кто только тут не скрещивал, не мешал в одну кровавую кашу бронзу, сталь и свинец. Каким только прахом не усеяна эта кряжистая, костяная спина неведомого великана. За что бились – кто теперь вспомнит? А великан так и будет спать, заботливо прикрытый синим небом и убаюканный пением степных трав.

Ах, как же сладко они поют, вызревшие, но еще не высохшие до последнего и не посеченные ноябрьским дождем травы!

Хочется закурить, да вот беда – дыму не осталось. А если бы даже и был, все одно нет сил. Недосуг. Надо отдыхать; покемарить, быть может. Отойти, наконец, от неистового шала очередной безумной свалки. От запаха раскаленного железа и пороха и от жестяной вони своей и чужой крови, от смрада кишок...

Колышет его жесткая колыбель, несет все дальше и дальше. В родное, простое и босоное, когда еще совсем дитя, цеплялся он за материнскую одежду и ступал своими крохотными ножками первые шаги, которым написано на роду было пройти неисчислимые дали - все дальше и дальше, чтобы повидать дальние страны и чужих людей. Чтобы любить и ненавидеть, чтобы проливать свою и чужую кровь, и затем, далеко на чужбине, обернувшейся новой Родиной, возлечь на ароматное ложе и отдыхать от долгих своих трудов и странствий.

Стало холодно. В небе разгулялась собака ветра, стала быстрее гнать овец облаков, пока они не начали вытягиваться в жемчужные нити, испоясавшие стан неба, как бесконечное веретено. Судорогой пронзил резкий порыв, досуха испив последний пот ушедшего. Восстали вокруг призраки прошлого. Ему виделось, как он бьется в этих землях, придя в них впервые со своей многочисленной, изначально, родней. пеной прибило оставшихся море ковыля к берегу крохотной часовни, за несколько лет выросшей в редкое время досуга в кривую деревянную церковь. Кровью поливали они ее бревна, отражая набег диких людей и превозмогая суровость обстоятельств. Строились, рожали... и хоронили быстрее, чем рожали. Плодились и уносили тут же своих детей в основание этой церкви.

Не скупясь убивали и сами падали мертвые, сражаясь без остановки за каждую былинку, которую можно было бы назвать своей. Смеялись вопреки всему и, только оплакав умерших, тут же били веселым танцем новых свадеб в эту тугую каменную спину до тех пор, пока не приняла их эта земля и не повенчала на бесконечный труд.

Пролетало перед глазами гикающее горе набегов кочевников. Повторяли птицы хищные выкрики. Сырел порох и косила лихорадка. Дети росли и становились рядом, чтобы делать невиданное – возделывать камни. Выращивать первые политые кровью побеги пшеницы; каждый из них был выплакан, омыт потом и слезами.

Рубились без жалости с любой нечистью, отдавая лучших в далекие войны. Превращали истлевшие часовни в каменные церкви. Ставили на пепелищах сожженных деревень каменные стены. Обряды свои вынесли в ночную мглу степи, чтобы вернуться и принести в росах новые. Чтобы дети малые, выросшие, как рыбы в морях ковыля, помнили старую свою мать-Родину, постигая, что и здесь вот Она же – несть ей пределу...

Бросило в лицо ветром горсть пыльных сухих листьев тополя, он содрог-

нулся, потому что видел сквозь их игру, как пели матери о наших детях, отправляя по Лугани то венки свадеб, то хороня гнет своего горя; как старели глаза молодых и как старики вставали, чтобы вновь взяться за оружие. Как строили из тел своих храм, благословляя трудами и скрепляя камни его собственным прахом. Как шли в бесконечный поход через степь, издревле зная ее бесконечность, лишь бы дать новую жизнь своему роду.

В остывших глазах его металась все бои, которые он прошел за века то с громоздким ружьем, то с трехлинейкой, то с шашкой, хохоча и одаривая во все стороны, разрубая от плеча до пояса, так что смешно и скользко сползал зазевавшийся недруг в бурьян...

Привиделось, как горела на нем гимнастерка, а он, контуженный, орал просто потому, что не мог иначе, вгоняя последние свои патроны в черную тушу испещренного крестами немецкого панциря. Как рвал гранаты с пояса своего захлебнувшегося кровью заряжающего и полз, последний выживший, в одиночное наступление.

Как срывал мясо с пальцев, бессмысленно вбивая в АГС заклинившую улитку... Как крутился волчком, зажимая сочащийся бок и как почил, разбросав свободно ноги и руки, освободившись от ранца, покоящегося теперь под остывающей головой, сбросив с ног мокрые от пота обрыдливые солдатские сапоги, вмиг стирающие ноги до крови. Чтобы лежать, томно закинув покрытое испариной, все еще окаленное боевым кличем лицо, в глубокое-глубокое осеннее небо.

А потом он вздохнул, пронзив голубыми глазами бездонное небо. Всхлипнув, встал и снова пошел.

Чтобы никогда не остановиться.

ИСПЫТАНИЕ

...В указанную ночь он ушел далеко от людей, туда, где огромные древние камни образовали почти ровный круг. В центре круга была выемка, сидя в которой он согрелся и как будто бы отрешился от окру-

жающего мира. Не слышно было ни ночных птиц, ни дуновения ветра. Костра Йован не разжигал, стоя на коленях молился, а потом лёг, и его сковал сон наяву.

Станный ритмичный гул, похожий на дикарские барабаны, отзывался в самом его естестве. Что-то манило Йована в глубины земли, и душа его спускалась всё ниже и ниже, пока не увидел он страшного старца – Хозяина под землёй. В косматой шубе, с козлиными ногами, он походил на гигантское подземное животное. И впрямь, приветственно кивнув в его сторону, он издал звериный рык и, пав на передние лапы, повёл Йована за собой. Долго они спускались извилистыми, узкими коридорами. Вначале, с трудом поспевая за бодро цокающим копытами стариком, он с трудом, срывая кожу с плеч, продирался сквозь эти лазы. Вскоре, однако, стены ушли далеко в стороны; ощущалось, что они идут сквозь гигантские залы, мимо проплывало ощущение гигантских колон...

Непроглядная тьма смешалась с молочным сиянием. Приблизившись, Йован увидел, что его источают гигантские узоры из чёртовых пальцев и раковин, усеявших породу. Узоры как будто пульсировали, а потом он нутром почуял, что причудливо разбегающиеся нити движутся. Что от них исходит невнятный, но грозный гул, который вскоре превратился в пение и распался на миллионы, миллиарды голосов, в сонм которых влился и его слабый крик.

Йован не пел – из его груди будто клещами вырывали какие-то древние слова, которые возникли задолго до того, как человек впервые научился внятно выражать свои мысли. Гортанные изгибистые звуки слагались то ли в плач, то ли в молитву, которая ничего не говорила его человеческой сущности. Но его узнавало тело и, о да, его узнавало нечто далёкое, надёжно укутанное в пелены сознания. Теперь это нечто возликовало и встало во весь рост, а человек повалился на колени.

Страшная пульсация породы, глаз концентрического узора из чёртовых пальцев и раковин, нутряной вой, извергаю-

щийся из его глотки – угасающее сознание было подобно канатоходцу – вот-вот сорвется во тьму. Крещендо голосов достигло запредельной частоты; вращающийся на стене символ раскололся пополам, и земля разверзлась. Йован всплеснул руками, тщетно пытаясь найти опору, но повалился в бездну.

Он не падал, а как будто проходил насквозь через земную твердь. Не через породу или геологические слои – через память поколений. Через память самого времени, сквозь фактуру реальности, сплетённую из тонких нитей наших душ и жизней. Сотни, тысячи состояний становились им. Он был лисой. Он был червём. Он был камнем. Он был всеми людьми, кто стал частью этой земли.

Пред Йованом представляли странные существа, которые населяли мир задолго до того, как человек впервые узнал своё имя. Пред ним предстали ужасные многорукие демоны, ушедшие в землю так давно, что от них не осталось даже праха. Он видел нагов. Он видел тех, кто ушёл невозможно давно, и от них остались лишь крупницы сознания. Он видел их, и он был ими.

А потом Йован увидел и почувствовал её – Мать-землю. Увидел не глазами, потому что они вытекли бы от этого зрелища. Почувствовал не сердцем – потому что оно лопнуло бы и превратилось в пыль. Просто он всегда был частицей её, как и все люди, и его любовь к ней, пробудила её любовь. И она решила призвать его. Йован чувствовал, как он распадается на былинки, на атомы, на нечто даже меньшее, чем атомы, и она пьёт его. Принимает его внутрь...

На рассвете покинутое сознанием тело в центре каменного круга зашевелилось. Йован открыл глаза, вздохнул, с трудом поднялся и расправил члены. Потом, придя в себя и отдышавшись, лёг на землю, сильно прижавшись к ней грудью и лицом и раскинув руки. Застыл надолго, а с тем встал и, не оглядываясь, пошёл прочь. Ночь испытаний закончилась.

Желько ПЫРЖУЛЬ

*г. Восточное Сараево, Республика
Сербская, Босния и Герцеговина*

РАЗВЕ УМЕРЕТЬ ТАК ПРОСТО.
И ЛЕГКО.
А БУДТО БЫ Я РОДИЛСЯ ВЧЕРА

Генерал Андриа Бакич подвигается к каменной стене, чтобы лучше опереться. Он сидел на земляном полу в каком-то подвале в Новосибирске, избитый до крови, промерзший до костей, мучимый жаждой. Он ждал казни, когда же следователи, судьи и палачи приведут приговор в исполнение. Ночью, когда его снова избивали подкованными сапогами и кнутом, проклиная его сербскую мать и заставляя его рычать и молить о пощаде, Бакич молился про себя, чтобы смерть наступила как можно скорее. Прямо сейчас. Только чтобы не унижить себя и звание офицера, генерала царской России, чтобы не завывать перед этим большевистским поддонком и не поддаться слабости. Теперь, когда это закончилось, он не спешил умирать. Какая бы она не была, но жизнь прекрасна. И все страдания со временем нам кажутся уже и не такими ужасными. Он погружается в воспоминания... Строгий наставник в Андриевце, там, в Черногории, хлещет молодыми ивовыми прутьями мальчишек, которые вместо того, чтобы учить «Символы веры», пошли на реку Лим руками ловить форель. Потом жандармы короля Милана, там, в Сербии, предупреждающие заговор против короля и обвинившие в этом учеников Третьей Белградской гимназии; унтер-офицеры - садисты в Замосцком 60-м пехотном полку, там, в Европейской России; высокомерные инструкторы в кадетской школе в Одессе и властные непрофессиональные, назначенные в полк офицеры в 8-м Восточно-Сибирском стрелковом полку...

«Вся моя молодость прошла, как ветер. Всегда трепетать перед дураками и каждое утро молиться, чтобы этот день прошел как можно скорее. И так она прошла. И молодость, да и потом... Сорок три

года жизни, как сорок три дня. Как сорок три часа. Если бы во Владивостоке у меня не родился сын Михаил, мне было бы не о чем сожалеть, а если бы не было войн, мне нечего было бы вспомнить. Вошел в одну дверь – и вышел в другую».

Придерживая сломанную правую руку, генерал вздохнул. Сильная боль затуманивает зрение и разрушает клетки мозга. Он снова почувствовал жажду, и захотелось табаку. Но не этого – китайского или монгольского, а того – жгучего герцеговинского. Того, от которого легкие выскакивают. Того, который привезли в русско-японскую войну добровольцы черноморского отряда Йована Липовца.

«...Вот это была война. В открытом поле две армии выстроились напротив друг друга в ожидании знака начать сражение. Перед японской на черном коне самурай в черной броне и в черном мехе. Страшный, как сам дьявол. Самурай вызывает русских на состязание с ним до боя, испытывать удачу рыцаря перед битвой. Как во времена Александра Македонского, Ильи Муромца, Милоша Обилича, Евпатия Коловрата. Среди мощной русской армии выделяется Лексо Саичич из рода Васоевичей. Высокий, стройный, крепкий. У российского полковника Лексо одолжил саблю, а у Липовца – коня, и встал перед самураем. Он казался грешником перед страшным судом. Два воина наклоняются и несутся друг на друга. В первом столкновении самурай рассекает Лексе кожу на лбу, но Васоевич вытирает кровь, заливающую глаза, и во втором столкновении разваливает японца по пояс. Под черной броней. Как яблоко. Самурайская лошадь относит в японский лагерь своего господина, а Лексо Саичич едет за ними, чтобы еще раз поклониться храброму противнику. Мы приветствовали его восторженными криками, я горжусь своим земляком с другого берега Лимы. За ним последовал командир всей японской армии, чтобы он тоже поклониться великому герою. Это были настоящие офицеры. А не то что эти палачи. Алексеев, Деникин, Эверт, Брусилов, Колчак, Непенин, подку-

пленные британцами, предали царя. Своего царя. Нашего православного царя. Батюшку. И великий князь Николай Николаевич предал, и теперь, когда немцы и евреи его обыграли, я слышу, что он представляет себя как старейшина императорской семьи Романовых в изгнании. Дерьмо».

Генерал Андрия Бакич, сплевывая в сторону сукровицу, упирается пятками в земляной пол, прислонившись спиной к каменной стене. Все тело его болело. Ему было холодно. Очень хотелось пить. Но больше всего он скучал по табаку. Казалось, что одна сигарета вернет его к жизни. Китайский тоже можно.

С улицы и из коридора слышался кашель и пьяная брань охранников, а в соседних камерах рычали и ругались захваченные солдаты и офицеры Корпуса Оренбурга. Бакич был их командиром. Не так много осталось от того, что монголы предали и передали большевикам и нечестивым. И поименно он мог перечислить всех, кто был с ним с начала Великой войны. Из 56-го и 55-го Сибирского стрелкового полка, прошедших до Самары, и из другой пехотной дивизии – до Сызранского района. Мало осталось тех, с кем он праздновал свои и их награды и прием в оренбургские казаки и с кем он зализывал раны, проливал кровь и слезы после боев у Гомбина в Польше. Вспомнилось отступление Оренбургской армии, получившее название «Голодный поход», из района боевых действий под Кокчетавом в Сергиополь. И горечь в Синьцзяне, в Китае, где был интернирован.

«Монголы опозорили всех своих предков-воинов, от Чингисхана и до наших дней, но их можно понять. Если бы нас не предали большевики, мы бы стерли их государство с лица земли, устроили бы резню. Венгры и поляки с рождения ненавидят все, что связано с русскими и Россией. Но китайцы, их тысячелетняя культура, понятие чести... Мне гарантировали безопасность и отъезд в третьи страны с десятью тысячами моих солдат из корпуса Оренбурга, если мы пересечем границу Китая

только с легким личным оружием. И когда мы это сделали, они продали нас большевикам. Как последние ростовщики. Мы пробивались с винтовками и пистолетами через линии фронта коммунистов и их засады, через танки, кавалерию и бронированные поезда. Две трети русских, верных покойному императору, остались на поле битвы. Бог будет взимать плату не только с Китая, а и с большевиков.

Дверь подвала с треком открылась, и в камеру ворвались три палача.

- Встань, серб, мать твою!

Один из них ругался на сербском языке с сильным венгерским акцентом. Генерал Андрия Бакич не двигался. От боли он не мог встать. Но даже если бы и мог, он бы этого не сделал. Он знал, что они будут стараться изо всех сил. И они сделали это. Грубо, хорошо следя за тем, чтобы его еще больше унижить, охранники подняли генерала. Он даже не застонал. Он думал о Лексе Саичиче. Он слышал, что тот тоже умер в муках, ему отбили почки, но он молчал.

- Да пусти, я сам.

Неуверенно стоя на ногах, Андрия посмотрел на командира охраны. Тот утвердительно кивнул. Идя между двумя охранниками, за комендантом тюрьмы, генерал Бакич увидел Сибирский рассвет. Череду обских ветров развеяла тьму. Так же, как раньше было на Лиме. Перед тюрьмой, под красными пятиконечными звездами, ждали его трое солдат. Стрелковый взвод. Командир караула доставил генерала к месту казни и предложил ему сигарету.

- Нет, спасибо, я не курю.

Андрия Бакич, серб из Черногории, отрицательно покачал головой в ответ на предложенную повязку на глаза. Левой рукой он взял сломанную правую и перекрестился, соединив три пальца. Печальный, несчастный, забытый в бескрайности Сибири.

Так трудно умирать...

Владимир КОЛАРИЧ

г.Белград, Сербия

ЯМА

Повзрослели мы с папой одновременно, в один и тот же день.

— Папа, давай скорее! — крикнул я ему.

— Да, сейчас, — сказал папа и побежал.

Он тащил на себе тот красный рюкзак.

Нас ждали озера и белые вершины.

Я ликовал: впервые после долгого перерыва мы вышли из города.

— А там на вершинах — это что, сахар?

— спрашивал я; мой папа носит очки и все знает.

— Это красота, — отвечал папа.

— А разве красоту можно достать? — спрашивал я.

— Давай попробуем!

Я понимал, что папа шутит, но подхватил игру. Мой папа умеет иногда так рассказывать, будто загадывает ребусы. Говорит, что это полезно для моей головы. И помогает! Голова у меня никогда не болит. Чудо.

А потом, когда мы двинулись выше, и еще выше, к вершинам, земля стала очень влажной, и в одном месте папа поскользнулся. Тяжелый красный рюкзак перетянул его налево, и папа скатился в какую-то яму, поросшую одними камнями.

— Папа! — крикнул я.

— Все хорошо, — ответил он из ямы.

— А почему тогда стонешь?

— Повредил сустав.

Яма была неглубокой, это я и сказал ему.

— Не могу... Ты должен кого-то позвать.

— Мы здесь одни, папа, никого нет.

— Эти камни такие острые...

— Поэтому они и камни.

— Слушай, у тебя есть мобильный?

— Он у тебя, но наверняка разбился.

— Точно.

— Давай, здесь только мы с тобой, папа. Ты и я.

— Я разбил очки.

— Я тебе помогу.

— Помоги мне.

Я сказал папе, чтобы он стал на рюкзак, а потом ухватился за меня. Я не такой скользкий, как земля, и так он вылезет из ямы.

Рюкзак остался там.

— Да кому он нужен, этот рюкзак! — сказал папа.

Он оперся о мои плечи, и так мы отправились в город.

РАССКАЗ ИЗ НИЧЕГО

Я представил, что мы живем в огромной стране, такой — как Америка. Настолько огромной, что в ней могли бы разместиться все рассказы. Говорю это Дарко, а он говорит, что наш рассказ маленький, он мог бы поместиться везде, даже в одной комнате, или городе с окрестностями, больше ему не нужно.

Но я все равно думаю, это — ни одно и то же. И маленькому рассказу может понадобиться пространство, большее всего мира.

У нас нет высоких гор, а я очень люблю огромные горы, со снежными куполами на вершинах. Как мне написать рассказ о людях, которые восходят на вершины, если в моей земле нет больших гор; все маленькие, и на них любой легко поднимется... Как можно быть смелым там, где нет высоких гор, лесных дебрей, Сахары, бесконечных прерий и рек? Все вокруг маленькое, и я себе кажусь маленьким.

Показал то, что написал, моему папе. Он сказал:

— Ты говоришь как взрослый.

— Только пишу, а говорю, как обычно.

Папа погладил меня по голове.

— Пойдем, что-то купим.

— А что, папа?

— Что-нибудь.

Пошли мы в большой супермаркет, и было там здорово. Видели мы много вещей и девочку, которая выглядела странно.

— Папа, почему эта девочка так выглядит?

— Она больна. Расскажу тебе, когда придем домой.

— Ты из всего-всего можешь сделать рассказ, папа?

— Это легко. Нужно уметь сделать рассказ из ничего.

— Думаешь, это возможно?

— Можно попробовать.

Вчера вечером я кое-что написал. Дам почитать папе. Никогда не был в Америке или на Диком Западе, но написал об этом рассказ. О дружбе одного ковбоя и одного индейца. Там и про коня есть. Может, это рассказ из ничего? И что папа скажет?

ЖИВОЕ

Крот выглядел совсем не так, как кроты, нарисованные в детских книжках. Там и нет так уж много кротов, но если какой найдется, то совсем не похож на этого, который здесь.

— Что будем делать? — спросил Дарко. И подал мне лопату.

— Давай ты, — сказал.

— Не буду.

— Я его вытащил из норы, а это больше половины работы. А ты его убей, это легко.

Я хотел уйти.

— Он злой! — сказал Дарко.

Я разглядывал его.

— Почему?

— Постоянно сидит в своей норе. Никогда не выходит. Ни с кем не дружит. Вот почему.

Мне не хотелось убивать крота, но я подумал, а вдруг я не прав? Что, если он действительно злой? Спрошу маму.

— Мама, разве крот злой?

— Не знаю, сына, спроси папу, вон он в комнате.

Папа сидел и писал. Ему не мешало, что я его прервал. Я объяснил ему, в чем дело, и папа задумался.

— Знаешь, тут вопрос в том, что он делает, когда один. Если, например, пишет, то это не зло. Или если сидит с детьми.

— А если он готовится кого-то съесть?

— Кроты — не хищники.

— Я видел в книге, что они едят редьку.

А она тоже живое существо.

— Так и мы едим живых существ. Что бы еще мы могли есть? Подумай.

— Значит, мы не должны есть.

— Так устроен мир. Пока так, будем есть.

— Значит, крот не злой?

— Решай сам.

Но Дарко его и так, и так прихлопнул. Теперь все равно. Что бы я ни сделал и что бы ни сказал, никакого смысла в этом уже не будет.

Поблагодарил я папу и пошел. С Дарко встретился на площадке.

— Играем в мяч? — спросил он.

— Давай.

— А знаешь еще что?

— Что?

— Мне купили канарейку.

Дома я перелистывал детские книги. Ни одно из нарисованных животных не похоже на настоящего. Это потому что я взрослею, или просто так надо, чтобы не походило? Не знаю. Спрошу папу. А может, и не буду. Кое о чем могу подумать и сам. Решу потом. Книги — это книги, а мир — это мир. Сел писать. Крот, все-таки, не идет у меня из головы.

ПРИЗНАНИЕ

Иногда, когда я склоняюсь над листом, мне кажется, что я исчезну в словах. Слова просто расступятся и поглотят меня. Иногда, когда пишу, я хочу стать ничем. Слова проходят сквозь меня, а я смотрю на них, удивляясь. После подпишу эти слова своим именем и говорю: у меня новый рассказ.

А Дарко, он больше любит экраны. Говорит: «Там — жизнь». Но писание, слова на бумаге — это экран в моей голове. Я думаю, это лучше.

Папа мне сказал:

— Представь что-то.

Потом говорит:

— А сейчас попробуй перенести это на бумагу.

— Не могу, как-то глупо, — ответил я.

— Потому что писание начинается со слов, — сказал папа. — Слово и картинка — это одно и то же. Но сама по себе картинка ничего не значит.

Потом дал мне один лист со своими мыслями о писании.

Я его понюхал и стал читать:

«Иногда, когда я склоняюсь над листом, мне кажется, что я исчезну в словах. Слова просто расступятся и проглотят меня. Иногда, когда пишу, я хочу стать ничем. Слова проходят сквозь меня, а я смотрю на них, удивляясь. После подпишу эти слова своим именем и говорю: у меня новый рассказ».

Понравилось мне то, что я прочитал.

— А можно я возьму это в какой-то свой рассказ? — спросил я.

— Можно, но только если признаешь, что ты не сам это написал.

Вот, признаю. Ощущаю под рукой лист, но это скоро пройдет. Внутри, в моем сердце и голове открываются экраны, бесчисленные и все одновременно.

Папа говорит, что писать — это значит быть одному.

КОВБОИ И ИНДЕЙЦЫ

Сначала я писал про ковбоев и индейцев, как и мой папа.

Папа писал в огромной красной тетради с твердой обложкой. Писал он чернильной ручкой, а на обложке даже нарисовал — плохо, конечно, потому что он всегда плохо рисовал, — голову того индейца, по имени которого назван роман. Роман у него из тридцати страниц, и это было отлично для мальчика, каким тогда был папа...

А я писал в маленьком черном ежедневнике, шариковой ручкой, а потом набирал на компьютере. Я хотел, чтобы это был рассказ, полный приключений, опасностей и дружбы — всего того, что никто не может пережить в настоящей жизни.

Но потом, пока писал, я понял, что ковбои и индейцы теперь совсем не такие, как были раньше. Что-то изменилось — то ли мы, то ли они, я даже не знаю. Не мог я их увидеть достаточно ясно и поэтому не мог и писать.

Дарко советовал мне писать рассказы, как игры в компьютере, но потом он понял, что это не подходит — не может в рассказах быть уровней, не можем мы там сами выбирать земли, героев, не можем сражаться против кого-то или спорить, или

разговаривать.

И тогда он мне сказал: «Пиши о чудовищах, потому что это больше всего похоже на игры. А ты там будешь героем, только возьми себе другое имя, твое какое-то дурацкое».

Вообще, моих приятелей в классе не слишком интересовали рассказы, они больше любили переписываться, посылать друг другу фотографии, играть в общие игры и комментировать, пока каждый сидит у себя дома за компьютером, с планшетом или телефоном. Я тоже так делал. Но я думал, что рассказ может быть над этим всем, это все может быть частью рассказа, и что рассказ может все это как-то связать и объяснить.

Я хотел написать о своей жизни, но у меня ничего значительного не происходило. Это для меня всегда было проблемой — писать сочинение о том, как я провел каникулы. Один раз я написал, как чуть было не утонул в море, пока пробовал нырнуть. И это была правда, только я немного преувеличил — мне тогда лишь вода попала в рот.

В другой раз я писал, как мы с папой на санках едва не влетели под колеса автомобиля. И тут я тоже немного преувеличил, но учительница была не против. Поставила мне «пять», потому что я хорошо написал. Правда, потом сказала: «Не верю я, что и твой папа участвовал в этом».

Это как мне сказала в первом классе, когда нам делали прививки, и я никак не мог стащить с себя водолазку: «До каких пор тебя будет папа одевать?».

Но я не обманывал, папа действительно катался со мной на санках. А водолазку я уже давно надевал сам. Не знаю, почему она так обо мне думала?

Так что я стал писать о своих мыслях и о проблемах, которые возникали, пока я писал и пока пытался придумать какой-то рассказ.

Дарко сказал, что это скучно, а потом, когда прочитал один такой рассказ, — «Это не ты написал, а твой папа».

ПОЭЗИЯ

Людмила ЛИСИЦКАЯ

п. Славяносербск, ЛНР

СЛАВЯНОСЕРБСК

Чтоб причащаться воздухом здоровым
И слышать вновь Донца хрустальный плеск,
Раскинулся под небом васильковым
Зеленокудрый мой Славяносербск.
В лучах заката трогательно-алый
И нежно-золотистый ясным днем
Он в стороне от шумной магистрали
Обрел существование свое.
Здесь каждый кустик оживает летом,
Трава – густые волосы вразброс.
Мой тихий уголок седых рассветов,
Душистых яблонь, вишен, абрикос.
Донецкий край, но нету терриконов.
Славяносербск, ты дорог мне и свят.
Богат своей историей исконной,
Тебя прославил подвигом комбат.
Мой чудный край талантливых умельцев,
Чьи руки созданы для славного труда.
Мне на тебя смотреть – не насмотреться,
Не надышаться вдоволь никогда.
Немало на земле местечек дивных,
Сверкающих жемчужно поутру.
Среди других поселков ювелирных
Славяносербск – в оправе изумруд.

Наталья КОНОШЕВИЧ

п. Славяносербск, ЛНР

СЛАВЯНОСЕРБИЯ

Как мелодия: СЛАВЯНОСЕРБИЯ Я...
Эхом слово родное звучит.
Вот прислушайтесь: слышится пение.
Вдохновением сердце стучит.

Сочиняется музыка летняя,
На весенние, в рифму, слова.
Вновь растёт, как грибы, настрояние,
За которым твой подвиг, комбат!

Чередующимся поколениям
Ты дарила душе красоту.
А сегодня трудом население
Воплощает в реальность мечту:

Вдоль Бахмутки зеленые саженьцы,
Реставрирован наш стадион,
Воскресают забытые праздники –

Льются песни казачьи Донцом...

Третий век вдохновляешь работников,
Урожаем с полей воздаешь.
С высоты твой народ Рука Божия
К совершенству и вере ведет.

Любовь ШАМАРДИНА

г.Антрацит, ЛНР

ОТКУДА ТЫ – СЛАВЯНОСЕРБИЯ?

По бескрайней степи, где Аврора кипит,
Шёл обоз в исполнение всех правил,
Кони шли и волы, скарб нехитрый везли
Граничаров от сербских окраин.

А вокруг – ни души, лишь шумят камыши
У ставков. Встретить хутор хотя бы!
Мало чёрной земли, на буграх – ковыли,
Редко – тёрн, глэд да каменны бабы.

Ночь была холодна, и по-волчьи луна
Пела пришлым: «Чужие, чужие...»
Есть Царицын указ «Заселить в этот раз
Гуляй-поле», где люди не жили.

От Днепра до Донца рыщет вор без конца –
То татары, то турки, ногайцы.
Страшный суд, что творят:

грабят, бьют всех подряд!
Разбегаются люди, как зайцы.

А народы Балкан в свой попали капкан:
Там – католики, там – мусульмане.
Чтобы веру сберечь, быт, славянскую речь,
Шли в Россию – она не обманет.

Так с Балканских высот уходил в ночь народ.
Австро-Венгрия их не жалела,
А Россия ждала, а Россия звала
Защищать то, что дать им хотела.

Роты пришлых гусар –
сербов, венгров, болгар,
Македонцев, волошских скитальцев
Обживали Лугань, Буг, Донец, где ни глянь,
По степям много строили шанцев.

Годы шли, шли века, обрусели слегка,
Защищали, служили, сдружились.
В недра русской земли корни крепко вросли,
И никто им не скажет – чужие.

Что ещё рассказать? Им спасибо б сказать,
Что Россию, как мать, защищали.
И на память для всех город Славяносербск
Там остался. Потомки чтоб знали.

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

г.Луганск, ЛНР

БРАТЬЯ ПО НЕПРИЯТЕЛЮ

В конце марта 2019 года мне довелось побывать с культурным визитом в столице Сербии Белграде. Там состоялась презентация документального фильма сербского журналиста Миодрага Зарковича «Братья по неприятелю. Сербский взгляд на войну в Донбассе». Миодраг снимал этот документальный фильм в Луганске, Донецке, Горловке. Фильм состоит из серии интервью.

«Братья по неприятелю» – на первый взгляд странное название! Но оно имеет под собой серьезные основания.

Естественно, что когда в Донбассе началась война, спровоцированная сторонниками европейских ценностей, сербы не могли не обратить на это внимания. В течение пяти лет, что идет война, в Сербии не угасает интерес к военным событиям. Такие фильмы, как «Братья по неприятелю» особенно ценны тем, что дают голос обычным жителям Донбасса, позволяют услышать и узнать, как воспринимают войну те, кто пережил ее. Так мы с сербами в очередной раз стали братьями.

Классик сербской литературы Милош Црњанский написал о наших краях роман «Переселение» – историко-философскую дилогию о том, как народ стремится сам строить свою судьбу. Духовное и культурное родство с Донбассом Сербия снова подтвердила в текущей войне.

СКОРОСТЬ

Твой Кавасаки — комета.
Несёмся навстречу ветру!
Без шлема.
Как будто бы я бессмертна.
— Держи меня крепко-крепко.
Я обнимаю тебя руками.
Я прижимаюсь к тебе коленями.
Это весна и ракия
Волнуют кровь в моих венах.
Разрывая пространство,
Мчим туда, где нас нет.
Догнать и догнаться.

На красный свет.
Когда же ты жмёшь на тормоз,
Мое сердце пропускает один удар.
Дальше поедem порознь.
Прощай, Белград.
А может быть лучше: До скорого!
Скорость у нас в крови.
Замолкаете мотор.
— Спасибо, Зоран.
И я размыкаю объятья свои!

ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.

Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.
А правнуки пока что не успели.

И сын сказал: Я ухажу. Прости.
И внук сказал: Я тоже. Отпусти.
И правнуки заметно повзрослели.

И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась, и рвалась.
И брат на брата шёл, а друг на друга.

И стало чёрным молоко в сосцах.
И стала чёрной кровь в людских сердцах,
Как антрацит, наш краснодонский уголь.

Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит чёрный жёрнов.

Мы стали чёрным хлебом на войне,
А были... были золотые зёрна.

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

1
Северный ветер.
Посёлок «Спартак».
Самое время
Для артатак.
Ночь стала алой,
Такой же, как снег,
И бродит по терминалам
Смерть.
2
Северный ветер.
Месяц январь.
Самое время

Не умирать.
Самое время
Для новых побед,
Но бродит по терминалам
Смерть.

3

Северный ветер.
Аэропорт.
Смерть
Забирает души на борт.
Здесь новоросский
Полощется флаг,
И папироской
затягивается комбат.

4

Северный ветер.
ТТ и калаш.
Крестик нательный
И «Отче наш».
Лёжа на взлётке,
К небу лицом
Мёртвые
Киборги
Похожи на наших бойцов.

ЛЮБОВЬ НЕ ТРЕБУЕТ

Любовь не требует взаимности,
И не гадают: что же будет?
Вот я иду по полю минному
И рву ромашки с незабудками,
А месяц тонкий, тронь – порежешься,
Глаза решимости полны.
Есть только шаг один до вечности,
До тихой легкокрылой нежности,
До бьющей в сердце откровенности,
До истинной душевной верности.
И нет ни страха, ни вины.

ОН ПОМНИТ БОЙ...

Он помнит бой. Земля вздымалась.
Душа рвалась, но оставалась
В разбитом теле чуть держась
На тонкой ниточке аорты.
Совсем девчонка медсестра
Была хоть хрупкой, но упорной.
– Дыши. Старайся. Выдох-вдох!
Ну, потерпи ещё, родимый!
Земля уходит из-под ног
Нас накрывают разрывными...

Она тянула на себе,
И донесла до медсанбата,
Наперекор войне, судьбе
Живым доставила солдата,
Подставив слабое плечо,
Исполненная женской силы.

Казалось, что сама Россия
Тогда вступилась за него.

В ЗИМНЕМ СНЕ

В снежных шапках терриконы,
В белых ризах тополя,
Как тиха и как спокойна
В зимнем сне моя земля!

Мягким светом отливают
Золотые купола,
На молитву заывают
Всех мирян колокола.

Но божественное явно,
Осязаемо, смотри,
Как незыблемая данность,
Непреложность красоты,

Как огонь, что сердце греет,
Заставляя трепетать,
Как желание поверить,
Что не страшно умирать!

СИЛЬНЕЕ СОЛНЦА

Заплачут вдовы чернобровы,
Заплачут матери навзрыд:
Сынам их наши терриконы
Явили огненный язык.

Лишь солнце спряталось за конус
И проступил их тёмный лик
Наш постиндустриальный космос
Из гулкой пустоты возник.

Встал на руинах девяностых,
Из тьмы фабричных базилик
И новый воплотился логос
В звук позывных.

Вот ополченец в полный рост
Встаёт и достаёт до звёзд,
Он как Апостол Новоросский
Средь грёз и гроз.

И вечный дух противоборства
Сияет в нём сильнее солнца.

НАШ ЛАНДШАФТ

В густом тумане сонная долина.
Смурные хаты вгрузили в чернозём.
Почти не различима надпись: мины.
И козам нипочём.

Куда мы едем? Ведь ни зги не видно.
Куда бредём мы вечно наугад?
Давно осталась в прошлом Украина,
Но все ещё не виден Святоград.

На этом историческом разломе
Опять в огне войны Донецкий краж
И бабы скифские как древние мадонны
Взирают снисходительно на нас.

У КРАЯ

Какие сны? Какие снятся сны
Тебе, мой город, медленно и верно
Сползающий в распахнутую бездну войны?
Здесь на границе мира и инферно
Мы все обречены.

А может быть нам нечего терять
И потому мы искренне беспечны?
Здесь сразу за крылечком — вечность,
Но точки зрения ее нам не понять.

А может быть, мы стражи этих мест?
И чтобы не росла воронка ада
Как часовые мы застыли здесь?
А может быть, мы вечные номады?

Скитальцы, воины, мы сыновья степей,
Апологеты ветра и раздолья.
Всегда в пути. И этот путь к себе.
И потому нигде нам нет покоя.

ТУМАН

Мы ехали зимою сквозь туман.
И все, что попадало в поле взора,
Являлось белым. Иней покрывал
Деревья, фонари. Дорога
Виднелась чуть и радио шипело.
И белый шум сливался с шумом крови
В моих висках.
Как будто кто-то светлый наверху
Решил поставить на перезагрузку
Весь этот мир.
И вместе с ним меня.
И в этот миг
Мне вспомнилась война.
И резкий стук земли

О крышку гроба,
Разбитый дом,
Звук арналета,
А после наступила тишина...
Порхающие радужки стрекоз.
Улыбка мамина и первый крик ребёнка,
Ещё глаза твои, когда в них я,
Одетая как Ева, отражаюсь.
Не выцветшая фотопленка
Памяти, а снова пережитые мгновенья.
Мы вынырнули из тумана.
Мир обретал звучание и краски.

СОЛДАТ ВЕСНЫ

Казалось мне, из всех тягучих зим
Зима прошедшая — больней и бесконечней,
Но вот черемуха цветением своим
Меня накрыла. Щебет с речью
Я перепутала. Болтаю ерунду
И отдаленный отзвук канонады
Мне не помеха. В солнечном саду
Прими, весна, меня в свои солдаты!
Я буду защищать тебя всегда
И если нужно, до последней капли крови
За то, что так черемуха светла,
Так беззащитна, и полна любовью.

Светлана ТИШКИНА

г.Луганск, ЛНР

* * *

Православные сербские братья!
Вы у русской сестры — в объятьях
Навсегда. Навсегда. Навсегда
Наши сёла, леса, города
Побратимы с единой судьбою —
Быть готовыми к новому бою,
Умирать на руках у Творца,
Выживать и стоять до конца
За святое, святое, святое,
За Отечество нам дорогое...
С вами духом наш русский Донбасс,
Враг стреляет в нас, как и в вас,
Зачищает славянское братство —
Продолжается гоп-святотатство.
Ополченцы священной земли
В неё Богом единым вросли.
Сербским братьям желаем победы!
Пусть покинут их Родину беды.
Есть в истории веры Донбасса
Сербский след — память русо-славянства.

Анна РЕВЯКИНА

г.Донецк, ДНР

* * *

У меня есть брошь из Белграда.
Я броши рада.
И она мне рада.
Мама охает: «Пятьдесят ойро,
вот оно тебе надо?
Собираешь безделки со всей земли!
Купить бы лучше риса и гречки,
а не брошь, оставшуюся после
мёртвой девочки».

Мама, она живая,
в ней чернота воды Дуная
и бомбёжка Белграда,
в ней человек с мишенью над головой:
«Стреляй в меня!»
Брошь — серебро и оникс.
Бомбёжка Белграда — забытый комикс,
словно и не было ничего.
Но посмотришь в чёрную брошь,
как зеркало,
и увидишь серба,
который её когда-то купил для дочери,
но не успел подарить.
Война — это то, что никогда
не может быть кончено
для живых.

* * *

Здесь так тихо, что слышно часы и вены,
как в замочной скважине ключ говорит:
Пожалуйста!
Когда мой отец после крайней
тяжёлой смены
не целует меня с порога, но и не жалуется
на кромешную тьму подземелий и пыль,
что въелась
в его пальцы, лицо, одежду и даже в голос.
Это смелость, любовь моя, просто
мужская смелость,
неразменная и не разменянная. Наш полюс
на краю земли — просто кряж,
что горюч и чёрен.
Чёрно-белые зимы, как старые киноленты.
Этот край свободен, и он в тех,
кто его достоин,
он впитался навечно в тело твоё пигментом,

когда в самую малую щель проникали недра
нашей страшной земли, — изрытой

да истощённой.

Здесь так тихо, что истошно пьются суеверный
и дрожащей рукою крестишься ты, крещённый.
В эту землю вложили душу, подняли в гору,
эту землю явили миру, как символ ада,
и на ней построили пыльный суровый город.
В этом городе редко случаются звездопады,
чаще ливни, и ливни эти

с большим пристрастьем
всё ведут допросы — кто праведен,
кто виновен.

Этот город меня ощущает своею частью,
и я счастлива быть его городским бетоном,
мостовой и стеной разрушенной,
речкой в камне.

Моё сердце здесь — расхристанное, живое,
оно стало памятью у подножия памятника
неизвестному, но отчаянному Герою.

* * *

Наши степи гуманитарные,
наши улицы вне закона.
Выходи, поиграем в Нарнию,
выходи, поиграем в зону.
Потанцуем, пройдемся под руку,
сумасшедшие — божевильные.
Нам и врозь не бывает холодно,
в руках у нас связь мобильная.
Март — разлапистый, разухабистый,
раздражённый и разрежённый.
Мне с тобой бы бродить до старости
в нашем марте вооружённом.
Мне с тобою играть бы в крестики,
нет, не в крестики, лучше — в нолики.
Мне бы малость твоей чудесности,
мне бы крайность твоей риторики.
Наши степи никем не признанны,
наши улицы артобстреляны.
Нас дурачат из телевизора:
то мы разные, то мы целые,
то мы чёрные, то мы белые.

* * *

Не просто город, а мегаполис,
кипучий улей, металл по пояс,
сплошные спуски и переходы.
Привет, прохожий, я из народа.
Какие флаги, какие лица,
двуглавы птицы твоей столицы,

двулики люди моих окраин,
налево — Авель, направо — Каин.
Раскрой объятия, подуи на веки,
мы все железные дровосеки,
нам всем бы масла — спасти суставы.
Столица, птицы твои двуглавы,
а эти звёзды подобны солнцу,
и этот парень, что на червонце,
лежит безмолвно почти столетье
в костюме, туфельках и жилете.
И караульный такой же сонный
зеваает в руку — смешно и скромно.
И Кремль красный, кирпичный, ржавый —
остов истории и державы —
кольцует город кремлёвским кругом,
кольцом, надетым на перст супруга.
Здесь всё воздвигнуто и воспето —
сезоны, линии, сны, предметы.
И даже пальчики чужеземки,
что робко держат жетон подземки.

* * *

Прямая речь, как рейс Ростов — Москва,
застрянет горлом чёрная треска
на Краснопресненской в каком-то кабаке...
Свежи меня по замершей реке
пить красное усталое вино,
смотреть, как в омут, в жёлтое окно,
ходить по белым мраморным полам,
по минным заколдованным полям.
Ходить на кожаном коротком поводке,
держи меня в ежовом кулаке,
в грудном кармане или за щекой,
как рыбий жир, как символ запятой,
которой места в тексте не нашлось.
Держи меня — как шар земной — за ось,
держи — как мать Ахилла — за пята
на кружевном заснеженном мосту.
Держи меня, держи, не отпускай,
мой брат, мой мальчик, мой красивый Кай
из края абсолютного нуля.
Держи меня, как держат журавля.

РЕКВИЕМ

Как уходят герои? Молча.
Растеряв все рефлексy волчьи.
Вместо слёз для них — море горечи,

вместо роз для них — залп тройной
холостыми, и серый в штатском
что-то скажет нам о солдатской,
о судьбе двух народов братских,
пофлиртует с седой вдовой.
А над кладбищем, там, где дымка,
реют ангелы-невидимки,
их не видно на фотоснимках,
но ты слышишь шуршанье крыл.
Это ветер в густых берёзах
прячет наши с тобою слёзы.
Наша жизнь — череда наркозов
да пролитых на лист чернил.
Развяжи мои губы словом,
я парю над изрытым полем,
я привык, что тобою болен,
я привык уже умирать.
Я лечу, и мне светят звёзды,
и рябины алеют гроздья,
и вся жизнь теперь то, что поздно,
то, что вряд ли воротишь вспять.

* * *

Сама не знаю, как я их пишу,
как будто и дышу, и не дышу.
И буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
предать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.
Но точно можно обозначить время,
суровость быта, свист в печной трубе.
Прошу, мой свет, ни слова о войне,
ни слова про завышенную цену,
которую приходится платить,
нанизывая бусины на нить.
Ни слова про поджилки и юродство,
про вечное безденежье в плену,
про то, как пустошь, топи, целину,
сверяясь по картинкам садоводства,
я еженощно превращаю в книги,
не применяя тяпки и мотыги.
Одни лишь пальцы, стёртые к утру,
и если я когда-нибудь умру,
во что не получается поверить,
ты помни, что мои стихи, как двери,
в замочной скважине которых — круг Луны
и облака донецкие видны.

Александр СИГИДА

г. Молодогвардейск-Атамановка, ЛНР

СОН ПРИ СОЛНЦЕ

Целый месяц снится серп
и осиновая лестница;
я сейчас боснийский серб
под османским полумесяцем.

Я решительный и злой,
(чтобы ничего не думали),
я сегодня сам не свой
и не кланяюсь под пулями.

Прошибает пот седьмой,
несмотря на ветер с Севера.
Я сердитый и седой,
чувствую себя уверенно.

Забываю о добре.
Беды чувствую брюшиною.
...чтобы есть на серебре
и командовать дружиною...

ИЗ ЦИКЛА «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

КО ДНЮ ПОБЕДЫ — 2014 ГОД

Разве этого ждали? — Если б знать наперёд...
В телевизоре — Жданов — танки давят народ.

Получили по полной от незваных гостей;
Разрываются волны от шальных новостей.

Там поднялись шахтёры — баррикады растут;
Депутатство актёры почитают за труд.

*

Где тут храбрость и смелость
древнерусских былин?
Неожиданно? — спелись Вашингтон и Берлин.

Всё тревожнее ночи. Как там Вася Старун?
«Укры сепаров мочат — за упу и оун».

Неспроста на Советской разгорелись костры —
Встал народ не по-детски и возвёл блокпосты.

АВГУСТ 2014 ГОД

Наглotalся отравы — зеленеет и рвёт;
Выгорают тут травы и маячит народ.

Прибирая пожитки — всё,
что плохо лежит —
Кто-то терпит убытки, кто-то в страхе бежит.

Получая подсказку — путеводную нить —
Так вгоняются в краску,
что с золой не отмыть

*

Одолели заботы —
что ты можешь в глуши? —
Выполняя работы по спасенью души.

Там написана повесть и правдивый рассказ;
Тут — забытая совесть и разбитый Донбасс.

Раскрывают объятья, чтоб кому-то помочь?
Выручали собраты — пообщались и прочь...

11 АВГУСТА 2014 ГОД

В понедельник утром бахнуло
Где-то около пяти
Сразу порохом запахло и
Ни проехать, ни пройти

Завалить хотели тёплыми —
Кто-то видел сладкий сон;
Тротуар усыпан стёклами —
Яркий выдался сезон.

Мы с друзьями закадычными
Уходили в гаражи...
Ко всему теперь привычные,
Дружно строим блиндажи.

НЕОБХОДИМОЕ СОКРАЩЕНИЕ

Одной глиной мазаны и соломой крыты.
Курени и мазанки — по любому квиты.

Отцвела черемуха... кто делил на касты
Мальвы и подсолнухи, амарант и астры?

Сам собой заранее прямо у порога
Вырос — на заклятие? — куст чертополоха.

*

Словарей рисованных нету в мире горнем;
Всех несогласованных вырывали с корнем...

По какому случаю годные веками
Буйные и гордые будут будяками?

Вызвали эрозию заросли щирицы?
Борщевик с амброзией любят единицы.

*

Лопухи с ромашками есть у каждой стёжки;
Чем не угодили вам васильки-волошки?

~ 66 ~

Начинаем прощаться: —

К октябрю приберусь...

Тяжело возвращаться в допотопную Русь.

*

По военной привычке накопился у нас —

мыло, сахар, соль, спички... —

весь нехитрый запас.

Знали, сколько убудет, и зажали доход?

Незнакомые люди изменились за год —

Всем, что было, делились и молились за всех...

Власти мягко стелили, обещая успех.

*

«Набирать под завязку?» —

«Да куда мне, родной?»

В долгожданную сказку возвращаться одной.

Отнесём к пережиткам недостаток добра;

Разложила пожитки и умылась с утра.

Выходи на дорогу, никуда не спеша;

Собирается к Богу неземная душа.

СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ

От войны с разрухой мысли набекрень;

Повторяют слухи все, кому не лень.

От тревожных звуков боже упаси...

За детей и внуков — «иже... небеси...»

Вот уже три года кругом голова;

Надо для подхода подобрать слова.

*

Все хотели мира для своих внучат?

Взбунтовалась лира — пушки не молчат!

Отгрохочут войны и наступит срок...

Нас втянули в бойню — вот и весь урок.

Чьи земля и небо? — это не вопрос;

Молоком и хлебом стал для нас овёс.

*

Нам назло угрозе каяться в грехах?

Есть ответы в прозе? — Истина в стихах!

Всякие делишки оставляют след;

Издаются книжки — значит, есть просвет!

Гонят в катакомбы — сушим сухари;

Наши книги — бомбы! — *и не говори...*

14 мая 2016 год.

ЖАЛОБЫ

Здоровых, сильных, умных и грамотных —

на фронт;

В тылу оставим шумных —

исправим генофонд.

Есть разница большая — о том, что говорят...

А бабы всё рожают, а хаты всё горят.

Судьба забрала смелых за воду, газ и хлеб...

Используют умелых для внутренних потреб.

*

От спада производства отвлечь рабочий класс;

По воле руководства вина падёт на нас.

Виновен будет автор — устои сотрясал...

Зачем закрыли шахты? — об этом и писал.

Подсчитывал измены в госдепе ихнем сэр;

Шатаются дольмены времён СССР.

29 декабря 2017 года.

ЭПОХА ОПОЛЧЕНИЯ

Вечное Ополчение благословляет Бог;

Время для обучения взяли у жизни в долг.

Встали не ради прибыли доктор,

студент, горняк...

И добровольцы прибыли,

чтоб не гнать порожняк.

Платят известной мерою за неземной порыв;

Мечь укреплялась верою —

жгли, уходя в отрыв...

ПЕРИОД ПЕРЕМИРИЯ

Где же слова научные? — сам у себя спросил;

А погибали лучшие — сколько хватало сил...

До болтовни охочие бесятся до сих пор;

Ясные многоточия — выстрелами в упор...

Выделят поручителя в самом конце пути;

Стоит искать учителя, чтобы конец найти?

Наталия МАВРОДИ

г.Луганск, ЛНР

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СЕРБОВ

В августе-сентябре 1754 года военные переселенцы православного вероисповедания, принявшие российское подданство и присягу, в составе двух конных гусарских полков (с семьями) под командованием Райко Депрерадовича и Ивана Шевича были на поселение на отведенные им земли между реками Бахмутом и Луганью.

Задумчиво Дикое поле,
Играют ветра ковылём...
Эх, волюшка, вольная воля –
Один раз на свете живём!

Клубится туман над рекою,
Крадётся среди камышей...
До места подать уж рукою,
Но кто же нас гонит взащей?

Что ждёт за далёким курганом?
Куда приведёт нить судьбы?
Проклятья лихим басурманам
Шлют оси гружёной арбы.

Овраги, холмы, перелески –
Балканы давно позади –
Зато ненавистные фески
Не встретить – сто миль хоть пройди.

И хоть не понятен рассудку –
Для серба унылый пейзаж...
И сердце стучит не на шутку,
И в мыслях – сплошной ералаш,

Но всё же без ропота примем
Суровый подарок небес.
И знамя свободы поднимем –
Да сгинет времён чёрных бес.

Отмерим достойную меру,
С Россией навеки пойдём –
За правду, за волю, за веру
Не дрогнем и не подведём.

Когда-то здесь будут селенья,
Здесь будут поля и сады –
Известно балканцев уменье,
Их предков великих – труды.

А нынче мятежные души –
Вповалку и старый, и млад.
Но сон их уже не нарушит
Коварных османов отряд.

А утром, лишь солнце забрезжит,
Работа вскипит во всю прыть.
Всё будет потом... только прежде –
Землянки к зиме нужно рыть.

* * *

И не отнять, и не добавить
К тому, что прожито уже,
А горизонт, как прежде манит
И снова жизнь на вираже.

Бегу за призраком в погоне,
Что новый мне виток несет?
Поднимет ввысь иль в вечном гоне,
Он незамеченным пройдет?

Скорей всего и то, и это –
Обычной жизни чехарда,
Все вперемешку: зимы, лета,
Любовь и боль – все как всегда.

ЭХО УШЕДШЕГО ДНЯ

Эхо ушедшего дня
В тихой бессонности ночи,
Дымом былого огня –
Несколько замерших строчек.

Месяц – кривой ятаган –
В воинстве звёздном томится,
Мыслей шальных ураган
Снова терзает страницы.

Ах, как же ночь хороша!
Что ж не найти мне покоя? –
Но... замирает душа,
Чуду вселенскому вторя.

Сколько же мудрости в нём,
В этом бездонном молчаньи! –
Суетных дел окоём
Блекнет пред вечностной тайной.

СРЕДЬ СУЕТЫ БЕГУЩИХ ДНЕЙ

Уйти в заоблачные дали,
Средь суеты бегущих дней,
И, груз проблем на миг оставив,
Встречать закат в кругу друзей.

И под звучание гитары,
Внимая перебору струн,
Слова, припомнив песен старых,
Грустить о чарах прежних лун.

Вливаясь в общее биенье,
Чужого сердца слушать стук,

И ощутить вдруг единенье
В сияньи глаз, в движеньи рук.

И душу отогрев немного
Теплом беседы и вина,
Продолжить вновь свою дорогу,
Ту, что у каждого одна.

* * *

Вопросов больше, чем ответов
На самом краешке чудес.
Ну что ж, даст Бог, пройдем и это —
Как ни крушит надежды бес.

Когда холодное свеченье,
Что было некогда огнём,
С улыбкой грустной отречения
Уйдёт за дальний окоём —

Всё совершится так, как должно.
И важен будет не ответ,
А чувство лишь: что всё возможно
И что несбыточного нет.

НАСЛАЖДЕНИЕ ЖИЗНЬЮ

Уметь наслаждаться прожитой жизнью — значит, жить дважды. Марциал Марк, римский поэт

Жить с наслаждением, смакуя,
Как пить хорошее вино,
Пьянеть от жизни поцелуя,
Увы, не каждому дано.

А те, кто жизнь лишь пригубивши,
Теряли годы в суете,
Промчались мимо их любивших,
И судьбы, получив не те.

И утешались чем-то малым,
Себя и жизнь свою кляня,
И обреченно, и устало
Страдали на исходе дня:

О том, что все, о чем мечталось
Не повстречалось никогда,
А до конца осталось малость,
И скоро упадет звезда.

А поутру все в той же спешке,
Все в той же вечной суете,
Все те же расставляя вешки,
Терзались тщетно о мечте.

Жить с наслаждением, смакуя,
Как пить хорошее вино,
Пьянеть от жизни поцелуя,
Увы, не каждому дано...

Владимир СКОБЦОВ

г. Донецк, ДНР

* * *

Слагайте былины, пишите картины,
здесь вам не ковыльная степь Украины,
а место на карте, где меж наковален
ковались дончанин и с ним луганчанин.

От солнца до хлеба трудом, как стихами,
здесь сделано небо своими руками.
Залётный туз бубен сбежит измочален,
а он тут и будет, на то и дончанин.

Донецкая степь значит русское поле
и русская слава, и русская воля.
Кому идеален холуй маргинален,
во Львове такие, а он луганчанин.

Для панства и чванства нужна биомасса,
как в сказках для хилых — ни рыба, ни мясо,
а он неудобен, нахален, отчаян,
а он изначален, а он луганчанин.

Кто выстрелит первым, тот ненаказуем,
лишь в сказках Палермо конец предсказуем,
а он ненормален, иррационален,
на то и дончанин, на то луганчанин.

Кто в каждом кошмаре боится России,
чьей крови отпили, чьей плоти вкусили,
Как тонко заметил один галичанин:
— Нам Гитлер милее, страшнее дончанин!

* * *

В Печерской лавре дремлет змий,
Донбасс не им крещён,
звучит по-русски «Не убий!»,
но русский запрещён.

Вдали остались речка Стрый
и Киевский вокзал,
и хлопчику казаль: «Вбий!» —
он брал и убивал.

Когда ресницы поднял Вий,
и бог его Тарас
из-под земли канючил: «Вбий!» —
он убивал как раз.
И был блокпост москальский в рай,
и кровь текла в реке,
и он просил: «Не убивай!» —
на русском языке.

* * *

У преисподней тени нет и света,
Из преисподней злые голоса.
Шахтёр, зажав зубами сигарету,
Стоит, где был, и держит небеса.

Пред Богом чист душою и исподним,
По воле, по судьбе ли, по вине,
Идёт огнём крещение Господне
В асфальтовой донецкой полынье.

Трещит земной оси истёртый ворот,
К Всевышнему дончанам по пути,
Здесь, на земной оси, стоит мой город,
Земле с орбиты не даёт сойти.

Венозны тучи предрассветной ранью,
Сбил кто-то пепел ветром от крыла,
И над аэропорта иорданью
Белеет голубем БПЛА*.

ВОЛХВЫ

В ту пору, когда напрасное
становится всё яснее,
где в сумрак уходит спазмами,
что держит ещё за шею,

когда над тем, что отмерено -
смеяться, но плакать легче,
когда всё то, что потеряно
вернут небеса под вечер

звездой над белыми крышами,
где окон чернеют пятна,
где свет, как на волю вышедший,
не ищет дорогу обратно,

что было, то в Лету кануло,
следы заметут метели,
когда старики и ангелы
склонятся у колыбели

с надеждой на милосердие
во веки веков отныне,
распятие и бессмертие
приносят в одной корзине.

ВЕСНА 2020

Весна придёт, как первый гром,
как вечный фарс в начале мая,
мы будто бы её не ждём,
она как будто бы не знает.

Настанет время улетать,
как птицы соберёмся в стаю
и проще этого не знать,
и делать вид, что мы не знаем.

Беда гуляет за окном,
здесь в тексте с точкой запятой,
мы будто бы её не ждём,
она как будто бы не знает.

Проходит жизнь косым дождём,
весенней дымкой в небе тает,
мы осени своей не ждём,
она прекрасно это знает.

Наш город будут убивать
скорей всего в начале мая,
вам трудно этого не знать,
нам – делать вид, что мы не знаем.

Я ВЕРНУСЬ

Для нас отрезанный ломоть,
кто жизнью не запачкал слово,
не приведёт уже Господь
на этот круг вернуться снова.

Так я устал от палачей
Твоих, что Ты понять лишь можешь,
из нескончаемых ночей
возьми меня под утро, Боже!

С Тобой был честен и с собой,
и нож не прятал на пирушке,
и что подарено судьбой,
не ел тайком из-под подушки.

Дай я из чаши пригублю
и дай мне перед этим слово:
увидев тех, кого люблю,
в Россию возвратиться снова.

* Беспилотный летательный аппарат

Игорь ЛЫСЫЙ

г.Донецк, ДНР

ПИШУ О ВОЙНЕ

Пишу о войне строки,
Ведь век мой, увы, недолог,
Чтоб этой войны пороки,
Не спрятал обмана полог,

Чтоб внуки и правнуки свято
Несли моей правды знамя,
О том, что нас жгли, как вату,
Бросая из полымя в пламя.

Чтоб смерти знакомых и близких
Не стали забытым фактом,
И чтобы карателям иски
Расстрельным закончились актом.

Мы сами себе прикажем
Дожить до конца событий,
Чтоб правда была на страже
Того, что войною скрыто.

И значимой станет память,
Фантомными станут боли,
Но будет до смерти ранить
Сознание изломанной доли.

Травой зарастут окопы,
Осколки сожрёт время,
Но я протопчу тропы,
Неся военное бремя.

ЗАКАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

Мы меряем историю собой,
А время истончает жизни нить.
И родина пытается нас войной,
Но верим мы, нам жить ещё да жить.

И ночь сменилась ярким тёплым днём,
И птицы продолжают песни петь.
Да! Мы детей рожаем под огнём,
Не думая, что можем умереть.

Мы смело по судьбе своей идём,
Историю новейшую творим,
Быть может, мы когда-нибудь умрём,
Но Русский Мир в обиду не дадим.

А родина пытается нас войной,
Но мы, сплетая наши судьбы в нить,
Живём сейчас с распахнутой душой,
И верим, что победе нашей быть!

МОЙ ГОРОД

Этот город, по меркам истории, молод.
Он раздроблен районами фабрик и шахт,
Вскормлен он нашей кровью,
но чувствует голод
Этот город, где песней звучит даже мат.

Этот город прощать ничего не намерен,
Коль обидел его, то ответишь за всё.
Он подросток и так же в любви неумерен
Этот город, что может быть
преданным псом.

Этот город в наколках от угольной пыли,
Что под кожей храним мы до судного дня.
Он не сказка, но чёрт побери, ярче были
Этот город, что принял и любит меня.

Этот город ещё вызывающе молод,
Не скупясь, дарит всем он букеты из роз.
Пусть бездарной войны
наковальня и молот
Подтвердят наш характер
и статусный рост!

ЛОДКА

Истерзанный ветрами парус
На утлой лодке, руль в руке.
Куда судьбой я вновь направлюсь
По быстрой жизненной реке?

Саднит израненное тело
Под крики чайки, мачты стон...
Пусть правлю робко, неумело,
Но пред судьбой не бью поклон.

Хоть скрыта цель моя туманом
И счастье тонет вдалеке,
Но вопреки трудам, обманам,
Я всё же движусь по реке.

По ней ни поздно и ни рано
Я доплыву к большой воде,
А там — свобода и нирвана —
Уже рукой подать к мечте.

Владислав РУСАНОВ

г.Донецк, ДНР

ТРИ ЦВЕТА ДОНБАССА

Чёрным золотом славен Донбасс —
работяга, не мот, не транжира.
Не словами, а делом, не раз
доказал — нет здесь места кумирам.

Над Донбассом разлита лазурь,
небеса отражаются в море.
Всё он видел — и штиль, и грозу.
Всё изведаль — и радость, и горе.

И в суровые будни свои,
в эти дни, что окрашены алым,
будто Спас он стоит на крови,
но вовек не предаст идеалов.

В камне выбей, в веках запиши:
трудолюбие, честь и отвага —
это грани донбасской души,
это краски донецкого стяга.

* * *

Мы — дети Дикого Поля,
разбойничьей, злой удачи.
Мы малочувствительны к боли,
мы редко и скрытно плачем.

Несли нас пегие кони,
земля под копытом горела,
умели пустою ладонью
отбить печенежьи стрелы.

Теперь наши степи — пашни,
нарыты в них шахты-норы,
натыканы телебашни,
куда ни поедешь — город.

Теперь мы не головы рубим,
а рубим горячий камень.
Дымятся заводов трубы,
гремят и кузни, и станы.

Но войны степным пожаром
в начале нового века
пылают заревом ржавым,
и льются из крови реки.

Ни выкрики конной лавы,
ни поступь цепи пехотной...
Здесь делят виновных и правых,
на русских идёт охота.

Здесь снова до смерти спорят
селяне и рудокопы,
до пресного, мелкого моря
тянутся нитки окопов.

Попробуй пустою ладонью
отбить осколок снаряда.
И скачут пегие кони,
и степь, словно простынь, смята...

Попробуй не чуют боли,
попробуй не видеть горя
в пределах Дикого Поля
у малосоляного моря.

* * *

Год за два на войне, год за два.
Наливается болью трава
и скорбят без коры дерева,
и уже не звенит тетива.
Год за два на войне, год за два...

Год за три на войне, год за три.
Если сердце без фальши внутри,
поднимайся, иди и смотри,
и дорогу другим протори.
Год за три на войне, год за три...

Год за пять на войне, год за пять
Ты уже разучился мечтать,
ты уже разучился летать
и бредёшь через гиблую гать.
Год за пять на войне, год за пять...

Год за семь на войне, год за семь.
В бесконечном больном колесе,
из которого выйдут не все
по полыни в кровавой росе.
Год за семь на войне, год за семь...

ПОГРЕБЕНИЕ ЯРЛА

Конец — это только начало.
На досках смола-живица.
А воин уйдёт в Вальхаллу,
неважно, когда он родился.

В каком бы не вырос веке —
в шестом или двадцать первом,
какие бы только реки
не стали его купелью.

Эйнхериев круг не тесен,
всегда в нём найдётся место

для тех, кто отважен и честен,
из нужного слеплен теста.

Ударит ли в горло срезень,
вопьётся в сердце осколок,
достанет у скальдов песен,
в них будет мало мирского.

В них будут белые башни,
в них будет разбитая «промка».
Кому-то там будет страшно,
кому-то — излишне громко.

Там волны в погоне шалой
уносят горящий дреки,
То воин плывёт в Вальхаллу
тропою далёких предков.

КРЕСТООБРАЗНОСТЬ

Слушая стай вороньих галдёж,
дышит земля по-осеннему праздно.
Однажды и ты на неё падёшь,
руки раскинув крестообразно.

Правды в лицо, возможно, ты ждёшь,
но уповаешь на честность напрасно.
Не пуля в лоб — под лопатку нож
тебя разложат крестообразно.

Плох ты кому-то или хорош —
вряд ли оценит кто беспристрастно.
Правды не будет, а чёрная ложь
бросит в забвенье крестообразно.

* * *

Мы обязательно умрём,
но мало кто в своей постели.
Под стук дождя и вой метели,
в сырой палатке, ближе к трём.

Мы так погрязли во грехе,
что не надеемся на кущи.
И свет, святой и вездесущий,
не нам завещан во стихе.

Мы так беспечно любим жизнь,
что не привыкли с ней считаться.
Ногой босою в ритме танца
ломаем острые ножи.

Мы обязательно уснём
в густом лесу и в чистом поле,
на воле или же в неволе.
Мир без границ. Мы — гости в нём.

ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ

Сны! Это звёздная пыль,
Это горькая быль,
Воплощённая в сны.

Высь! Отблеск павшей звезды
Озаряет следы
Нашей Русской Весны.

Пыль... Доживём до весны.
На цветы, на ковыль
Ляжет звёздная пыль.

Быль! Догорают костры
Безнадёжной игры
Необъятной страны.

Рысь! Мчатся кони мечты,
Оттеняя черты
Нашей Русской Весны.

Пыль... Доживём до весны.
На цветы, на ковыль
Ляжет звёздная пыль.

* * *

Не осуждай ни виновных, ни правых.
Ты – не мальчишка, тебе пятьдесят.
Освободи из-под стражи Варавву,
а остальные пускай повисят.

Воспоминания премиум-класса
год високосный в нагрузку принёс.
Аутодафе ожидает Клааса,
на остальных не оформлен донос.

Совесь вонзает клыки многократно,
память по кругу и мысли вдогон...
Варят цикуту для чаши Сократа,
для остальных припасён самогон.

Чёрное, белое или оттенки
выбрать так сложно, а время не ждёт.
Кто не согласен, становится к стенке,
а остальные идут под ружьё.

Людмила ГОНТАРЕВА

г.Краснодон, ЛНР

* * *

Когда закончится война,
я упаду ничком на землю.
Пусть зарыдают в проводах
ветра – я больше не приемлю

испуга в солнечных глазах
бинтованных крест-накрест окон.
Теперь пусть радуется гроза
оранжевым разрядом тока.

Пускай тяжелые идут
машины по вечерней трассе.
Мы забываем про войну –
их гул не страшен, не опасен...

Мы забываем о войне,
мы забываем, забываем...
о жесткой танковой броне,
о беженцах в июне-мае,

о развороченных телах
на площади кровавом блюде,
и о безжалостных словах
должны забыть... но не забудем.

* * *

Мы живем над обрывом,
В паутине войны.
Искалечены взрывом –
Ни дорог, ни страны.
Поезда к нам не ходят,
Самолётам – запрет.
Правда, аэропортов
В городах больше нет.
Лишь бумажные крылья
В царстве вечных дождей,
А самой эскадрильи
Не найти, хоть убей.
Нету чувства полета
И вообще нету чувств.
Пусто место пилота.
Взгляд бесцелен и пуст.
Мы давно полутени
В оболочке людей:
В кровеносной системе –
Гул толпы площадей.
Ничего не решаем,
Ничего не решим
Мы на глобусе-шаре,

Что казался большим.
В перевёрнутом мире
Мира нет, мира нет...
Лишь награды в турнирах
Чьих-то славных побед.

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы – живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той и этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы:
от минометного огня,
стрельбы и ненасытных «градов»,
мы сами не спасем себя...

.....
Спасибо, Господи, мы живы...

* * *

Мы войну объявим только завтра
на рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
и моя записка на комод.

Добровольцем ухажу – смотрите –
в регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
я спасаю раненое счастье,

извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
так туга повязка – струны режет.

Приручив дыханье тёплых пальцев,
ощущаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.

После взрыва – гулкое затишье,
крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,
и закат багровым соком вышит.

Пусть зима забьёт крест-накрест ставни,
осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставлю
для тебя записку на комод.

* * *

Сегодня длинный ровный дождь —
Степям во благо.
Прохожий улицей идет
С зонтом, как с флагом.
Вниз не торопится вода:
У туч — одышка.
И даже снайпер не спешит
Работать с вышки.
Затихли птицы и коты.
Молчит природа.
Июль дождинками бомбит
Нас с небосвода.
Уж скоро радуга весь свет
В цвета раскрасит.
И, кажется: войны здесь нет
и дождь — прекрасен!

* * *

Подворотня слепая, как выстрел, —
оседаю бескрыло в снег:
меня из мгновения выстриг
безжалостный стрелок бег.

Теряю воздух руками,
простуда в моей крови.
Уже расплескалось зная
небес над лицом земли.

Уже недоступны крыши:
на лезвие забытья
я падаю медленной тишью,
над пеплом воды летя.

Но океаном звуков
взрежу угрюмость туч,
чтоб украшением луга
вызрел пшеничный луч,

чтобы забиться птицей
в глобуса пёстрой груди
(пусть не дано проститься
с теми, кто впереди),

чтоб превратить в осколки
серого быта объём,
где вечер на вечной полке
ютится с квадратным днём.

...Но падаю призрачной датой
на лезвие забытья,
и безымянность солдата
заключает в объятья меня.

* * *

Боже, раскрой над домом моим
синий зонт небосвода
и слезы смахни с окон-глаз
радуги полотенцем.
Тот материк, где я есмь, открыто
встречает восходы
и провожает беспечно составы
со станции детства.

А писем не стоит ждать:
листочками листопада
кружится моя печаль, чтобы
заполнить сцену.
Есть вечера светлый час, когда
ничего не надо.
Над миром царит покой —
тих, одинок, бесценен...

До Вечности только миг.
Качаются занавески.
Негромкий огонь свечи
ещё вдыхает мой голос.
И беспокоит лишь взгляд
мальчика с древней фрески,
что под прессом времён
морщинами раскололась.

* * *

Припорошило землю суетой.
В кармане Вечности тревожный холод.
В зрачках столетий заплутал покой,
на афоризмы мир людей расколот.

Бессмысленны и мудрость и тоска,
что с неба градом-листопадом льется.
Останется ли время для броска,
Чтобы спасти наш мир от миротворцев?

г. Видное, Московская область, РФ

От Велесовой книги – лист истёрт:
Боков коровьих бархатный пергамент
И держит сердце сна короткий корд,
И вьётся, обволакивает знамя
Лик знаменосца – хлещет бахромой,
Алея на ветру, играя с ветром.
На том сто крат запроклятом юру,
Что брали столько раз мы пред рассветом...
И день такой – немыслимой строкой
Застыл на бархатном листе старинной книги.
Где с непокоем рядышком – покой,
И с крыльями венчаются вериги,
Где Слово – как проклятье, как беды
Звучанье страсотерпное молитвы,
И как глоток той сказочной воды
Живой ли, мёртвой – будет после битвы
Яснее нам... Кому какой глоток
Достанется из чаши общей нашей.
Какой глоток – такой вот и итог,
А будет день – так будут щи да каша,
И солнечное вытает жнивье
Сквозь дрогнувшие поутру ресницы,
И сердце корд отпустит: не моё...
Лишь только снится, это только снится...

Над окровавленной толпой
Орали исступлённо птицы,
И солнца ярая зеница
В них палилась. И визг и вой
Стояли тучей вместо пыли
Там, где неправда вместо были
Укрыла воющих собой.

Под воем город погребён,
Им, как подушкою удушен.
Тот, что вчера был сыт и скушен,
Сегодня завывает он...

И дребезжание окон
Тем звукам увлечённо вторит,
Как будто что-то тараторит,
Прервав свой многолетний сон.

Тем, кто ещё способен быть.
Не там, в толпе визжащим телом,

А упоённо и умело
Меж Сциллой и Харибдой плыть,
Подняв раздумий паруса,
И верой уши затыкая,
Маршрут меж кровью пролагая
И тем, что шепчут небеса...

А ты никогда не думал, что будет тогда,
Когда мы едиными станем – как едина вода,
Как воздух един, как один
 межпланетный эфир.
Каким станет мир?
Каким станешь ты, стану я,
 станет каждый из нас,
Когда прозвучит из эфира призыв ли, приказ?
И каждый поднимет глаза от земли – в небеса.
Какими они тогда станут – наши глаза?

Плеснёт синевою небес в них,
 космическим мраком плеснёт,
 И будет в зрачках отражаться прорыв
 и полёт –
 Полёт из земного, зелёного – в яростный свет.
 Который не меркнет, живёт в
 сердцевинах планет,
 Который манит наши взгляды ночами сейчас,
 Тот свет, что проник на сетчатку
 Гагаринских глаз –
 Лишён кисеи атмосферы, открыт, обнажён,
 Доступен пока пионерам, полезшим
 туда на рожон –
 Наверх, ближе к свету, из мягких
 объятий Земли.

Ты сможешь – ты видишь, они
не сробели, смогли.
Мы станем другими, – какими
нельзя предсказать.
И может, изменится имя, и будут иными глаза,
И может нам вспомнится что-то,
откроется дверь,
Покажутся чушью заботы, что гложут теперь,
И мир распахнётся, и вздрогнет,
и глянут на нас со звезды
Все вечные мы – те,
вчерашние я
или ты...

Николай ЕРЁМИН

г.Санкт-Петербург, РФ

НОВИ САД

1

Отель «Воеводина»,
Синий витраж.
Из цоколя входим мы
На первый этаж.

В заказанном номере
Всё — благодать.
Отправились по миру
Мы гостевать.

Визит наш поспешен —
Такая пора.
Звонят от ресепшн —
На выход пора.

Улыбкою Зивлак
Встречает гостей
И звоном бутылок
В Успенском посте —

Обедом накормит,
Приветит в кафе...
Мы вышли по форме
(Но не в галифе).

Вечерней прогулкой
Закончился день
И рифмами гулко
Звонящих идей.

Нас принял Белград,
Попутчикам рад.
Встречай, Нови Сад,
Поэзопарад!

На улицах сербских —
Покой и любовь.
Дань привкусов терпких —
Вино, словно кровь.

Какая услада —
Проспектом гулять!
Дни Нового Сада
Пасхальным под стать!

* * *

Здесь улицы память
О бомбах хранят.
Заранее занят
Стратегами ад.

Тот мост над Дунаем
Был бомбой разбит.
Здесь память рыдает,
Здесь время молчит.

А раньше — фашисты
Топили людей...
Всё так же речисты
Глупец и злодей.

Покатые своды
Чешуйчатых крыш...
Умнеют народы —
Над Дунавом тишь.

* * *

В сербском храме Вознесенья
Я поставил две свечи —
За здоровье и спасенье
Пальцы воском намочил.

Не в свечах, конечно, дело,
А в сердечной чистоте —
Но перед иконой белой
Я поставил свечи те.

Хороши в старинном храме
Голубые витражи.
Порадеть должны мы сами
О спасении души.

2

Утренний дождь в Нови Саде —
Чисто умыта панель.
В зал выхожу при параде,
Видя конечную цель.

Утром — тарелка с омлетом,
С кофе холодным стакан...
Нас пригласил к себе летом
Выступить Зивлак Йован.

Я отложу переводы,
Снова возьмусь за стихи —
Ведь к перемене погоды
Вещие музы глухи.

* * *

Не просто корыто —
Служебный корабль,
Отсюда открыта
Дунайская даль.

За пресс-конференцией
Все собрались.
Поэзоконвенцией
Разродились:

Конвенция эта
Предельно проста —
Не должно поэта
Держать за уста.

Здесь Янек Пасецкий
И Реес Мирьям —
Народ всё простецкий,
Из вражеских стран.

Но дружба поэтов
Не знает преград.
Приветливым летом
К нам был Нови Сад.

Французско-немецкий
Здесь выдался сплав.
Ерёмин с Апрельской —
Российский состав.

* * *

Здесь поэтов много,
В основном — испанцы,
Также есть француженка,
Есть один поляк...
Не судите строго
Суетные стансы,
Чтобы мой натруженный
Голос не иссяк.

Ведь поэт без голоса —
Вредное растение,
Злое насекомое,
Овощ неземной.
На рубашке полосы,
На носках плетение —
Всё мое, знакомое,
Всё мое — со мной.

Надо посерьезнее
И пообстоятельней
Тему взять великую,
Да и написать...
Хочется морознее
И необязательней
Вновь в Россию милую
Быстро убежать.

Ведь поэты разные,
Точно дети малые —
Правда, все курящие,
Или в основном...
Речи их — бессвязные,
Вздохи их — усталые,
О любви молящие
В космосе пустом.

Скоро, тем не менее,
Фестиваль закончится,
И певцы отправятся
Тихо по домам.
Лоска наведение
Проведет уборщица.
О! Не обесславиться
Я желаю вам!

* * *

В Новом Саде гуляют прохожие,
Так на русских чудесно похожие.
Я не выбрал другую из вер бы
Потому, что прохожие — сербы.

Сербы молятся — точно по-русски,
Любят русские к пиву закуски,
И по-русски смеются и плачут,
И по-русски поют и судачат.

Потому, что большая Россия
Много разных народов вместила.
Неужели Россия без Сербии
Проберется сквозь времени тернии?

Нет, положен конец разделению —
Очень любим мы малую Сербию,
И похвальное то постоянство —
Нераздельностью крепнет славянство.

* * *

Здесь русский игумен
Средь парка стоит.
Молитвен и думен
Игумена вид.

С игуменом рядом —
Фонтан небольшой.
Расслабимся взглядом,
Отмякнем душой...

На лавку присяду,
Водички попью,
С игуменом рядом
В саду постою.

О, Сергей всехвальный —
России привет!
Ослябя — Наталья,
А я — Пересвет.

* * *

Женский образ угловатый
В проходном застыл дворе.
Эти сербские пенаты —
Ход в загадочной игре.

Здесь кирпичные ступени
И перила из трубы.
Новисадский кружит гений
Над проулками судьбы.

Дело даже не в валюте —
Эта опция проста...
Чашка кофе в «Абсолюте»
Всё поставит на места.

* * *

В кафе «Абсолют»
Собирается люд.
Стихи здесь читают
И песни поют.

Внимания просит
Аврелия Ласк.
Ей стульчик выносят
По росту как раз.

Все слушают тихо
Аврелию Ласк.
Французский язык не
Понятен для нас.

Держу на колене
Гитару свою,
И перед Успеньем
Я песню пою:

ПАМЯТИ ДЕДА

*Ничем по жизни не особенный,
Простой комроты РККА,
Мой дед погиб в бою под Жлобином,
Идеже брань была крепка.*

*Не дожил он до дня победного,
Сложивши голову за Русь...
Могила деда мне неведома,
Но я всегда о нем молюсь.*

*Молюсь словами немудреными:
«Господь, во свете упокой
Николу-воина, Ерёмину,
В краях с молочной рекой».*

*Война не кончилась с победой,
Доныне стонет отчий край.
Пусть так, но имя носит дедово
Другой Ерёмин Николай.*

* * *

С балкона пою я
Вечерней порой,
Как дед мой, воюя,
Погиб, как герой.

И слушают сербы,
Испанцы, поляк
Поющее сердце
С толпою зевак.

Мы после сменили
На время кафе,
А где-то вклеили
Отметку в графе.

* * *

Читают поэты творенья
С балкона кафе «Абсолют».
Порою здесь слышится пенье.
О чем же поэты поют?

Поют про царя Николая,
Что смотрит с балкона на нас.
Вот сербка прошла пожилая,
Здесь бывшая, видно, не раз.

Читают поэты творенья
И песни с балкона поют.
И щедро дает вдохновенье
Поэтам кафе «Абсолют».

* * *

Я смотрю на картину —
Голубые цветы.
В роковую годину
Будешь в Сербии ты.

И тебя сербиянка
Крестом осенит.
Завершится гулянка —
Станешь ты знаменит.

Не забудь же за славой
Под молитвенный звон,
Что Российской державой
Был в поэты крещен,

Что заветная чаша
Не минует тебя,
И что Родина наша
Ждет поэта, любя.

Ты вернешься в Россию,
Полон сербских вестей,
Молодой и красивый,
Весь из мышц и костей.

И на эту картину
Поглядишь, не дыша —
И в благу ю годину
Возликует душа.

* * *

Открытие — поэты
Читают стихи,
Нарядно одеты
И в слове лихи.

Испанка, французенка,
Немка потом.
Расслабиться нужно
Хорошим вином.

Поэты читают, читают —
Язык непонятен чужой.
Колбаски пивком запивают...
А, впрочем, не буду ханжой.

Бутылочку водки из сливы
Куплю, хоть я к ней не привык.
Быть может, от этого дива
Понятнее станет язык?

* * *

Смущаясь не сильно,
Я выпил вина.
Читает Россия —
Прекрасна она!

Потом мы опять
Завернули в кафе,
Чтоб полночь распать
На накрытом столе.

Милена сказала,
Что всё хорошо,

А я после зала
Добавил еще...

* * *

Небольшой кабачок новисадский —
Пиво, кофе, бутылка вина...
Только бродит здесь дух не кабацкий,
И поэзия явно видна.

В лунном свете Дунай серебрится.
За Дунай Петровардин ушел...
Мне здесь нравится Богу молиться.
Да и Зивлака книгу прочел.

3

Успенье в Нови Саде
Встречаю в первый раз.
Мария — Божья Матерь
Благословляет нас.

Устав от непогоды,
День солнечен и тих,
Уносит прочь невзгоды
И дарит чистый стих.

Над сербскою землею
Архангельская песнь,
И этою порою
Поймешь, что счастье есть.

* * *

Успение. Едем
Скорей в монастырь.
Вчерашней победе
Подарим псалтирь.

Обитель святая
На Фрушкской горе.
Дорога витая —
Асфальт в серебре.

* * *

Очертания нерезки —
Храм Никольский на горе.
Здесь царят на стенах фрески,
Привлекая взор горе.

В государствах перемены,
Но живет святой уклад.
Ново-Хоповские стены
Память русскую хранят.

* * *

Святая обитель!
Блаженный покой.
На стенах здесь виден
Налет вековой.

Старинные фрески,
Церковный уклад —
Молиться по-сербски
Я с сербами рад.

* * *

Паникадило в старом храме
Висит под куполом цветным.
Хочу и я светить стихами.
А слава? Слава — это дым.

* * *

В лавке храма — ракия.
Отвергаю враки я —
За друзей и недругов
Господу молюсь.
Дорогая Сербия!
Точно здесь на небе я,
Но пора спуститься мне
На святую Русь.

* * *

На каменном дворике —
Мраморный крест
Духовной опорой
Божьих невест.

Игуменья русской
Могила в чести.
Нам было негрустно
У Бога гостить.

*ПРЕПОДОБНОЙ
ЕКАТЕРИНЕ ЕФИМОВСКОЙ*

*Слава Тебе, Господи, Пресвятая Троице,
За поездку дивную в Хопов монастырь!
Русская игуменья в Сербии покоится,
А душою чистою молится за мир.*

*Годы не осилили стены Фрушкогорские.
Память об игуменье — мрамор во дворе.
Чудятся паломникам отсветы Фаворские,
Гревшие апостолов на Святой горе.*

*Помолись о странниках, добрая игуменья,
Помолись о страждущих, о моей душе.
По словам апостола, во Христе безумен я,
Благодатью Божией исцелен уже.*

* * *

Потом пообедать
С конями пришлось.
Для мирной беседы
Здесь время нашлось.

На добрые морды
Смотрю лошадей,
А к ночи — аккорды
Разбудят людей.

* * *

Облегчают смирение труда
Кока-кола, кефир и вода.
Три бутылки стоят на столе,
Помогая держаться в седле.

Я сперва Кока-колы налью,
Колу биокефиром запью
И разбавлю всё это водой —
Мне не страшен полуденный зной.

* * *

Гуляем с Миленой,
Пройдя на Дунай.
Пою вдохновенно
Я «Царь Николай».

А после на вечер
Осели в «Избе».
За чудные встречи
Спасибо судьбе!

Я спел «Государя»
И «Остров» потом,
Играл на гитаре
В подъеме крутом.

ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ

*Вижу дивный дворец —
ослепляет блистанье
Золоченых перил на высоком крыльце.
А с балкона Россию зовет к покаянью
Государь-страстотерпец в небесном венце.*

*На могучих плечах широка багряница,
Держат сильные руки державу и крест.
Рядом отрок-царевич, и императрица,
И созвездие юных Христовых невест.*

*Слышен царственный глас:
«Пробудитесь, народы!
Покаяньем омойте содеянный грех!
Наступают последние, тяжкие годы,*

*Но у Господа милости хватит на всех!»
Государь Николай! Мы к тебе припадаем,
Освятит нас сияньем честного венца!
На последнем Суде, между адом и раем,
Верноподданных чад не оставь до конца!*

ОСТРОВ

*Знойный ветер Ливийской пустыни
Треплет чётки в смуглой руке.
Я не ждал от тебя благостыни,
Дивный остров в морском далеке.*

*Осоляется греческой солью
Горсть черешен и парочка смокв.
Распрощаться с земною юдолью
И остаться здесь, если бы мог!*

*Если б мог, я остался б у моря,
И ловил себе крабов и рыб
И, прибою полночному вторя,
Пел бы песни для каменных глыб.*

*И отшельник из каменной кельи
Мне б подал кипарисовый крест,
И спустилось на душу б веселье
Благодатью нехоуженых мест.*

* * *

Читал с переводом
Немало стихов.
Был встречен народом
Я шквалом хлопков.

Хорош был концерт
В Новисадском кафе,
Как сладкий десерт
В шоколадном суфле...

* * *

В кафе «Изба» казак надрался
И начал громко говорить.
Я многократно убеждался,
Как вредно много водки пить.

И в этом злачном заведенье
Он голосил про КГБ.
Я кофе пил пред выступленьем,
Для нас назначенном в «Избе».

И, подошедши даме к ручке,
Он ей сказал: «Я сам казак!»
Тот серб был пьян до самой ручки,
И это был недобрый знак.

По окончании выступленья
Пришлось немедленно уйти...
Казак был пьян до исступленья —
Его я встретил на пути.

4

Вьются над проспектом флаги в Нови Саде,
Ублажают зренье яркие цвета.
Выйду из отеля я прогулки ради
К берегу Дуная, где светла вода.

Я пойду, гуляя, берегом Дуная.
Крепость над рекою старая стоит.
Жизнь давала мало, много предлагая,
А вода питает всех, хотя молчит.

Увлечусь обзором в крепости старинной,
Посмотрю на город, на Дунай, мосты.
А назад вернувшись, я стихок былинный
Вставлю потихоньку в чистые листы.

Напишу про сербов, про бомбежки НАТО,
Про зеленый дворик, Хопов монастырь.
Мне от этой жизни ничего не надо —
Правда бы Дунаем растекалась вширь.

Древнего Дуная тихо плещут воды,
Развевает флаги легкий ветерок.
Обретут свободу умные народы —
Обо всем напишем, дайте только срок.

* * *

Расскажу я вам, ребята,
Как бомбило сербов НАТО.
Говорило НАТО: «Надо!»
Гибли жители Белграда.

С сербов ничего не взять —
Удалилось НАТО вспять.
Хорошо, что удалилось.
Знать, Россия помолилась.

* * *

Здесь волны струит
Седовласый Дунай.
Здесь крепость стоит,
Защищая тот край.
Неровны ступени,
И выбит кирпич.
Зеленых растений
Рассыпана дичь.
Стою над горою,

Смотрю на Дунай.
Я летней порою
Попал в этот край.
Прекрасная Сербия!
Чудо-страна!
Полна благолепия
Летом она.

* * *

Хорошо, что блокнот исписался,
Но еще не исписана жизнь.
Я бы здесь на подольше остался.
Полирую летучую мысль.

Эта мысль не дает мне покоя.
Заставляя всечасно творить:
«Ах, Отечество ты дорогое!
Тяжело в тебе грешному жить!»

* * *

Давно я чаю не пил —
Всё кофе да вода.
Дунай восторгом пенил
Приехавших сюда.

Ах, дайте, дайте чаю —
Легла на сердце тень.
По Родине скучаю
В последний летний день.

* * *

И Бачка Паланка,
И Митровица
Желают таланта
Поэзолица.

С радушием приняли
Те города
Гостей из России
И прочих тогда.

Там в библиотеках
Собрался народ —
Добро в человеках
Победу берет.

Ведь учит поэзия
Только добру —
Гитару поэтому
В руки беру.

* * *

Гуляя в Сремской Митровице,

Мне не случалось материться.
Мы с дамой были очень близки
И говорили по-английски.
Я пригласил ее в кафе,
Она же мне сказала: «Фе!»

Театр — позорище по-сербски.
Позора я наелся всласть.
Нагой глядел за занавески,
Боясь на улицу упасть.

Я жил там в номере отдельном,
И позволял себе кураж.
Припомню в Питере метельном,
И до сих пор впадаю в раж.

5

Мы снова в дороге,
Уложен багаж,
Последние строки
Строчит карандаш.

Везет на машине
Нас друг Светозар.
Здесь залы большие —
Аэровокзал.

На борт принимает
Гостей «Бомбардье».
Бетон уплывает.
Прощайте! Адье!

* * *

Сказать о Сербии нельзя.
Молчать тем паче невозможно.
О, Новисадские друзья!
Меня вы не поймите ложно.

Есть две славянские сестры —
Россия с Сербскою державой,
И там, и здесь стоят кресты,
И там, и здесь — орел двуглавый.

Церковным звучным языком
Сильно славянское единство.
Дунайским веет ветерком
От Будапешта и до Минска.

P. S.

Статью писать мне поручили,
А, может, лучше не писать?
Недаром орден получили
Те, кто всегда любил молчать.

г.Пожег, Белград, Сербия

МОЕМУ ОТЦУ И ФОРЕЛИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Я был мальчиком — семи или восьми лет,
Когда впервые увидел большущую форель,
Пойманную моим отцом. Он ловил на мушку
на какой-то быстрой, горной речке,
журчащей всегда разными голосами.
Я протянул ручку к форели, думая,
 что она уже сдалась,
но эта бестия вдруг стала так дёргаться
и извиваться,
словно её коснулась мысль о скоротечности...
Её острые плавники чуть не порезали меня;
несколько минут спустя, когда она уже
 почти замерла
от жаркого, вялого воздуха,
я мог разглядеть её изящное тело:
яркие, пёстрые, влажные пятнышки,
 выпуклые глаза,
мелкую чешую; она все ещё задышалась
и клочкотала в своём господском отчаянии,
не разрешая жизненному дыханию
 покинуть её;
вот тогда я заметил два крупных крючка,
вросших в её губы — видимо,
она дважды улизнула от смерти;
ты помнишь, отец мой, как я умолял
 отпустить её
и как ты согласился,
она же была такая неподвижная и жалкая,
в её глазах уже не хватало места
 на новый закат;
почему всегда всплывает в памяти
 эта картина —
насмерть испуганная форель?
Почему, отец мой, король всех королей?
Может потому, что твоё лицо в госпитале,
когда ты задыхался и клочкотал
 после третьего инсульта,
так сильно напоминало хмурое лицо форели,
которая (как и твоё сердце) после
 долгого извивания,
наконец успокоилась на крючке,
 зарытом в челюсть,
а потом вдруг ожила,
именно так, как ты ожил в моём сердце,
в этих бездонных словах.

СВЯТОЕ МЕСТО

В этом заколдованном маленьком городке у меня было святое место – уютное прибежище в тёплой голубятне, где безымянные голуби пребывали в пугливом смятении.

В святые сумерки, при таинственном
сливании жидкостей дня и ночи,
под дрожащими ветвями черешни,
закрывавшей пол-городка,
они ворковали правду своей плоти,
будто справляют им только
известный праздник.

Некоторые из них жили в тоске, молча, как старики – например, голубь с голубкой, преданная, призрачная пара, а вот один – воровал зерно, издевался над остальными, даже осмеливался нападать на котов и крыс, мрачных принцев мира сего, некоторые же прикидывались моими друзьями, а некоторых я по праву считал братьями.

Молчаливая грусть, как после
занятия любовью,
охватывала меня, когда приходилось старых
и немощных поднимать по лесенке
в голубятню,
а иногда я обнаруживал там
дохлых голубей.

Как говорится, был и у меня
 свой собственный алтарь
в городе, в котором меня не любили.
Я молился в одиночестве,
 перед этой голубятней,
я молился, сам не зная кому.

ПЕСНЯ О СУПРУЖЕСКИХ ПАРАХ ИЗ ПРОХЛАДНЫХ СЕВЕРНЫХ СТРАН

Пожухлые старики и старухи,
охваченные необратимой осенью,
всё ещё влюблённые супружеские пары.
Из прохладных северных стран, держась
за костлявые руки, осматривают Белград.
Они, без сомнения, честно отработали
свой век, прожили свою жизнь.

Годы пролетели мигом, и всё, что у них
произойдёт в будущем, это сущий подарок.
Они, наверно, богатые, а, может быть,
и верующие. От нечего делать они
с неожиданной гордостью путешествуют
с одного места в другое,
а у меня складывается впечатление, что
на самом деле
они никуда не едут. Озарённые весенним
солнцем,
спешат заснять все
достопримечательности города.
Они видят то, на что смотрят, и смотрят
на то, чего не видят.
Для них нет ничего достаточно
неинтересного,
чтобы не посетить это,
не сфотографировать.
Я представляю себе эти
внутренне спокойные,
ничем не взволнованные,
сморщенные европейские
супружеские пары
перед пирамидой Кеопса и гробницами,
крадущими человека у бренности.
У этих людей, очевидно, есть
чувство меры. Они,
подобно строителям эпохи фараонов,
не начинали строить то,
чего не смогли бы закончить.
Уходя к Калемегдану, они уходят из моего
поля зрения, и я сосредотачиваюсь на
другом белградском зрелище: у фонтана
собрались вечно голодные голуби –
лепечут крыльями и отнимают
друг у друга крошки.
Эти маленькие, пернатые негодяи
не могут знать,
что крошки им оставили влюблённые
супружеские пары
из прохладных северных стран,
продолжающие
жить в моих печальных стихах.
Я написал их
в эти зимние сумерки,
невывавшимся, грустным
и находящемся в не том часовом поясе.

Саша НИШАВИЧ

г.Нови-Сад, Сербия

СЛОВА

С лампой на лбу,
я спускаюсь в шахту к подземной реке,
за кристаллами соли,
золотыми стружками и искрами,
за крылатыми рыбами и
обнаженными телами,
которые время врзает в недра земли,
за заветными и сухими словами,
которые барабанят в моем пульсе,
как трутень на пасеке.

За ядовитыми и сладкими словами.
За Божьими каплями,
которые разделяют и беспокоят мир.

ИСПОВЕДЬ Отцу

Прежде, чем засну и скрестим мы руки,
я греховным горлом
хочу признаться во всем.

Что за горнило бед,
за шапку – два зерна,
я вырубил многие леса.

И кланяюсь до земли,
тонкими березами,
цветущими липами,
и заветным дубом.

Мы выкорчевывали Чемер-поля,
делали хижины и детей с тонкими ногами,
что разбрелись по свету.
Без Бога ничего не бывает.
У леса отняли, лесу и вернули.

КРОТ

То, что мы за день поднимаем,
ты за ночь подрываешь.
Подземная слепая царица,
не опустошай наши поля,
не роняй виноград.

Вмиг ты нам перевернешь слова,
и песню перевернешь,
чтобы читали мы судьбу с ног на голову.
Мы ослепли от ненависти,
и онемели от страха.

Сила земли,
перенеси Солнце в лабиринт
(в могильные бездны души).
Просвети ум омраченный,
согрей замерзшее сердце.
Хоть раз прозреем.

ОКО

От голой улитки до всевидящего ока,
все во мне смотрит и горит.
Я напрасно поворачиваю голову
и прикрываю ладонью глаз ягненка,
что смотрит на меня с тарелки.

Глаз рыбы в глазах матери,
глаз тоски в судьбе заклинивания,
глаз сокола и змеи,
которые непрерывно охотятся.

Живой глаз иконы,
что по сути меня уменьшает.
Сквозь глаз беременной женщины
из румяного живота на меня смотрит
нерожденный ребенок,
вырывает меня из лап смерти
и прячет под ресницами.

ЧЕРЕШНЯ

*Воспоминание о погроме 17 марта
2004 года, в Косове и Метохии.*

По Божьему провидению,
как-то до рассвета,
с веревкой в руке,
я отправился бежать через горящий лес.

Голые ветки цепляли меня,
как когти собаки,
которые загоняли меня на первое дерево,
в петлю, перехватить дыхание.

Внезапно сквозь дымовой занавес
на крутом склоне сознания,
словно как белый ангел,
я увидел яркое видение.

Невесту с цветами,
которая в одиночестве,
в грустной Метохии,
перед горящим домом,
снова цветет.

ЛИПУЧКА

Это не просто колючка,

клещ на коже,
а то, что следует за мной,
как тень.
Было ли это порождением сна
или барабанной перепонкой,
которую издалека двигает
невидимая рука.
Так черная метка,
которую я завязываю шелком,
не исчезнет с наших тел.
Это и волшебный цветок,
и мерцание солнца,
на руке агнеца Божьего.

ЗАБЫТЫЙ МАЛЬЧИК

Из промозглого поезда,
в утренние легкие,
пассажиры льют раздраженность.

На скамейке рядом с платформой,
с хлебом под мышкой,
просыпается забытый мальчик.
Как будто он узнал меня,
улыбается,
поднимает руку и долго,
долго машет.

По дороге на одинокий север,
как свечи в темноте пронизывают туннели
и туманы,
его глаза следят за мной.

ДЕТСКАЯ КРОВАТКА

Рядом с контейнером
сломанная детская кровать.
Кровь на матрасе.
Я начинаю дрожать.

ТЕНИ РОДИТЕЛЕЙ

Высоко в холмах
(Прямо под облаками),
куда уходит душа,
уставшие тела,
путь продолжают,
трава леса и мох,
которые покрывают буквы,
Здесь покоится раб Божий.

Вместо восковой свечи,
из пня скрученная проволока.

Благовония ладана – ароматы василька и
диких роз,
на которые пчела садится,
чтобы отслужить Евангелие.

Листья падают с молодых невест,
берез и осин.
Покрывают тени моих родителей.

ТЕМНОЕ ПЕНИЕ

Как будто они из этого мира,
ваши песни оголенные и тяжелые,
как глина.

Вылезают из скитов Самограда,
холодных пещер,
темного пения.

Выдави из себя все эфирные капли,
сделай лекарство.

Оставь молчание, слезы и Косово.
Здесь давно из тысячи ящиков
радость разливается.

Новый порядок,
грань нового Евангелия.

РЕШЕНИЕ СУДА

Как брошенные ножи,
у двери меня ждут посылки.
Ордер на арест,
неоплаченные счета,
штрафные проценты,
приговоры без права обжалования.

В долговом рабстве,
в отчаяние душа упала.
Как на страшном суде,
холмы грехов растут,
закапывают по горло.

Как сохранять спокойствие,
когда дети плачут.
Когда лысые и с хвостом начинают поиск
и отбирают вещи.
(Может быть, Верховный

что-то и изменит).

Лишь бы страх не охватил меня,
и эта ночь мимо прошла.
Скоро и рассвет.

СОЗРЕВАНИЕ

Мальчиком был,
когда мне отдали приказ заколоть петуха,

сказали – это мужественность.
Только с третьего раза
через бревно
упала еще одна невинная голова
в лапы толстого кота.

Я слышу упрек домашних,
ты никто,
у тебя нет смелости.

Как в игре в прятки,
прыгает безголовый петух.
После многих лет
с улыбкой я получаю секретную медаль.
Первый снайпер.
Золотая рука войны.

РЖАВЧИНА

Ржавчина везде.
От забвения и пыли,
от ударов и волн,
одинаково в каждый момент,
она возрождается и вновь появляется.
Она падает на каждую щеку,
дом и замок,
в каждую душу.
И это суть.
Ржавчина – это ржавчина.
От ржавчины только ржавчина и бывает.

Радоица НЕШОВИЧ

г. Уб, Сербия

* * *

Вопреки твоей гордости злой,
Вопреки твоим шуткам грубым,
Я с тебя снимаю за слоем слой.
Там всё – новое золото. Любо.

Хочешь – совсем тебя оголю?
Хочешь – болью сплошной стану?
Но не надо больше, не надо, молю.
А вдруг – любить перестану?

Есть ли он хотя бы во сне – тот край,
Где мы снова вместе, не то, что здесь?
Ну да ладно. Проехали. Просто знай:
Пора отрешиться от этих дел.
Ты ведь даже не знаешь, что в тебе есть,
А я это – разглядел.

КЕТМАН

Всё, что вчера мы хвалили,
И всё, за что погибали,
На одном костре мы спалили,
А старые флаги сорвали.

Мы сердца на копья нанизывали,
И вóроны их клевали,
А мы, зажмурясь, вылизывали
Всё, на что прежде плевали.

Священный сосуд разбили мы,
Нетленную суть разлили,
На раны соли насыпали,
Свои дома разбомбили
И пеплом себя посыпали.
Видно, сами себе опостытели.

Перевёл Андрей Базилевский

НЕ ТОГО МНЕ ЖАЛЬ

*Человек... краткодневен
и пресыщен печальми.
Иов 14.*

Не жаль мне, знаешь, что «сегодня»,
Настав, тотчас же убегает,
И что «всегда» нас где угодно
С утра весь день подстерегает,
Как будто ищет.
Не жаль, что мир таков вовеки,
Пойми, дружище.
Печалюсь лишь о человеке!

Не жаль того, что моё «нынче»
Уж побывало чьим-то, всё же,
И что могу сказать привычно:
День, что гроша мне не дороже,
Кому-то – вечности милее.
О человеке лишь жалею!

Он – дым и прах, летящий мимо,
Под ветерком – трава сухая.
Жизнь облаком спешит гонимым,
Бежит, внезапно иссякая.
Он, перед смертностью бессильный, –
Лишь имя на плите могильной.

Перевела Екатерина Полянская

Зоран ДЖЕРИЧ

г. Нови-Сад, Сербия

ДВОР, ПРОКЛЯТЫЙ

Двор, проклятый
Был открыт
Я увидел
Как
Демоны
Дьявольские
Экзекуторы
Спешно прорываются через
Косяк.
Избегать
Судьбу Йова
Бой на Косово поле
Лилипутию
Лешанскую нахию
Мазохизм, геноцид...
Я не знаю. Может и могли.
Е.В. Зависть и Зло
Осталось глухим к мольбам и молитвам.
Пауки небо паутиной застелили.
Разделили его на
Свет и
Тьму. Такая их
Прихоть или назначение.
Враги здесь
— вот что!
Охотно спешат
Продавцы кишок
Чтоб схватить
Печенку
Человека.

БАЛТИКА

Дай Бог еще один раз посетить
Сопот на Балтике, чей мол, как
Большая палуба корабля,
на которую слетают
Чайки голуби ласточки
Внизу лебеди — главная аттракция
а вверху продаются
Янтарные бусины, в которых заперты
Эмбрионы личинки насекомые,
чьи смертельные
Жала станут украшением
Золото-желтым зеленовато-серым на руке
Или на шее туристки с

Юга или запада все равно
Колеблюсь, пытаюсь определить
Черту-границу меж пределами мира
Я качаюсь где-то между небом и землей
Магеллан путешественник —
 облако над утесом
Я кидаюсь на недоступные берега
Качая бедрами грудью боками
Я замираю, но не оглядываюсь
Я плыл бы так еще дальше до
Риги а потом в
Санкт-Петербург
В тот самый город, в который влюблены
 русские поэты
Киот пусть и мой будет
В будущем
Финский залив меня манит
Хельсинки Гиперборея
Црнянского но и не только его
Синодик — я зажигаю свечу
 трогаюсь в путь
Водами викинга — до
Швеции и Стокгольма, дай Бог...

ГОРЫ*

Альпы были покрыты
Бескиды — под водой
Велебит проглатила мгла
Вверху над облаками я летел
Динарское нагорье не горит больше
Генуя облита солнцем
Эльба как пуговица на мундире
по-наполеонски
Апеннины желтятся
Зловеще дымятся Везувий и Этна
Над морями над горами летел я
Адриатика как правило синела
Как будто в песне как будто во сне
Я летел не имея крыл
Любезная стюардесса
LOT-a (Polish Airlines)
Могла бы быть моим ангелом
На подносе приносит мне

** Горы — по-сербски горе; вверху—по-сербски горе; гореть — по-сербски горети, все это допускает авторскую игру слов, непереводаемую на русский язык (прим.автора).*

Château Montrabech

От него я впервые напиваюсь
Здесь на облаках это прилично
Потом ем на обед фаршированное мясо
С сухими абрикосами.
Теперь впервые замечаю попутчиков
Туалетом в самолете
я тоже пользуюсь впервые
Молча наблюдаю за проходящими
к туалету
В хвосте самолета и записываю
в свой блокнот:
Французское вино 1999 года
Паломники летели в Ватикан
Царство облаков было моей целью
Монахиня дольше всего
задержалась в туалете
Джентльмен напротив меня читал
статью под заглавием
«Апостол второго мира»
Шов на чулках моей соседки
был безукоризненный
Точно как и ее запястье*, вообще-то.

СВАЛКА

Данило Кишу

Абсурдность всего этого — бесконечна!
Боже, Ты знаешь отчего я подозрителен и не
Вижу красоту нигде, но одно
Уродство, а там где надо
Восхищаться — я в ужасе,
 в разочаровании — все
Свалка: бывшее, настоящее, будущее —
 ничего не
Исключено, существует одновременно
Жертвуя особенностями, склоняясь
 к вневременности
Зарождая безвременность. Боже, прости!
Сгнило, съедено ржой и червями — тот
Ягненок, то яблоко, те ясли; тот еретик на
Кресте не Иоанн, а Йов, хулитель.
Лаять он будет, пока язык не откусит.
Сердитый, он не различает пение от крика
Кошки, жертву от пострадавшего,
 грех от страха.

* Статья — по-сербски чланак, так же как и замястье (прим.автора).

Прогони его, прошу, Господи, вниз,
Для него под небом места нету,
Для обесчещенных — Огненная Земля, О.С.,
Пейоративность, памфлет,
но не псалом и палимпсест.
Зачем же я родился, работал над
Собой, над бумагами, на земле,
если я сгнию,
Подобно обычному цветку, плоду или зверю?
Кувшин, не держащий воду.
Брошенный в угол.
Кровавая прокладка, непромокаемая. Вошь.
Ферментированное пятно. Флюор.
Гемоглобин, геморроид.
Целлулоид. Червь.
Чем мне заменить прежде
чем я исчезну в
Сумбуре отброшенных вещей,
Ненужных и неважных?

ЛЕЧЕБНЫЕ ГЯЗИ

Лежал я в грязи, горячей и вонючей,
в ванной Короля Петра Первого
в курорте Баня – Ковиляча, и смотрел
на высокий
свод, пока запах душил меня, обливала
теплота, рассуждал о его
величестве, о его лечебном
свойстве и всякой всячине — должно,
тут что-то есть, иначе, не без причины
в этой грязи лежала бы семья
королевская, а теперь это наша грязь
— народная, демократическая,
профсоюзная,
во всяком случае, никто туда не ложится
без необходимости, страданий, боли;
милосердная грязь,
благородная грязь, а не та метафизическая
и метафоричная, но настоящая грязь
по горло, в которой мы чувствуем себя,
если не хорошо,
то лучше, во всяком случае, сегодня
лучше чем вчера, а завтра — еще лучше.

*Перевод с сербского
Александра Колчанова
и Мелина Панаотовича*

Бранислав ЗУБОВИЧ

г. Нови-Сад, Сербия

ХЛЕБ

Мы готовили из пепла
Хлеб.
Замешивали его слюной,
Заливали водой,
В которой отражалась луна.
Мы добавляли уголья из орехов
И порошок какой-то лечебной травы,
Переливали юрьевской росой
И снова добавляли
Одну каплю воска,
Чтобы душа лучше легла
В яму посередине.
Такой хлеб,
Испеченный на Солнце,
Мы не ели,
Но зашивали в пояс,
сотканный из соли
И в глухой час ночи
Бросали собакам.
Как говорится –
Лечили ужас.
Не зная, что только
Дым
Стал
Нашей жизнью.

ЛИПА

Хочешь ли ты и мою душу принять,
Когда ты расцветёшь у могилы?
Там, где проживают филин и мышь
И тёмная ель в глухую пору.

Хотя бы в этом пустом поле еще раз,
Пока панихиду ветер крестит,
Тайком тронь меня в тьме ледяной,
Чтобы воскресили меня Всевышние
пальцы.

ЛЕТО

Пора, чтоб снова
Ты высунулась из озера
Крылом горячего пара
И нетронутого пера.

И тихонько ты подкрадёшься через
Белые ткани души,
Пока длится лето
Из наших чувств.

ЖАЖДА

Мои не дрожат более руки,
Когда беру чашку кофе,
Поднося ее к губам.
Отражаюсь в черноте кофе,
Пока свет испаряется,
Как выпущенная стрела,
Противостоит лишь сущность языка,
Которая режет слова на две части.
Я чувствую жар на нёбе,
Что звенит в глотке
Между скрежетом зубов,
Опасаясь,
Что не погашу жажду.
А морощинистое горло все более
Становится глубоким колодцем,
В который душа опустит
Последнюю каплю
Невинной росы.

Валентина ЧИЗМАР

г.Нови Сад, Сербия

* * *

Крупицы невинности
Через Тебя я познала
Невинность.
Существование, скрывающееся
от вещества, утопающего
в видимом доказательстве,
далеко от неопытного глаза.
Я узнаю Тебя.

Я отражаюсь в чистоте,
открываемой Тобою,
вопреки вине, за которую обвиняют Тебя,
и которая окаймляет
края истины, замыкает в круг то, что
только на первый взгляд
казалось Настоящим,
и чертит линии, ведущие
к вечно бесконечной пустоте.

В Тебе – простодушность голубей,
Ты ведь думаешь о важности
крупниц для выживания;
В тебе – быстрота почтовых голубей.

Твои крупницы и твои письма.
Белые письма, стирающие на бумаге
темные пятна, сделанные
неграмотными из-за Праведливости,
без ведома измеряемости
и отделенности истины от ее уродов.

Крупицы – это знаки совместной жизни,
которыми Ты отмечаешь путь,
в надежде на то,
что человек однажды вернется
из Суда той дорогой,
с которой сошел в минуту
равнодушия, заблуждения или восторга
и незаметно пошел не туда.

Я питаюсь этими крупницами и храню их
вместе с другими драгоценностями,
чтобы некоторое время спустя
раздать их тем, кто потерялся.

КОСОВСКИЕ ПИОНЫ

(Подарок потомкам)

Долина пионов далеко,
но их гордость и достоинство
рубиновых лепестков
никто не может стереть,
а также заслуги царей,
преданность Орловича Павла
никто не может уменьшить красоту пионов,
окружающую
стены сербского Иерусалима.
Долина пионов далеко,
но она, как судьба,
записана в уголке моих генов.
Их лепестки укрывают дорогу в равнине,
От них исходит запах ладана
с полей дреновицких и Высоких Дечан,
с роскошных лугов и покинутых долин.
Но один росток пиона
становится подарком

для женщины-потомка,
вместо всех благ и земного наследия,
он произрастает в виде красных кустов
среди кольца садов,
чтобы каждой весной заново
посвятить меня в тайну моих предков.

Перевод на русский Милены Алексич

Данило ЙОКАНОВИЧ

г.Белград, Сербия

ВИНО И ЧЕРНИЛА

Года расточились, рассыпались в прах,
что ночью бессонной скрипит на зубах.
И вовсе ни то, что мы сутками пили,
сходили с ума и с ума же сводили,
ни это сгубило нас и сломило,
а то, что мешали вино и чернила.

МОИ ПРЕДКИ

У Скадара, у Дримца-реки
жили предки мои, старики...
В этом месте был с давних пор
молодого Душана двор.
Хоть мои, скорее всего,
были конюхами у него,
но и в том немало заслуг —
просто быть из царёвых слуг.

КОСОВО И МЕТОХИЯ

Что берёг в душе от вышних,
то огонь уже повыжег,
пламенем — по рукам,
вспышками — по устам.
За слёзы о чьём-то сыне
за погрязшие святыни,
за птицу, сбитую влёт,
душа к отмщенью зовёт.
Крест, меч и речь мою —
Косову отдаю.
В Метохии — сны мои.
С подъязычным ядом змеи
пойду в монастырь Дечаны —
оставить старые раны,
и силой памяти призван,
вернусь к тебе, древний Призрен:
разрушенные, в чаду,
Архангелы* обойду.

ГРАЧАНИЦА

Как тебя из слов построить, Грачаница,
чтобы умилиться, а не отчаяться?
Чтобы никогда не терять из виду
со стены глядящую Симониду.
Чтобы подсобили святые сербские

унести тебя в своём сердце,
и чтоб любой из нас, где ни погляди,
по одной Грачанице нёс в груди.

ПОВТОРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ

Здравствуй, Россия! Вот, после стольких лет,
видишь меня, обошедшего целый свет,
долго плутовавшего, ждавшего одного...
Но не волнует явление моё — никого.
Я представлял: увидит теперь любой,
как моё сердце светится над Москвой.
Думал, ступлю из вагона средь бела дня —
вмиг пол-России сгрудится вокруг меня!..
Медленно по перрону, толпой ведом,
вышел на улицу — слёзы сдержал с трудом.
Но до угла одинокий добрёл, а там
прямо навстречу — топает Мандельштам.

СЕРДЦЕ РОССИИ

Одно громадное сердце стучало
в моей груди,
пока не оставил однажды Россию
я позади...
Тем летом домой возвратился,
не в силах понять одного:
стучит моё сердце, как прежде,
иль это эхо его?
Не мог я тогда догадаться, что там
и осталось оно,
что вместо часов на Спасской
стучать ему суждено.
И как тогда золотился купол
один в Кремле...
Вернусь — и Москва мне, верю, вернёт
его, в том числе.
А в Храме Христа Спасителя
сотни свечей горят,
с тобою схожая девушка ещё одну
ставит в ряд.
Арбат, говорят, изменился, я видел
его другим —
сейчас новый век ветвится, пылает,
шумит над ним.
Ничто не осталось прежним,
изменчив и смысл, и вид.
Но так же с Россией согласно
сердце моё стучит.

* Монастырь Святых Архангелов около При-
зрена в Косове (прим.автора).

Перевод с сербского

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Вук ЗАДУНАЙСКИЙ

г.Москва, РФ

БАЛКАНЫ: КРАЙ ПОБЕДИВШЕГО МИФА

Сказка ложь, да в ней намек...

*Все еще веря, что их земля там, где
покоится прах их предков и где раз-
бросаны их исторические памятни-
ки, они продолжают сражаться в
давно проигранных битвах...*

*Слободан Наумович, «Балканские
мясники»: мифы и заблуждения о
распаде Югославии»*

Один мыслитель сказал как-то, что сербы – это единственный народ, для которого национальную стратегию заменяют мифы и который свои самые большие поражения чтит как победы. Неудивительно, что на этой плодородной, щедро удобренной мистицизмом почве произрастают плоды столь тучные, что уже не одно поколение мистиков и фантастов пожинает на Балканах богатый урожай, конца и края которому покамест не видно. В России балканский миф воспринимается пока едва ли не как тропическая экзотика. Но если взять какой-нибудь местный миф и хорошенько его «потереть», то окажется, что он похож на привычные нам «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». А песни о царе Душане Сильном и его юнаках будут созвучны былинам киевского цикла о князе Владимире Красно Солнышко и богатырях.

Но Балканы – это не только край победившего мифа. Это еще и место начала обеих мировых войн. И не исключено, что третьей тоже, ибо прецедент Косово – это не только спорная и в высшей степени сомнительная геополитическая реальность, но и многовековые мифологические наслоения, густо сдобренные современными синтетическими мифозаменителями на по-

роховом складе Европы. Поводом к первой мировой войне стали сараевские выстрелы Гаврилы Принципа, убившего наследного австрийского эрцгерцога Фердинанда. Это была попытка повторить подвиг другого сербского героя Милоша Обилича – тот тоже убил турецкого султана Мурада на Косовом поле. Показательно, что почти все участники обеих инцидентов отошли к праотцам в самом скором времени, причем далеко не от старости. «Неспроста!» – скажете вы и будете правы.

На Балканах ничего не бывает просто так. Здесь миф до сих пор заменяет официальную историю, по улицам гуляют ведьмы, а повсюду (даже в местах дислокации миротворческих сил) можно встретить настоящих упырей. Мистики в «мягком подбрюшьи Европы» (так обозвал Балканы Уинстон Черчилль, а он редко ошибался) хватит на много поколений фантастов. Вот только мистика эта, по аналогии со знаменитым балканским юмором, довольно-таки «черная», кровавая. Мифы здесь настолько сильно переплелись с реальностью, что перестаешь уже различать, где суровая реальность, а где – еще более суровая сказка. И уже не знаешь, что страшнее: ужастики про балканских вампиров «со стажем» или новостные сводки из недавних зон боевых действий о проделках их современных коллег по цеху.

Косово поле, кто тебя усеял мертвыми костями?

*Надо ударить дубинкой по танку.
Неважно, что танк потом тебя
раздавит. Зато народ будет сла-
гать песни о герое.*

Сербская поговорка

Главный сербский миф – это битва на Косовом поле. Видовдан. 15 июня 1389 года. Самый черный и самый великий день сербов. Для балканской культуры этот героический эпос имеет такое же значение, какое имеют легенды о короле Артуре, рыцарях круглого стола и о Беовульфе вместе взятые – для культуры английской. Нет, сама-то битва как раз не миф, она со-

стоялась на самом деле, предопределив весь ход балканской, а следом – и мировой истории и культуры на шесть веков вперед.

Тогда, в конце XIV века разрозненные балканские королевства не смогли остановить вторжение турок в Европу. Сербский царь Лазарь принял бой. Сербы стояли насмерть, но силы были неравны. А тут еще и так некстати случившееся пленение самого царя и предательство одного из сербских военачальников, царского зятя Вука Бранковича, уведшего свое войско с поля брани. Сербы потерпели жестокое поражение, после чего их ждало почти пятисотлетнее османское иго. И тут начинается самое интересное. Сербы считают, что победили в Косовской битве именно они. И причиной тому даже не преждевременно посланная весть о победе их войска, которая внесла впоследствии немало путаницы в историю. Победа была скорее моральной. Сербы вышли на бой с явно превосходящим противником и не ударили в грязь лицом, прикрыв собой Европу, дав ей передышку, которая, как оказалось впоследствии, стала решающей. Поэтому значение этого поражения для последующих поколений превысило значение гипотетической победы. Блестящий пример того, как национальный миф можно с успехом синтезировать даже из военно-политического краха!

Главным сербским героем со времен Косова поля стал Милош Обилич. Он сдался туркам в плен, а когда его подвели к Мураду для присяги, вместо того, чтобы лобызать его туфлю, выхватил спрятанный кинжал и прирезал султана. Впрочем, на боеспособности турок это не сказалось, как, впрочем, и последовавшая за этим загадочная кончина старшего сына султана Якуба. Командование турецкой армией принял на себя младший султанский сын, впоследствии султан Баязид Молниеносный, гроза врагов османской империи. Человек страшной и удивительной судьбы, – достаточно сказать, что много лет спустя его разбил Тамерлан, после чего поймал и посадил в клетку, где победитель на Косо-

вом поле испустил дух в страшных мучениях. Обилича турки тоже казнили, как и взятого в плен царя Лазаря, и множество других сербов. Казалось бы – ну как такое поражение может стать поводом для гордости? Однако сербы ценят подвиг на Косовом поле даже выше, чем свои победы, за что и канонизировали обоих героев – царя Лазаря и Милоша Обилича. И, надо сказать, у них был на то свой резон. Одержжи они победу – ну и была бы у них еще одна победа, память о которой, как показывает практика, недолговечна. А вот поражение... Как говорится, на ошибках учатся. На этом поражении выросла вся сербская культурная доминанта. Так что в чем-то создатели мифа, пожалуй, были правы.

Косовская битва легендарна и архетипична. Существует несколько вариантов событий того рокового дня 1389 года, но все они уживаются в рамках единой традиции. И что с того, что в более позднее время историки доказали, что Вук Бранкович, чье имя стало нарицательным обозначением предателя, вовсе не предавал царя Лазаря, а напротив – много сделал для успеха сражения, впоследствии упорно сражался с турками, за что и был убит? Традицию из-за этого менять не стали. Легендарное Косово оказалось сильнее Косово исторического. Идея Небесного Косово, древнего сербского царства благоденствия и справедливости, павшему по воле злого рока, близка библейской идее об избранном народе. И если одна сторона косовской легенды представлена эпосом, то вторая – безусловно, библейской мифологией. Отсюда и возник культ Лазаря – царя-мученика, сделавшего выбор в пользу Царствия Небесного и не пошедшего ни на какие компромиссы с захватчиками. Кстати, сербы до сих пор верят, что пока они не найдут припрятанную турками голову царя, не быть миру на Балканах.

Герои Видовдана

Одним из первых произведений, где народная эпика была использована в целях

национальной консолидации, стала написанная в самом начале XIX века поэма Гавриила Ковачевича «Сражение страшно и грозно между серблюда и турцыма на полю Косову, под князом Лазаром, случившесе у 1389-м лету юния 15 дана». Она оказалась самым популярным изложением легендарных событий на Косовом поле. Именно отсюда пошло отождествление пира накануне битвы с тайной вечерей Нового Завета. В начале ее царь Лазарь разочаровывается, публично сообщая об этом всем присутствующим, в Милоше Обиличе как в змеевиче. Это явный языческий мотив – чуть ниже мы узнаем, кто такие змеевичи и с чем их едят. Себя же Лазарь отождествляет ни много ни мало – со Спасителем. В полном согласии с евангельским сценарием, он подает Милошу чашу с вином, предлагая выпить за него тому, кто «... меня предать замыслил, как Иуда спасителя своего».

Иллюстрация: Ирина Голуб.

Однако в отношении Милоша царь явно допустил промах: тот его тоже не предавал и даже напротив – стремился переломить ход сражения ценой своей жизни. Кто такой Милош Обилич, доподлинно неизвестно: по одной из версий, это влиятельный сербский князь, зять царя Лазаря, накануне битвы поклявшийся убить султана, по другой – простой человек, пастух, чуть ли не случайно проходивший мимо. В образе Милоша евангельский сюжет гармонично соседствует с языческими отсылками к сверхъестественным способностям Милоша-змеевича.

В 1828 г. вышла героическая драма «Милош Обилич» Йована Поповича. Наряду с «историческими», т.е. легендарными персонажами, здесь действуют три аветины (вилы, русалки) и их царица. Однако при всех фантастических допущениях, основное содержание драмы составляют отнюдь не чудеса. Главная задача произведения – проповедь патриотизма. Поэтому после короткого пролога с участием аветин на лоне природы, Милошу Обиличу в облике «тени отца Гамлета» является царь Душан Сильный, к тому моменту давно почивший в бозе, который вопрошает: «Где, Милош, твоя клятва, которой ты уверял, что будешь Отечеству верен?» После этих слов царь превращается в кровавую реку, из какового намека высших сил вытекает, что мира на Балканах не будет еще очень и очень долго.

Кроме царя Лазаря и Милоша Обилича, в косовском мифе есть и другие действующие лица. Это, в первую очередь, уже упомянутый Вук Бранкович. Тень несостоявшегося предательства пала на него самого и на все его семейство. А между тем, и сам Вук, и его сын, сербский деспот Георгий Бранкович, и их потомки – самые настоящие герои и мученики: одни всю жизнь воевали с турками, не вылезая из седла, до 80 лет, другие были этими турками ослеплены и умерщвлены. Досталось от мифа даже женской половине дома Бранковичей. «Проклета Ерина» – Проклятая Ирина, супруга деспота Георгия, родом из византийской династии Кантакузенов, в

народных преданиях стала ведьмой, виновной в гибели многих сербов во время строительства крепости Смедерево – и ныне самой большой крепости в Европе. Тела умерших, как и положено, замуровывались в стены. На самом деле, деспотиссе просто не повезло со временем. Закат сербской и византийской государственности под османским натиском не располагал к романтическим балладам при луне, поэтому сегодня о Проклятой Ирине напоминают только страшные сказки да названия придорожных ресторанчиков в центральной Сербии.

А вот царица Милица – это другая, поистине героическая женщина, тоже впоследствии канонизированная. После Косовской битвы и гибели мужа она правила разоренной страной, умудрилась заключить более-менее выгодный мир с турками, сохранивший независимость Сербского государства (хотя отныне она также звалась деспотиссой, правительницей вассального образования), как могла залечивала раны своего народа и воспитывала сына – будущего деспота Стефана Лазаревича, чье правление потом назовут Балканским Ренессансом. Вошли легенду и дочери царя Лазаря: одна стала супругой Вука Бранковича, другая – Милоша Обилича, а третья – султана Баязида. Так что весь косовский миф отчасти превратился в семейную историю династии Лазаревичей. Другое семейство, также отметившееся на Косовом поле – Юговичи – тоже стали героями многочисленных преданий. Прославился глава рода Юг Богдан и его девять сыновей, особенно младший – Бошко. На Косовом поле они погибли все, один за другим, а жене Юга Богдана, еще не знавшей про исход битвы, вороны принесли руку ее мужа...

Оставили свой след на Косовом поле и юнаки – это балканский вариант рыцарей: Иван Косанчич, Милан Топлица, Страхиня Банович и другие, похожие на наших богатырей киевского цикла. Особо интересна легендарная история Страхини. За год до битвы турки похитили у него красавицу-жену. Он, разумеется, поехал

отбивать ее, но тут выяснилось, что саму жену (кстати, звали ее Елена) такое положение дел вполне устраивает и возвращаться домой из объятий турецкого военачальника она не спешит. Во время поединка Страхини с турком неверная жена подкрадывается сзади и даже нападает на своего мужа! Удивительно, но Страхиня все-таки берет верх. Но с женой сладить – это не турка завалить. После победы Страхиня по местным обычаям должен убить или хотя бы ослепить жену, но он вдруг проявляет совсем уж неожиданный гуманизм и прощает ее, чем вся история и прославилась.

Разобрать, что в косовском мифе правда, а что – вымысел, непросто. Да и нужно ли?

Проклятие ослепленных королей

*Местами потрескалась древняя фреска,
Ударам упрямых веков поддалась,
Но смотрит все так же
внимательно-резко
Зрачками-лучами проколотых глаз.
Милан Ракич, «Симонида»*

В старинном сербском монастыре Грачаница, что стоит на территории нынешнего Косово, на стене храма красуется изумительная фреска начала XIV века. На ней женщина в богатых одеяниях и высокой золотой короне, усыпанной жемчугом и драгоценными камнями. Но она слепа, – глаза у фрески выколоты. Это королева Симонида, дочь византийского басилевса Андроника и супруга сербского короля Милутина (ее выдали замуж за 54-летнего короля, когда ей было всего 9 лет). Говорят, увидевшие фреску не могут оторвать от нее взгляд, да и забыть ее сложно. Еще в начале XIX века некий албанец ночью прокрался в храм и ножом выколол королеве глаза. Но даже ослепшая она сияет красотой. Чего только не делали потом с этой фреской – и кололи, и жгли... А она все равно стоит, как ни в чем не бывало. Считается, что глазами своей души Симо-

нида охраняет Сербию, как и положено истинной королеве.

Подобно всякому народу, когда-то сербы управлялись не временщиками, как это принято в эпоху победившей (здоровый смысл) демократии, а сакральной, назначенной править свыше династией Неманичей. В те времена принято было приписывать правителям родственные связи с римскими кесарями и другими венценосными кланами. У Неманичей родичей среди кесарей отродясь не было. Да и зачем оно тем, кого править поставил сам Господь? Сакральность земной миссии династии стала подтверждением ее прав на сербский престол. Воплощением этого культа стала до сих пор красующаяся на фресках во многих старинных храмах т.н. Лоза Неманичей, их символическое семейное древо. И надо сказать, сами Неманичи такому статусу вполне соответствовали. В каждом поколении их Лоза давала выдающегося правителя-воина или святого, порой – сразу обоих, а иногда – даже в одном лице. Жития святых правителей из этой династии до сих пор являются источником вдохновения не только для писателей и историков, но и для сотен тысяч верующих.

Но высшие силы тоже не дремлют. Ведь если они кому-то что-то дают – то с него же и испрашивают. И отвечали Неманичи за данные свыше преференции по всей строгости своего сурового времени. Это стало своего рода проклятием династии – власть практически ни разу не передавалась бескровно, резали друг друга ближайшие родственники, брат шел на брата, отец – на сына, а сын – на отца. Сколько бы Неманичей не пересекались на том или ином историческом отрезке, остаться должен был, за редким исключением, только один. Средние века знают немало кровавых семейных разборок на ступенях трона, но Неманичи, эти «проклятые короли» балканского разлива, в этом виде спорта выбились в признанные лидеры. Правящая династия Неманичей, подарившая Сербии 11 выдающихся правителей, пережила 15 внутрисемейных столкнове-

ний: в 9-ти случаях сталкивались братья, 4 раза – отец и сын, 2 раза конфликтовали племянник и дядя. Только 2 правителя начали и закончили свое правление без столкновений, но им также приходилось бороться за сохранение власти. С престола было свергнуто 6 правителей, 3 конфликта завершились смертью членов правящей семьи. Неудивительно, что столь мощная династия не устояла перед силами судьбы и во второй половине XIV в. пресеклась, оставив страну без легитимных правителей.

Мистика преследовала Неманичей на каждом шагу. Вот захотел королевич Стефан свергнуть с престола отца своего, короля Милутина. Но тот оказался не лыком шит, заточил своего сына в крепость и приказал выколоть тому глаза раскаленным железным прутом. Той же ночью несчастному королевичу явился св. Николай и сказал: «Не бойся – твои глаза у меня в руках». Ослепленного Стефана заключили в монастыре Пантократора близ Константинополя, и там начали происходить чудеса. Святой явился Стефану во второй раз, принес в руках оба его глаза и вставив их на место. Опальный королевич вновь обрел зрение, но никому не говорил об этом, нося на глазах черную повязку. И только после смерти своего отца, венчанный королевским венцом Стефан обнародовал свою зрячьсть, объяснив произошедшее чудом. Что интересно, в эту версию сразу же поверили, а заступничество святого и прозрение ослепленного короля стало... эпизодом официальной истории.

Граф Дракула vs господарь Влад

Говоря о Балканах, нельзя обойти вниманием еще одного знакового персонажа. Он хорошо знаком всем по произведениям Брема Стокера, голливудским фильмам, второсортным ужастикам и костюмам к Хэллоуину. Это, конечно же, Дракула. Однако спешим разочаровать или, напротив, внушить веру в сверхъестественное. Настоящий Дракула вовсе не был графом, да и на вампира опереточного тоже не очень-

то смахивал. Он не носил фрака с бабочкой и черного шелкового плаща с алым подбоем, не был готичен и тем более гламурен. Вампир в балканском фольклоре – это жуткое потустороннее существо, питающееся кровью людей. Кровососущая нечисть известна разным народам, но прародина вампиров – это все-таки Балканы. До XVIII века они безобразили в основном в народных суевериях, но с началом эпохи романтизма начали проникать на страницы литературных произведений, в газетные новости и даже в официальные донесения. Так начал формироваться образ вампира литературного, довольно сильно отличающийся от вампира фольклорного.

В том, что Дракула – это реальное историческое лицо, нет никаких сомнений. Каких только злодеяний не приписали правителю Валахии Владу III Дракулу! И вампирствовал не покладая клыков, и сажал тысячи человек на колья, наслаждаясь их агонией, и ел человеческое мясо, не говоря уже о питии крови христианских младенцев. Правда, впоследствии оказалось, что Влада оклеветали, как сейчас принято говорить, политические противники. Зато он был едва ли не единственным из тогдашних балканских правителей, кому удалось защитить свою страну от турок. Это и есть главная историческая правда. И цель в данном случае с лихвой оправдала средства. Дракулу очень боялись не только внешние враги, но и внутренне. Он довольно эффективно сражался с превосходящими силами османов и умел их побеждать, казалось бы, совершенно не подразумевающих побед обстоятельствах. Ясное дело, что туркам это не нравилось, отчего и пошло его прозвище Цепеш – Колосажатель.

Только были у господаря Влада неприятели не только на Востоке, но и на Западе. Венгерский король Матиаш Корвин, помышлявший о гегемонии в регионе, не прочь был разгрести жар чужими руками. Он использовал Валахию как щит от османов, постоянно манипулируя своим строптивым союзником. Но с господарем Владом такие игры не проходили. Отсюда и

его арест, когда он приехал на переговоры, и многолетнее заключение в венгерском замке, и долгое судилище (на память приходит почему-то Гаагский трибунал), закончившееся по традиции ничем: доказательств вампиризма и колдовства господаря, а также истребления им тысяч ни в чем не повинных христиан обнаружено не было. Аккурат в этот момент турки перешли в наступление по всем фронтам, так что Дракулу пришлось оправдать, освободить и даже снабжать оружием для борьбы с общим врагом.

Много было придумано и пересказано на разные лады турецких и венгерских басен, взятых впоследствии на вооружение итальянскими и немецкими авторами. Вот откуда пошла ужасная репутация Влада Дракулы, в действительности – наиболее последовательного (и добавим – успешного) борца с турками на Балканах. Дракула прославился неистовой отвагой и столь же неистовой кровожадностью, которая даже в мрачную эпоху Позднего Ренессанса казалась патологической. Он был немыслимо жесток и к врагам, и к союзникам, и к подданным: рубил головы, сжигал, сдирали кожу, варил заживо, вспарывал животы, сажал на кол. Однако в те поры многие европейские правители, не говоря уже об азиатских, «делали это», а слухи о тысячах замученных оказались просто-напросто «утками». Любые сведения о Дракуле не следует интерпретировать в историческом аспекте. Это миф, фольклор, и живет он по своим законам. В первую очередь, это касается самого имени, точнее прозвища Влада III. «Дракул» означает порумынски не только «дьявол» (таковым он стал уже по мотивам деяний господаря), но и «дракон». Отец Влада был рыцарем Ордена Дракона, потому и поместил на свои регалии орденскую символику.

Понятно, что при таком образе жизни Дракула просто не мог умереть от старости в теплой постели. Он был убит своими же воинами в результате заговора брата, а по совместительству – наложника султана, Раду Красивого. Тело Дракулы проткнули копьями, а потом отрезали ему

голову и послали ее в дар султану Мехмету. Султан был, безусловно, колоритной личностью. Он содержал сразу два гарема – женский и мужской, а еще коллекционировал головы своих врагов. Он-то и приказал водрузить голову Дракулы на шест в центре Стамбула. С тех пор и повелось: чтобы убить вампира, его сперва пронзали колом, а потом отрезали голову. Зачем это было сделано – давно позабылось, но традиция блюлась свято.

Надо сказать, что вампирские страсти господаря Влада разделяли и другие представители балканской элиты. В 1610 г. по указу австрийского императора была фактически казнена графиня Эржбета Батори – кстати, по некоторым данным, Дракула числится среди ее предков. Эта дама продлевала свою молодость, купаясь в крови юных девиц. В ее дневниках насчитали упоминания о шестистах жертвах! В наказание за совершенные злодеяния «кровавую» графиню заживо замуровали в ее собственной спальне. А вообще для вампиров характерна привязанность к земле предков, любовь «к отеческим гробам» – именно это и позволяет различным вампирборцам довольно успешно бороться с ними. Но если вдуматься, то в историческом контексте эта метафора перестает быть метафорой. Вампир «живет» только на своей родной почве, только в рамках своей литературной традиции. Перенесенный силами постмодернизма в чуждую ему обстановку (в современный Нью-Йорк, в мексиканскую глубинку, в лондонское высшее общество и пр.) он перестает быть собственно вампиром, а становится обычным садистом, паразитирующим на беззаботном и незащищенном социуме.

Вук Огнезмий и прочие змеевичи

Еще один представитель балканского пантеона – Вук Огнезмий, восходящий, как и древнерусское предание о Всеславе, князе Полоцком, к общеславянскому мифу о чудесном герое – волке. Обращаем особое внимание: Вук хоть и числится в оборотах, по совокупности деяний относится к

героям! Вук Огнезмий, он же Волх Всеславич, он же Вольга киевского былинного цикла – змеевич, он рождается от Огненного Змея в человеческом облике, но «в рубашке» или с «волчьей шерстью» – приметой чудесного происхождения. Как и положено, Вук может оборачиваться волком и другими животными, птицами и даже насекомыми. Но главное – способностью превращения себя и своей дружины в животных Вук используется не для душегубства, а для совершения подвигов. Вот и выходит, что князь-оборотень со змеиными чертами – это не фантазия Брема Стокера, а древнейший архетип идеального балканского правителя, безжалостного к врагам и использующего для победы силы потустороннего мира. Попробуй теперь, объясни это Гаагскому трибуналу! Родитель нашего Вука – Огненный Змей, хозяин мира мертвых, змеевидный демон, наделенный антропоморфными чертами. Он так и норовит вступить в интимную связь с женщиной, после чего на свет и появляются змеевичи. Но Вук не так прост – рано или поздно он вступает в единоборство с отцом и даже побеждает его. Культ воина-оборотня восходит к VI-VII вв., когда славянская общность имела еще относительно общую культуру. Византийские авторы писали о том, что славяне перекликаются волчьим воем, а по донесениям турок, воины Дракулы тоже в массовом порядке оборачивались волками, что давало им колоссальное преимущество с ночных стычек с османской армией.

«Черная рука» в подбрюшье Европы

Девочка, девочка, Черная Рука стучит в твою дверь!

Детские страшилки

Героя Косовской битвы Милоша Обилича принято изображать в шлеме, увенчанном драконом. И это не просто украшение. По некоторым данным, именно Милош Обилич (тоже змеевич, между прочим) был основателем пресловутого Ордена Дракона, включившего в себя исключительно

королей, князей и крупных феодалов христианского вероисповедания, целью которых было противостояние мусульманскому завоеванию Европы, в том числе путем физического устранения османских вождей. Отличительным признаком рыцарей Ордена было изображение дракона на регалиях. Отсюда, на первый взгляд, странное поведение Милоша на Косовом поле рационализируется: он выполнял директиву Ордена и достиг цели, пусть и ценой своей жизни. Впоследствии император Священной Римской Империи, венгерский король, а по совместительству – глава Ордена Сигизмунд Люксембург произвел в рыцари Ордена Влада II, отца Влада Цепеша. Так Дракула получил свое имя и дракона на знамени. И действовал господарь Влад тоже так же, как и Милош. Да и сербский деспот Стефан Лазаревич, сын царя Лазаря, также был рыцарем того же Ордена. Какой простор для любителей теории заговора и последователей Дэна Брауна! Но погодите смеяться. История знает и более свежие примеры.

Известная сербская террористическая организация «Чёрная рука» в идейном плане продолжила традицию Ордена Дракона. Ее возглавлял Драгутин Дмитриевич по кличке «Апис», начальник сербской контрразведки. В организации практиковалась суровая дисциплина, ее заседания проходили в черной комнате за столом, устланном черной скатертью. На символической «Черной руки» – череп и скрещенные кости на черном фоне. 11 июня 1903 г. король Сербии Александр Обренович и королева Драга были заколоты штыками в своем дворце в Белграде. Этот переворот – одно из «громких» дел «Черной руки». Ее филиалом была организация «Млада Босна», одним из членов которой и стал Гаврила Принцип, убивший эрцгерцога Фердинанда. Так «Черная рука» спровоцировала первую мировую войну. Продолжателем ее дела стала организация под назва-

нием «Белая Рука», осуществившая государственный переворот 27 марта 1941 года. Тогда на сербский престол был возведен Петр II, принц из династии Карагеоргиевичей, что фактически поставило Югославию в состояние войны с Германией, откуда оказалось совсем недалеко до активной стадии Второй мировой. «Мягкое подбрюшье Европы» опять сыграло роковую роль в судьбе всего континента.

А уж какими леденящими душу подробностями наполнены истории о современных балканских упырях (в народе их называют «поколи») эпохи последних югославских войн! Страшны балканские мифы. Не вампирами страшны и не оборотнями. А тем, что они совершенно реальны. Если набрать в любом поисковике словосочетания «балканские мифы», «балканская мифология» и т.п., полученная информация, мягко говоря, удивит. Только две-три ссылки будут касаться собственно фольклора. Основное количество ссылок выведет на мифы совсем иного рода. Заголовки типа «косовский миф», «западный миф о Сребренице», «мифы НАТО о кровавожадных сербах» сразу дадут понять, что речь идет о современности. Ну и как тут скажешь, что балканский миф умер? Нет, он жив! И до того сроднился с реальностью, что сам Гаагский трибунал не разберет, где тут «агнцы», а где – «козлища». И не захочет разбирать, тем самым творя новую мифологию, в которой упыри в который раз меняются местами с героями, а герои – с упырями. Битва мифа с антимифом, начавшаяся на Косовом поле более шестисот лет назад, не только не утихает, но и разгорается с новой силой. Пока сложно сказать, чем она закончится. Но история свидетельствует: всякий раз, когда на Косовом поле сшибались в смертельной схватке не просто две армии, но две непримиримые системы, во власти леденящих душу мифов оказывались не только Балканы...

Нина ИЩЕНКО

г.Луганск, ЛНР

ИСТОРИЯ ОЖИВАЕТ И СТУЧИТ В СЕРДЦЕ ЧИТАТЕЛЮ!

*Книги Вука Задунайского о Балканах и
России*

Я хочу представить читателям Донбасса московского писателя Вука Задунайского, одного из тех современных авторов, которые пристально следят за событиями в Донбассе и на Украине. С 2015 года я являюсь редактором сайта луганской культуры «Одуванчик». Одна из задач нашего сайта – предоставлять площадку для самопрезентации луганским писателям, поэтам, философам, и дать им возможность вписаться в российский литературный контекст. Для этого важно ориентироваться в современной русской литературе и представлять на страницах «Одуванчика» тех российских писателей, которые также заинтересованы в культурной интеграции Донбасса. Одним из постоянных участников интеграционного процесса и является писатель Вук Задунайский.

Вук Задунайский работает в жанрах мистический реализм, альтернативная история, хроноопера, криптоистория, сакральная фантастика – на балканском и византийском, а с недавнего времени – и на русском историческом материале. Является автором книг «Балканский венец», «Балканский венец-2». Осенью 2020 года выйдет из печати сборник Вука Задунайского «Паны, холопы и Другие» в соавторстве с Людмилой и Александром Белашами.

Моё личное знакомство с Вуком Задунайским началось еще в мирное время, а когда разразилась война в Донбассе, оказалось, что для Вука это не абстракция, а часть личной истории благодаря глубокому знакомству с культурой западного побережья России как государства и русской культуры как явления общеславянского значения. Вук Задунайский пишет об Украине, Белоруссии и Балканах, создавая русское видение исторических процессов на этих территориях, на западном пограничье русского мира.

Литературный псевдоним Вука Задунайского, в реальной жизни – юриста, системного аналитика, чиновника, происходит от названия сербского города Вуковар. Это довольно мрачное место, известное затяжными боями между сербами и хорватами во время войн конца XX века на территории бывшей Югославии. Из названия Вуковара была взята начальная часть названия – Вук, которая совпадает с обычным сербским именем, означающем волк. Вторая часть псевдонима – Задунайский также связана с Балканами. В ряду носителей этого псевдонима исключительно выдающиеся личности: воспетый Стругацкими Дракула Задунайский, граф Румянцев-Задунайский, гражданин Бендер Задунайский. Псевдоним возник из интереса к Балканам и несогласием с тем, что там происходило в 1999 году, когда силы НАТО вели войну против Югославии. Этот псевдоним предопределил и литературную судьбу, очертив тематику фантастических произведений автора.

Тема Балкан, исторического прошлого полуострова, его связи с Византией постоянно присутствует в книгах Вука Задунайского. По мнению автора, эта тема актуальна и для современного российского читателя: «По ряду признаков мы действительно похожи на Византию. И в этом плане Третьему Риму неплохо бы знать, что случилось со Вторым. Это очень увлекательное занятие, поверьте мне. Но даже если без учета всех этих дел давно минувших дней, посмотрите хотя бы на недавние события со святой Софией! Вроде бы, ситуация яснее ясного: православный храм стал мечетью, потом – музеем, потом – опять мечетью. Но все это далеко, на территории Турции. Что он Гекубе? Что ему Гекуба? Какое дело жителям России до всего этого? Но ведь задевает! И очень сильно. И очень трудно объяснить – почему, не зная, как всё это случилось.

То же самое и с Балканами. Казалось бы, ну какое дело жителям России до далекого от них гористого региона на Юго-Востоке Европы? Ан есть оно, дело это! А совершенно разные люди то и дело

спрашивают – а что там творится на Балканах? А к чему это? А чем это закончится? Люди усвоили, что именно на Балканах начались обе мировых войны, и как бы не началась и третья тоже. На это не получается не обращать внимания, рано или поздно догонит всех».

Особое внимание Вук Задунайский в своем творчестве уделяет Сербии: «С некоторыми балканскими государствами – в первую очередь, с Сербией – Россию связывают действительно братские и дружеские связи. Много было в предыдущие эпохи в наших странах разных политиков, которые как только ни пытались нас разделить. Только где теперь эти политики? А наши народы по-прежнему тянутся друг к другу, и это уже не объяснить политэкономической конъюнктурой. Сербы – они во многом похожи на нас, но во многом – уже другие. Но это-то как раз и привлекает! Ну и, кроме того, один раз побывав на Балканах, ты их никогда уже не забудешь. Рекомендую попробовать».

Балканам посвящены две книги писателя – «Балканский венец» (2012) и «Балканский венец-2» (2020).

В «Балканском венце» затрагиваются разные события разных эпох: битва на Косовом поле, история Дракулы, падение Константинополя, янычары и даже походы Александра Македонского – он тоже был выходцем с Балкан, если можно так выразиться. Метатема книги, объединяющая разные произведения автора – столкновение Запада и Востока. Вопреки Киплингу, который писал, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут», на Балканах они «сходят со своих мест и контактируют – где-то жестоко и грубо, а где-то – вполне нежно и даже любовно. В результате заваривается такой компот, разобраться в рецепте которого до сих пор не могут не только самые мудрые мудрецы, но и даже судьи Гаагского суда».

Во втором томе «Балканского венца» появились и новые сюжеты, уже более близкие к нам по исторической эпохе: Георгий Черный (Карагеоргий или по-сербски – Караджорджа), основатель дина-

стии Карагеоргиевичей, с его первым восстанием против турок; Александр Обренович, последний король из династии Обреновичей, со своей женой Драгой; здесь же мелькает знаменитый Апис, он же Драгутин Димитриевич, начальник разведывательного отдела Генерального штаба Сербии, основатель и лидер тайного общества «Чёрная рука». Есть в новых повестях и мифический Вук Огнезмий, и уже не совсем мифические ушаши.

Книги Вука Задунайского нашли своего читателя. Вот только некоторые из отзывов читателей сайта Фантлаб (Лаборатория фантастики) на разные повести из книги «Балканский венец»:

«Блестяще! Отличный рассказ! Из известной нам еще по школьным учебникам битве на Косовом поле (помните картинку – Милош Обилич убивает турецкого султана?) автор создал удивительную историю – фантастику, притчу, легенду. Хочется отметить и прекрасную стилизацию под древнее сказание, которое незаметно переходит во вполне современный исторический роман, в фантастику и снова в сказку. Но даже не блестящий стиль – главное достоинство этой истории. Есть здесь настоящая дружба и подлое предательство, есть подвиг и трусость, есть несокрушимый рок и несгибаемая воля, есть страшное поражение и бессмертная слава. Древняя история оживает на этих страницах и стучит в сердце читателю. И поневоле стискиваешь кулаки в надежде, что славный витязь Милош хотя бы на страницах книги сможет преломить свой рок. А еще в рассказе поражает неоднозначный образ Баязида. Я скуповат на высшие оценки, но здесь – только 10!» (*kkk72, 8 ноября 2008 г.*).

«Четырнадцатый век: византийская царица Симонис (Симонида) обещана в жены варварскому принцу, сыну грозного короля сербов Милутина. Юная византийка, этот обласканный роскошью и культурой дряхлой ромейской империи ангел, попадает в Сербию, край жестких, гордых и сильных людей, чтобы пережить там всё, что положено пережить на земле человеку, и, пустив в эту землю корни, полив её и

слезами своими, и кровью, стать истинной, вечной в ней королевой.

This is it. Это оно и есть – та красивая мощная вещь, которую ожидаешь от такого большого, громкого сборника. Может быть, даже лучше. Если так дальше пойдёт – а это второй текст «Балканского венца», который я читаю – на выходе у Вука получится что-то чрезвычайно сильное, и это будет замечено далеко за пределами Ф-и-НФ-фандома. Во всяком случае это «Сказание» бьёт наповал. Воссозданные будто старинным золотым пером, что плетёт волшебную вязь, перед читателем оживают люди старых времён – какие тогда жили люди! и как мы, и не как мы, злодеи, жертвы, грешники, святые, а между ними гиганты, тот же король Милутин – ландшафты, веры, народы, войны... Целая эпоха в том легендарном и роковом регионе, дающая, кстати, возможность понять, почему история Балкан – и всей Европы с ними – пошла именно так, как пошла. Здесь эпоха – и люди. История глазами её героев.

Всё в этой повести улеглось на своё место, ничему нигде не тесно, материал не торчит. Язык «Сказания» одновременно стилизован под старину и современен, он лучше, чем в «Сказании о сестре Софии и падении Константинополя». Всё очень ярко, живо, пластично и плотно, причём не сверхплотно. Материал не взрывает рамки произведения, всё влило в форму, отточено, в самый раз. Текст приковывает и затягивает, я его дочитала уже под утро, никак не могла оставить. Очень уж интересно было. Поначалу показалась немного не в тему сакральная арка, объединяющая прошлое с настоящим, но нет, всё это также на своём месте. Рефлексия истории и исторических смыслов через взгляд современника удалась. Автор великолепно справилась с горным массивом своего материала, и на выходе – интереснейшая вещь, кровавая и трагическая, как настоящая хроника старых времён – но и свободная, светлая. Провозглашение одновременно мистического детерминизма истории, рок народов и человеческих судеб – и, через сознание и

приятие Провидения, освобождение от всего этого. Душа вырастает в вечность, откуда святые грядут в свободе и силе и славе к концу времён. В финале героический солдат КФОР, наш современник, получает в дар отблеск грядущей вечности – чудо. В «Сказании об ослепленных королях» звучит сакральная струна, в чём-то схожая с библейскими. Здесь непосредственно сознательно намечен, близок настоящий прорыв к Небу» (*Nadia Yar, 25 октября 2011 г.*)

«Очередная повесть сборника не обманула ожиданий, как и предыдущие истории. Получилось так, как иногда бывает в реальной жизни – ожидание события оказалось интереснее самого события. С нетерпением ждал момента нападения врагов, схватки с ними. Нет, финальная часть текста просто замечательна, я имею в виду описание настроений и поступков главных героев повести до момента осады города. Мне казалось, что основной акцент будет сделан на самом штурме, на подробном и натуралистическом описании бойни и связанных с этим мистических событий. Но не менее сильно взяла за душу та часть, где показано творящееся в Константинополе до битвы.

Великолепие храма, физическое и духовное, описано мастерски, можно сказать, что поработал новый зодчий. Нравовучения и банальные истины совершенно незаметны, не вызывают отторжения. Автор сделал одним из главных героев произведения душу древнего собора, средоточие всей тысячелетней христианской мудрости и совести. Читая диалоги, в которых участвует София, я вспоминал «Розу мира» Андреева, его рассуждения о христианстве.

Как же интересно узнавать новые, совершенно невероятные подробности того, что когда-то открыл в учебниках и исторических романах! И как грустно и больно читать, зная, чем всё должно закончиться. Но, тем не менее, до конца не веришь в предначертанную развязку...

Очень хорошо и к месту сказано в произведении об одном важном событии,

случившемся после взятия турками Константинополя. Султан понимает, что овладев столицей Византии, он уничтожил все-ленский центр православия. Чтоб создать хотя бы видимость бывшего величия города, Мехмед создает новую патриархию. И никакое это не нисхождение к подданным-христианам и, тем более, не веротерпимость! Это открытая демонстрация подчинённости креста полумесяцу, пусть и в одном месте. Причём, зависимость эта не исчезла там и по сей день. Так что неоспоримость политики современного Константинопольского патриархата вызывает большие сомнения» (*pitiriman*, 28 ноября 2018 г.).

«А отец Илия вспомнил вдруг про Милоша Обилича, про которого тоже говорили, что змеевич он, и наделен был через это особой силой и умениями нечеловеческими. И не зря основал он Орден не кого-то там, а Дракона, то есть всё того же змея, только кусающего себя за хвост. И того же самого змея рисовали у него на шлеме, когда писали иконы – в Радовашнице такая была, да и в Чокешине тоже, пока не сгорел монастырь. А родом-то Милош был отсюда, из этих мест – с той стороны Цер планины до сих пор стояло село Милошевац, там когда-то стояли хоромины княжеские».

Вот так герои и остаются со своим народом – а в каком из своих обликов, то уже совершенно неважно. Огнезмию как покровитель собственных родных мест смотрится очень органично. Да и сама история – это история защиты и выживания этноса, со всеми вводными – турками, войнами, резней и постоянными напастьями. В этом плане Огнезмию проявил себя как очень даже конструктивная сила, хоть и небожественного происхождения.

Национальный характер плюс исторический контекст этой истории придают ей совершенно нетривиальный вид. С сюжетом тоже все неординарно – такая сугубо народная подача не может остаться незамеченной. В целом, читается как хороший небольшой детектив с относительно счастливой развязкой, если можно так говорить о судьбе целого села, выжившего в

непростые времена. И все благодаря Огнезмию – нечистой силе, не бросившему свой народ и своих детей» (*Raymond*, 26 июля 2020 г.).

По отзывам читателей видно, что произведения Вука воспринимаются в современном контексте, легко считывается та связь истории и современности, которая волнует автора. Но не только войны минувших лет волнуют автора и его читателей.

Одной из самых горячих точек является сегодня Донбасс. Вук не обращается к теме войны в Донбассе в своих повестях, однако проблематика эта ему очень близка: «Лично для меня это большая тема. Мне кажется, ни один нормальный человек не может спокойно смотреть на то, что творится сейчас на Донбассе. Тысячи погибших, среди которых более ста – дети. Это никак не связано с литературной деятельностью, это общечеловеческое. И, конечно же, я считаю, что убийство мирных граждан пора заканчивать. Единственное требование – не ценой сдачи всего, за что эти погибшие стояли.

В моей новой повести «Семнадцатый демон», которая еще только готовится к публикации, будущее Юго-Востока вполне определено: нельзя сказать, что это будущее совершенно не связано с будущим Украины (вернее, тех образований, что будет на ее месте), но все-таки эти территории рано или поздно попадут в орбиту влияния России уже безо всякой фантастики. Только футурология».

Донбасс и события военного времени привлекает Вука и как писателя: «Тема очень богатая. Есть у меня задумки вообще написать про события 2014 года на Донбассе. Это такая реальность, которая впечатляет сильнее иной фантастики. Битва, на которой бок о бок сражались живые и мертвые, люди и боги. Когда в боях на Саур-Могиле памятник бойцам, погибшим в Великую Отечественную, будто помогал ополченцам нынешним, стоявшим за правое дело. Когда стреляли танки, почти 70 лет простоявшие на постаментах. Здесь есть, о чем задуматься».

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО КНИГИ

Ирина ЧЕРНИЕНКО

пос. Урало-Кавказ, г. Краснодар, ЛНР

ВСТАНЬ, ЖИВИ, БОРИСЬ И НЕ СГИБАЙСЯ!*

Знакомство с историей Сербии стало для меня увлекательным, наполненным открытиями путешествием. Ах, как полезно отрываться от своей действительности, от вросших по самое «не могу» убеждений, вкусов, пристрастий. Окунувшись полностью в незнакомую среду, традиции, культуру я открыла для себя замечательного поэта Йован Йовановича-Змая. Из «...сербской исторической реки, омывшись чистой водой её благородства и отваги...», а кое-где, нахлебавшись взмутнённой влаги от «...непонимания эпоса воинственных инстинктов...», моё восхищение творчеством поэта Йован Йовановича-Змая только укрепилось. Всё же не соглашусь со словами Николы Теслы, который считал, что стихи Змая «...настолько по своему духу сербские, что переводить их на другой язык представляется почти невозможным...». Конечно, читать оригинал, а если ещё и слушать в авторском исполнении мысль, облёкшуюся в слово, ритмично покачивающуюся над обыденным (потому что знакомо), - удивительное явление, но не всегда доступно и не для всех. И даже читая переводы стихов Йован Йовановича, понимаешь, как это здорово, что невозможное стало возможным благодаря поэтам А.Ахматовой, М.Исаковскому, А.Суркову и другим.

Йован Йованович был всесторонне одарённым человеком, изучал юридические науки и медицину, писал стихи, делал переводы, был активным участником общественной жизни своего народа. В 1890-е годы вокруг литератора сложился круг образованной интеллигенции.

Мне бы хотелось в этой статье поговорить о Змае как о писателе и человеке.

* Строка из стихотворения Йован Йовановича-Змая «Поэт и песня» (перевод А.Суркова).

Литературная карьера Йован Йовановича началась в 1849 году, а его первое стихотворение было напечатано в 1852 году в журнале «Srbski Letopis». Поэт сотрудничал с журналами «Neven» и «Sedmica». 160 лет назад, 1861 году, он начал издавать свой юмористический журнал «Комарас» и в том же году основал литературный журнал «Javog».

В 1864 году Йован Йованович основал в г.Пеште (современная равнинная часть города Будапешта, столицы Венгрии) юмористическо-сатирический журнал «Змај» («Дракон»), который был принят читающей публикой с большим интересом. Название журнала стало псевдонимом сербского поэта. Прошло больше ста пятидесяти лет с тех пор, как в первом номере журнала читатели прочли слова: «...Покуда бурьян и крапива не выполоты, нельзя сеять доброе семя; покуда не уничтожен рабский дух, не может быть свободы; покуда трусы не осмеяны, не могут богатыри встать в полный рост; покуда дремотное болото не всколыхнуть, нельзя пробудить народ». Йован Йованович имел полное основание и право так считать.

На долю его народа выпала горькая судьба. Сербское государство, могущественная держава занимала почти весь Балканский полуостров и обширную часть территории, относящейся ныне к Австрии. После сражения 1389 года на Косовом Поле с азиатскими ордами, сербский народ оказался ввергнутым в рабство. «...Европа никогда не сможет возместить великий долг сербам, которые, пожертвовав своей свободой, остановили нашествие захватчиков...», - пишет в научно-популярном журнале «Scientific American» за 8 февраля 1934 года Никола Тесла. В стихотворении «Милостивой Европе», посвящённом расстрелянным коммунарам, звучат горькие слова об исторической несправедливости:

Ты в живых бросала грязью,
А возносишь после смерти.
Крепко спавшее, внезапно
Пробудилось милосердье.
И трепещешь ты, взирая
На геройство этой смерти!

Много зол ты совершила,
Их попробуйте измерьте!

Ни к чему над прахом павших
Приторное милосердье!
«Бойся, бойся тех, кто может
Смерть принять без страха смерти!»
(Перевод О.Колычева)

И всё же неустанная изнурительная борьба с угнетателями, даже если силы были неравны, утоляла их воинственные инстинкты. Однако жизнь настоятельно требовала искать методы и возможности выжить, выстоять, сохранить свою неповторимость как этноса, как народа. Что могли сделать эти храбрые люди? Они сохранили Слово и воплотили в песнях благородные подвиги предков, смелые деяния тех, кто пал в борьбе за свободу. Так «...обстоятельства и природные качества сделали сербов народом философов и поэтов...».

Йован Йованович-Змай происходил «...от старинного знатного рода, имеющего общие корни с сербским королевским домом. С самого раннего детства он проявлял большое желание выучить наизусть сербские народные песни, которые ему читали вслух, и, будучи ещё ребенком, начал сам сочинять стихи. Отец, в высшей степени культурный и состоятельный дворянин, был его первым воспитателем в родном городе. Затем Йован отправился в Будапешт, оттуда в Прагу, потом в Вену – в этих городах он окончил курс правоведения. Йован реализовал желание отца, однако его собственные наклонности влекли его к занятиям медициной. Змай вернулся в родной город, где ему было предложено занять видный пост, на что он дал согласие, но его любовь к Слову имела над ним такую власть, что год спустя он отказался от должности, и всецело посвятил себя литературному труду...».*

* Никола Тесла. Змай Йован Йованович – первый сербский поэт современности // «Century Magazine». 1894. Май.

«Змай был остр и беспощаден в сатире...», - пишут литературоведы о его стихах, которые, на мой взгляд, наполнены высоким чувством гражданственности и благородства, честностью и порядочностью. По сути, он больше боролся с мракобесием, невежеством, чем возвышал свободу. В тоже время Йован не стремился к великим социальным преобразованиям, считая, что главное зло коренится в человеческих слабостях и пороках.

ЧЕСТЬ

Чести золото не купит:
Честный чести не уступит.
Честь нужна ему, как свет.

Рад продать ее бесчестный,
Но, как всякому известно,
У бесчестных чести нет.
(Перевод С. Маршака)

Иная тональность звучит в произведениях для детей: добродушно, мягко заботясь о чистоте и здоровье их юных душ, «Дядя Йова» пишет множество стихов, полных любви и нежности, надежд и радости:

Ты хочешь знать, дитя,
Откуда песни эти?
Ты просишь, чтобы я
Тебе, мой друг, ответил,
Зачем я отдаю
Строкам стихотворенья
Дни жизни, мысль мою,
Мгновенья вдохновенья?
Я радость и беду
В груди своей лелею.
Как яблоки в саду,
На сердце песни зреют.
И если ночь зажжет
Звезду на небосклоне,
Я знаю – день придет,
Уста улыбка тронет.
И вот,
Как зрелый плод,
Нежданно упадет
Строка в твои ладони.
Ты хочешь знать, мой друг,
Откуда эти песни?
Они идут от сердца.
Бери. В груди им тесно.
(Перевод Л. Яхнина)

В судьбе Змая есть чёрные полосы,
связанные с неотвратимыми потерями са-
мых близких и дорогих сердцу людей. Пе-
режив тяжкие испытания, преодолев их,
патриарх сербского романтизма оставил
для нас цикл стихов: в его «Розах» любов-
ные чувства бережно и сдержанно говорят
о глубине личного мира доступного только
для двоих.

...Стал для сердца милым домом
Уголок любви
Между наших звёзд огромных.
Льющих свет любви.

И молю теперь я Бога,
Чтобы он простил:
Лишь тебя любить я смог бы
Век, что хватит сил...
(Перевод Елены Курелла)

Змай – поэт духовного прозрения и тончайшего, чистого ума. А как перево-
дчик стихов на сербский язык Змай и до
настоящего времени не имеет себе равных,
утверждают литературоведы. Пушкина,
Лермонтова, Некрасова, Добролюбова,
Гейне, Петефи и многих других великих
поэтов подарил он сербской литературе.
Ну, и ещё один аспект в творчестве Змая
как символ дальновидности гражданина
мира. Извините за пафос, но в данном слу-
чае он оправдан. Преисполненный любви и
верности к своему народу, поэт утвержда-
ет братство меж людьми по единому при-
знаку – добрососедские отношения. Ах,
как это актуально во все времена! В стихо-
творении «Памятник на Руевице» ярко
проявилось качество человека и граждани-
на с большой буквы:

Скинь ты шапку, если здесь проходишь,
Помолися Богу;
Знай, за братство тут юнацкой крови
Пролито много.

Встали сербы защищать родные
Славянские нивы,
Брат наш крикнул, видя в бой идущих:
«Нет, не одни вы!»

Из далеких из краев студеных
Тут русские встали,
С братской они славянской любовью
Помощь нам дали!

Вы заслужили, чтобы в потомстве
Бессмертно бы жили,
Многие здесь за сербский народ наш
Жизнь положили.

Отдали жизнь, а ее обратно
Не вернешь ведь с поля,
Может ли дать кто-нибудь другому,
Дать еще боле?

Скинь же здесь шапку и помолись ты,
Вспомни дни боя,
То береги, что предки геройски
Взяли борьбою.

Камень большой на русской могиле
Славою дышит!
Память, живущая в сердце сербском,
Больше и выше!
(Перевод Н.Тихонова)

Сколько бы времён нас не разделя-
ло, на каком бы языке и наречии не звуча-
ло Слово, дарованное людям Всевышним,
оно имеет огромную силу и ценность для
человечества. «В начале было Слово, и
Слово было у Бога, и Слово было Бог... И
Слово стало плотью, и обитало с нами,
полное благодати и истины...»* ...

Почти два столетия назад родился
Йован Йованович-Змай. Мир сотрясали
трагедии и беды, победы и достижения
озаряли человечество, и даже если кто-то
где-то на нашей маленькой планете не
слышал, не читал стихов Йован Йовано-
вич-Змая, он должен знать, что в копилку
Добра, Света и Любви были вложены сила
и чувства внимательной, сострадающей
души талантливого сербского поэта.

* Новый завет. Евангелие от Иоанна гл.1.
стих.1., стих 14.

СЛОВО О ВЕРЕ

Валентина ЧИЗМАР

г.Нови Сад, Сербия

СЕРБСКИЕ МОНАСТЫРИ НА ФРУШСКОЙ ГОРЕ*: ШИШАТОВАЦ И ХОПОВО

Среди монастырей, которые сохранили средневековую христианско-православную традицию, есть монастыри Фрушка-Горы, представляющие собой особый комплекс святынь. Они расположены в более широкой области горы Фрушка-Гора, которую по праву метафорически называют второй Святой Горой. Монастыри Фрушкогорья, расположенные так далеко от человеческого мира и городской суеты, находятся на склонах как духовные маяки христианской православной веры.

Монастыри Фрушки-Горы были также хранителями духовности сербского народа во времена правления Габсбургской монархии, а затем им удалось сохранить византийско-православные традиции, а также Метрополию в Сремских Карловцах.

Систематические исследования монастыря Фрушка-Горы включают в себя все, что происходило на склонах Фрушки-Горы в различные этапы: от позднего средневековья до барокко, классический, через период позднего романтизма и этап трагических событий во время Второй мировой войны. Большинство монастырей, которые до сих пор существуют на Фрушке-Горе, были построены в средние века.

* «Фрушка-Гора» (серб.Национални парк Фрушка гора) — национальный парк в Воеводине, в Сербии, расположенный неподалёку от города Нови-Сад. Фрушка-Гора — место исторического духовного средоточия сербского народа, важный центр в культурно-историческом наследии Сербии. Здесь прежде было около 30, а к 1941 году — 17 монастырей, ныне же, как туристические и паломнические объекты выделяют 16 частично сохранившихся после Второй мировой войны Фрушкогорских монастырей.

Они представляют собой симбиоз старого сербского духовного наследия, эпохи барокко, византийского и русского православия. Влияние русского православия особенно проявилось во время австро-венгерского правления. Так, в период, когда отсутствовали церковные книги, необходимые для богослужения и религиозного просвещения священников, большая поддержка была получена от России.

«Для нужд сербской церкви церковные книги были импортированы, часто по секретным каналам, из России, с которой также пришло русское издание церковнославянского языка.

С 1726 года по инициативе сербских митрополитов стали приходить русские учителя, которые обучали молодых сербских священнослужителей той версии церковного языка, которую они знали сами. Вскоре русское издание этого языка официально стало языком сербской церкви, вытеснив традиционное сербское издание. Изменение языка соответствовало изменившейся культурной политике: сербская церковь продолжала оказывать главное влияние на сербскую культуру, но теперь с отчетливой ориентацией на Россию. Новый язык возник из этой ориентации, и в то же время был основным инструментом для его реализации». (Павле Ивич, *Литературный язык как инструмент культуры и истории народа*, проект Растко: история сербской культуры)

Большинство монастырей в Воеводине и Фрушке-Горе были построены во время сербских деспотов* в Сербии, в то время как во время турецкого владычества было запрещено строить новые монастыри и церкви, за исключением того, что разрешался только незначительный ремонт, без пристроек или надстроек. (Радослав Гружичич, *Духовная жизнь Сербов Воеводины*, Белград, Сербское библиографическое направление, 2012: 27).

* Деспот (от греч. δεσπότης, «владыка») — высший придворный титул поздней Византийской империи, введенный в середине XII века.

Разнообразные семьи и династии, относящиеся к средневековой и строительной того периода, играют решающую роль в понимании духовной жизни в монастырях Фрушки-Горы, среди которых династия Бранкович, династия князя Лазаря, династия императора Уроша V. Центрами сохранения монашества являются монастыри Крушедол, Раваница, Язак.

В этом тексте речь пойдет о монастыре Шишатовца, который в 2020 году отметил 500-летие своего существования, а также о монастыре Хопово, который хранит сербско-русские связи по линии духовной жизни, то есть православия.

500 лет существования монастыря Шишатовца на Фрушка-Горе (Сербия)

Среди фрушкагорских монастырей выделяется монастырь Шишатовца. Появление его связано с периодом великого турецкого движения на запад, т.е. в период, когда сербы в Сербии оказались под турецкой властью (1459 г.), а сербы за Савой и Дунаем – под властью Австро-Венгрии. Первые письменные упоминания о монастыре датируются 1520 годом, когда король Драгутин Неманич (пока он правил Сремом) построил монастырь Ремете, недалеко от одноименного родника, по-этому сначала он назывался Реметица, Реметско, Мала Ремета. Во время турецкого правления в эту местность пришли монахи Илирон и Бисарион во главе с игуменом монастыря Жича – Феофилом, спасаясь от турецкого гнета. На месте церкви, посвященной Св. Николе 1520 года, под существующей небольшой церковью, сбежавшие монахи построили новую церковь, посвященную Рождеству Пресвятой Богородицы, и тогда монастырь получил название Шишатовца. Во времена игумена Феофила, в 1543 году, мощи Стевана Штиляновича были перенесены в монастырь, и с тех пор в монастыре возвращается культ этого святого. Патриарх Пайсие Яневац, который пребывал в монастыре в 1643 году, написал «Повестное слово», посвященное святому Штиляновичу. Нынешняя главная церковь монастыря Шишатовца

была построена в период с 1758 по 1778 год во времена тогдашнего архимандрита Вичентия Поповича. В архитектуре представлен стиль барокко, а девять окон построены в готическом стиле, поэтому этот монастырь уникален среди других на Фрушка-Горе. Монастырь принадлежит Сремской епархии Сербской Православной Церкви.

Култ святого Стевана Штиляновича

Монастырь Шишатовца прославляет и почитает святого Стевана Штиляновича (деспота, благодетеля, лодочника, воина), который стал защитником воинов и солдат, но также и бедных и голодных. В годы голода из-за турецких грабежей Штилянович дарил своему народу еду из своего хлебного амбара, без займов и долгов, и поэтому в некоторых произведениях о Штиляновиче (например, у Наташи Половины) отмечается параллель между святым Стефаном и Праведным Иосифом из Ветхого Завета. Тексты, посвященные параллели с Иосифом пшеницедателем, ветхозаветным персонажем, представленные в «Службе святому Стефану Штиляновичу», фактически указывают на параллель с Христом, который кормит голодных людей. (см.: Наташа Половина, «Святой Стефан Штилянович как Иосиф Прекрасный. Вклад в изучение одной библейской параллели», в: *Сборник Матицы сербской по литературе и языку*, 2013, стр. 350-353). Об этом великом произведении свидетельствует и работа Данила Георгиевича Суворина «Сказание о сербском князе Стефане Штиляновиче», хранящаяся в Санкт-Петербургском музее на двух длинных свитках конца XVI века.

В столовой монастыря Шишатовца с 1753 года (по словам Дмитрия Рувараца) стояла икона, изображающая его благодетельность – дарение зерна, но в 1821 году ее заменили иконой, которую написал Арса Теодорович.

Стефан Штилянович родился в деревне Бечичи в Паштровичах (Черногория) и был последним князем из племени Паштровичей, которые были православными.

Он был близок к династиям Неманичей и Црноевичей. Его княжение наиболее впечатляюще изображено «в рассказе *Скочи девушка: Повествование паштровское конца пятнадцатого столетия* написанное пером паштровского политика и литератора Степана Митрова Любиши», как отмечает Радойка Зарич в книге *Образ Стефана Штиляновича в сербском искусстве 18-19 веков*.

Он приехал в Срем на Фрушка-Гору из Черногории в 1498 году по приглашению вдовы Елены, жены сремского деспота Йована Бранковича. Его назначили править в Моровиче, где он сражался (на службе у венгерского короля Фердинанда) против турок и сопротивлялся военной силе вплоть до 1507 года. В том же году он двинулся со своим войском и народом в Бараню, в город Шиклош, который он получил в управление от венгерского короля Владислава Первого. Он проявил себя в защите сербского народа от турок (на Тиссе, Саве и Дунае), но также и в защите границ Венгерского государства от турецких завоеваний, а также в защите христианских ценностей.

Впервые он был похоронен на холме Джунтир вблизи Шиклоша в Венгрии около 1543 года. Через три года после смерти его мощи были перенесены с холма Джунтир в монастырь Шишатовац в 1547 году, по настоянию янычара, которого звали Амер, как утверждает Слободан Медоевич, или, согласно другим источникам, Омер-паша. Однажды вечером Па-ша увидел яркий свет на том месте, где была могила Стефана. Когда ее открыли, там было неразложившееся темное тело, а на руке такое же кольцо, как у янычара Амира. Предполагается, что они происходят из одних и тех же мест. Вскоре, уже на следующий день, игумен Шишатоваца Феофило, один из основателей монастыря Шишатовац, оказался на этом месте и, даря некоторые подарки либо Амиру, либо Омер-паше, сумел получить право на перенос мощей святого в монастырь. Но перед нашествием усташей в 1941 году его мощи были перенесены из Шишатоваца в

Кафедральный собор в Белграде. Тем не менее, он по сей день остался защитником солдат и воинов (таких как Феодор Тирон, Святой Георгий, Святой Димитрий), чьи силы, по словам Светланы Алтер-Велмар, «до сих пор ощущаются в монументально обновленном монастыре, исцеляя раненую душу».

С историей Шишатовацкого монастыря связаны многие важные личности, в том числе Лукиан Мушицкий, один из величайших поэтов сербского классицизма и раннего романтизма, который также был архимандритом монастыря Шишатовац (с 1812 по 1824 год). В его время монастырь стал местом встречи важнейших представителей сербской интеллектуальной элиты. В 1813 году Мушицкий также привел в монастырь Вука Стефановича Караджича – реформатора сербского языка и собирателя фольклора, присутствие которого имело чрезвычайно важное значение для развития сербской литературы. Во время своего пребывания Вук слушал лучших исполнителей народных песен – от слепой Станы из Гргуреваца, Филипа Вишница, который впервые в монастыре Шишатовац исполнил под гусли поэму «Начало восстания против дахий», Тешана Подруговича из Карловаца и других. В монастыре также бывал самый известный славист в нашем регионе – Павел Йозеф Шафарик, первый директор гимназии Нови-Сада, который писал о своем пребывании в монастырях Фрушка-Горы в известной книге *История южнославянской литературы* (см.: Деян Медакович, *Фрушкагорские монастыри*, Нови-Сад, Прометей, 2014, стр. 628). Во время Первого сербского восстания в монастыре Шишатовац Мушицкий принял много беженцев, и в этот период были написаны многие его песни и сделаны записи о «битвах, войне вождя Карагеоргия, о сербских героях». Он также прославился своим поэтическим талантом – известны его программные стихи – «Голос народолюбца» и «Голос шишатовацкой арфы».

Имя великого сербского гениального ученого и изобретателя из Смиля-

на Николы Теслы также связано с монастырем Шишатовац. Когда Никола заболел (холерой), его отец Милутин (священник) пребывал в монастыре Шишатовац и целыми днями молился с монашеским братством о выздоровлении Николы. Затем в монастыре в виде света появилась белая голубица, которая будет сопровождать Николу на протяжении всей его жизни от Смиляна до Нью-Йорка.

В монастыре Шишатовац также служил и был похоронен архимандрит Петроние Трбоевич (1876–1933), сын сестры Теслы, Ангелины, которому Никола Тесла годами отправлял письма из Нью-Йорка.

Святой Рафаило Момчилович – живописец, святой и мученик

Чрезвычайно важной фигурой в истории монастыря Шишатовац является игумен, монах и живописец Рафаило Момчилович – его светское имя Георгий Момчилович (Дероне, Бачка – тогдашняя Австро-Венгрия, 1875–1941 гг., Славонска Пожега, Независимое государство Хорватия НДХ) – святой, «славу» которого отмечает монастырь Шишатовац. В одиннадцатилетнем возрасте отец Велимир отвел его в монастырь Ковиль, где он начал заниматься живописью. Затем он отправился в монастырь Манасия, где в 1896 году принял монашеский постриг от игумена Мирона и получил имя Рафаило, а в том же году митрополит Михайло рукоположил его в иеромонахи. Затем он переехал в монастырь Боджане. Считается, что на его живопись значительное влияние оказал Аксентий Мародич, который работал над иконостасом в Ковиле и который, путешествуя по странам Европы, был хорошо знаком с произведениями мировой живописи, особенно с произведениями итальянского Возрождения. Рафаило продолжил совершенствоваться в живописи, и с 1899-1901 он жил в Москве в качестве духовника Сербского подворья в Москве или Подворья Сербской православной церкви, но нет информации о том, где он продолжал заниматься живописью, за исключением Строгановской школы иконописи. Счита-

ется, что он учился у известного русского живописца и скульптора Ильи Репина, одного из первых портретистов Царской России. Рафаило совершенствовал свою живопись и в Риме, Венеции и Белграде, а также учился в Первой сербской рисовальной школе словацкого художника Кирилла Кутлика, ученицей которой была Надежда Петрович.

Он был исключительным пейзажистом и импрессионистом, а своему иконографическому мастерству он учился у русских иконописцев. Самая успешная его картина – «Утро в монастыре Ковиль» 1913 года. Он восстановил живопись (1896 год) в монастыре Боджане, а также расписал церковь в деревне Дероне, в своем родном месте. Иеромонах Рафаило выполнил несколько иконостасов (для церкви в Великой Крсне, монастыря Раковац, Пачир, Горни Ковиль, для церкви Ружица в Белграде), написал множество отдельных икон, портреты церковных деятелей и великолепно писал импрессионистские пейзажи. Рафаило тоже был великим благотворителем, всю свою прибыль он жертвовал на строительство церкви Святого Саввы в Белграде, строительство которой началось до Второй мировой войны. Первая монография о св. Рафаиле появилась в 1998 году под названием «Рафаил Георгий Момчилович – живописец, монах и мученик». Ее автор – Угleshа Райчевич.

Страдания и реконструкция монастыря Шишатовац

История монастыря Шишатовац также помнит трагические события 1941 года, когда он был сильно поврежден; библиотека монастыря была разрушена, «когда сокровищница книг была ограблена фашистской рукой Филиппа Дитриха и вывезена в Загреб». В то время происходило общее преследование сербов в НДХ и геноцид над ними после вторжения нацистской Германии в Королевство Югославия. В то же время усташа арестовали игумена и живописца Рафаила Момчиловича и других монахов из Шишатоваца, которых 25 августа доставили поездом в

Славонску Пожегу, где они скончались после жестоких пыток в сентябре 1941 года. Рафаило был вынужден сам себя отпевать, и его могила до сих пор не найдена. В 1999 году Синод Сербской Православной Церкви провозгласил его святым и установил 3 сентября днем Св. Отца Рафаила.

В 1941 году монастырь подвергся бомбардировке, а в 1944 году крыша была заминирована (колокола сняты с колокольни) и частично снесена. Во время Второй мировой войны монастырь контролировали хорватские усташы вместе с немецкими войсками. В то время сербскому теологу и историку Радославу Груичу и куратору Музея князя Павла, Миодрагу Грубичу, удалось обеспечить перенос мощей святого деспота Стефана Штиляновича в оккупированный тогда Белград. Летом 1941 года Представительство НДХ в Загребе убрало много ценностей (ковчег с мощами, украшенный серебряными орнаментами и позолотой, серебряную корону с головы святого, а также другие драгоценности, украшавшие его тело, даже самые необходимые для богослужения предметы, а также драгоценности из сокровищницы). Монастырь был отреставрирован только в 1970 году, но даже сегодня, в 2020 году, когда отмечают 500-летие монастыря, в нем нет фресок – он ждет ловких рук, чтобы его расписать.

Рядом с монастырским комплексом есть родник с водой, который носит название родник Анастасии. На этом месте в 33 году нашей эры Фрушка-Гора находилась под властью римлян, а местность Шишатовац была забыта. Однако рядом с ним на холме женщины-христианки прятались от римских солдат, в том числе Анастасия. И на том месте, где ранее было высохшее озеро, Анастасии явилась Богородица, сказав: «Оставайтесь здесь, у вечного источника Жизни», и на следующий день из высохшего озера появился источник, который называли родником Богородицы.

Первые христианки

Возле источника первые христианки построили место поклонения – катакомбы, здесь же поставили большой деревянный крест. Когда римские солдаты увидели крест и нашли место поклонения, они увели всех христианок, включая Анастасию – дочь богатого и знатного римлянина. Они были доставлены в Сирмиум (сегодняшняя Сремска-Митровица) и распяты на крестах перед храмом Святого Юпитера (в 304 году), отказавшись принести жертву Юпитеру – римскому богу света.

Сегодня монастырский комплекс состоит из одностороннего этажного общежития, монастырской церкви и часовни рядом с кладбищем, расположенной на холме. Двор монастыря, покрытый газонами, живой изгородью в форме лабиринта, усеян различными видами деревьев, цветов и кустарников. Сегодня монастырь Шишатовац – мужской монастырь. В монастыре сейчас находятся игумен Андрей и иеромонах Димитрий.

Влияние русского православия на сербское монашество и духовность – Хоповский монастырь

Монастырь Ново Хопово был построен в конце 15 века или в самом начале 16 века Епископом Максимом (деспотом Георгий (Джурадж) Бранковичем), а первое достоверное упоминание о нем относится к 1541 году. В 16 веке монастырь Хопово считается даже самым важным образовательным центром. «Стефан Герлах, путешествовавший в Константинополь в период с 1573 по 1558 годы, отметил, что сербы в Белграде не имеют школ, но приезжают в Хопово, чтобы научиться читать и писать. В то время при монастыре действовала монастырская школа. Некоторое время здесь находилась резиденция Епископа Срема, поэтому Епархия Срема была названа в честь него Хопом. В 17 веке монашество поддерживало связи с Россией и Святой Горой. В начале 18 века здесь ра-

ботала школа живописи Арсения Зографа и Нила.

Многие важные персоны сербской истории связаны с монастырем Хопово, в том числе первый сербский министр образования Доситей Обрадович. Доситей стал монахом в Хопово и получил там духовное образование, оставаясь в Хопово три года. Книга Тихомира Остойича – «Доситей в Хопово», изданная еще в 1910 году, раскрывает тайны монашеской жизни во времена митрополита Павла Ненадовича, духовные обстоятельства, взлеты и падения общины, где нарушились различные культурные влияния, от традиционно балканских до русско-украинских, с которых начинается процесс барокко и в нашей стране» (Деян Медакович, Света гора Фрушкогорска, Нови Сад, Прометей, 2007, стр. 25–26.)

После Первой мировой войны монастырь Хопово стал женским монастырем. Распространение русского православия особенно повлияло на развитие женского монашества в Сербии, которая некоторое время находилась в кризисе. Язакский женский монастырь был закрыт в 1774 году, а в 1920-х годах монастырь будет перестроен с приездом (в 1920 году) восьмидесяти русских монахинь во главе с игуменьей Екатериной (Ефимовской) и ее преемницей Ниной из монастыря Пресвятой Богородицы в Лесне (Польша), из Холмско-Варшавской епархии. Они покинули свой православный монастырь Лесна во время Октябрьской революции (но вместо России, бежали из Петрограда через Бессарабию в Королевство Югославия).

Монахини взяли с собой в дорогу чудотворную икону Пресвятой Богородицы – «Богородица Лесная», сделанную из камня. Под влиянием русских монахинь было восстановлено женское монашество в Ново-Хоповском монастыре, который стал центром возрождения традиций женского монашества. В этом монастыре находилась игуменья Екатерина, бывшая графиня, которая также была в близких отношениях с российским царем Николаем II и его семьей, и она лично знала святого Иоанна

Кронштадтского. Великий чудотворец и пророк пророчествовал царю Николаю о падении Российской империи, а Екатерине, что в ее жизни будет женский монастырь, что и сбылось в Хопово.

Игуменья Екатерина, в миру — графиня Евгения Борисовна Ефимовская из славного древнего русского рода, а ее родня по отцу происходила от Михаила Ефимовича Ефимовского, женатого на Анне Самойловне Скавронской, родной сестре Императрицы Екатерины I.

В Хопово Матушка Екатерина руководила духовной жизнью сестёр, писала на богословские темы и выступала с докладами на съездах православной молодёжи. В сентябре 1925 года в Хоповском монастыре проходил Общевропейский съезд и конференция русской студенческой молодёжи, и участники съезда надолго запомнили любовь и смирение Матушки, а также её горячее участие и живой интерес ко всему происходящему на съезде. Вскоре после этого съезда, 18/31 октября 1925 года, Матушка скончалась и была похоронена в Хопово. После ее смерти монастырем руководила Нина Косаковская.

Леснинские сестры оставались в Хопово до 1943 года, когда в ночь на Благовещение сербские партизаны-коммунисты ограбили монастырь, а в среду на Страстной – подожгли. Сгорели все монастырские здания, кроме храма, и сестры некоторое время жили в православных семьях в соседнем селе, потом эвакуировались в Белград, а в 1950 году покинули Югославию.

В 1985 году архиепископ Женевский и Западно-Европейский Антоний (Андрей Юрьевич Бартошевич) посетил Хопово и там, где похоронены его мать и сестра, за свой счёт установил мраморное надгробие над могилой первой игуменьи Леснинского монастыря.

В Хоповском монастыре надолго останавливался странствующий художник и русско-украинский иконописец, живописец Василий Романович (Киев, 1718 - Хопово, 1773), приехавший в Хоповский монастырь в 1758 году и принеший живо-

писный опыт православного славянского барокко с западноевропейскими элементами. Еще в 1737 году, будучи молодым живописцем, Василий расписал Предтеченско-Борисоглебскую церковь в Киеве (сцены страшного двора и апокалипсиса, хотя работа была уничтожена пожаром), и его называли художником из Малороссии. Помимо Хопово он писал иконы в других монастырях, таких как Бешеново, Боджана (вместе с Яном Романовичем) и Велика Ремета. По словам Тихомира Остояча, Романович в какой-то момент покинул Хопово и уехал в Славонию и Хорватию «для своих ремесел и писал храмы в церквях там». Затем, 11 мая 1766 года, он вернулся в Хопово и поклялся оставаться в монастыре до самой смерти. Он получил монашеский сан в монастыре, где и скончался в 1773 году. В то время при монастыре действовала иконописная школа, которой руководили русские художники – Йов Василевич и Василий Романович, живописцы, чьи работы во многом повлияют на дальнейшее развитие сербской церковной живописи. Иконостас монастыря был расписан в 1776 году известным сербским художником Теодором Крачуном.

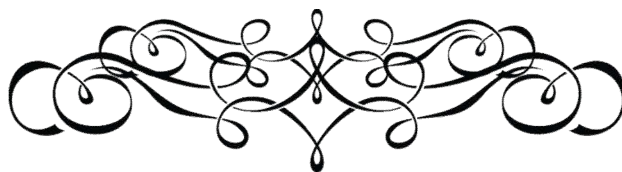
Во время Второй мировой войны монастырь был сильно поврежден, особенно иконостас (роспись Теодора Крачуна). Сама монастырская церковь была разграблена и уничтожена сокровищница ценностей, а также библиотека старинных рукописей и печатных книг, листы которых, по словам очевидцев, «ветром унесло по улицам Ирига». Реконструкция монастыря длилась более трех десятилетий, поврежденные части монастыря были отстроены, келья Доситей и монастырская библиотека также были отремонтированы.

Сербско-российские связи были установлены на протяжении 17 века, когда

многие сербские монахи уехали в Россию, что является очень важным сегментом в истории сербского монашества, «когда русские цари от Ивана Грозного начали заботиться о православных монастырях в тогдашней Турецкой империи и когда они посылают дары не только на Святую Гору или Палестину, но и на наши земли. Так монастырь Беочин установил связи с Россией в 17 веке, и монахи, уехавшие в Россию, тоже оказывали помощь, которая касалась не только денег, но и литургических книг, которые были редкими и востребованными». (Деян Медакович, Монастыри Фрушка Гора, Прометей, Нови-Сад, 2014: 19-20).

Духовно-религиозные связи между русским и сербским народами существуют веками, но следует вспомнить, что и святой Савва (Растко Неманич) также впервые отправился на гору Афон именно с русским монахом и стал монахом именно в русском монастыре святого Пантелеймона. «Номоканон» святого Саввы (написанный 1219 г.) – это собрание церковных и гражданских законов, которое на протяжении 355 лет занимало и занимает важное место в России в области церковно-юридического права. Святой Савва является зачинателем монашеской жизни в Сербии, как и преподобный Сергей Радонежский в России. Нужно также отметить, что во время волны русской иммиграции, начавшейся в 1917 году, русский православный стиль и русское искусство нашли широкое распространение на территории Сербии.

Общие ценности и соединение двух народов сегодня и в будущем будут существовать и в русской, и сербской религиозных традициях, создавая ореол совместных усилий, стремления к сохранению православного ядра христианства.

ПУБЛИЦИСТИКА

Миодраг ЗАРКОВИЧ, Сербия

*Журналист, международный наблюдатель на
всенародных праймериз в Донбассе*

ВОЙНА, ОКУТАННАЯ МОЛЧАНИЕМ*

Если бы на нынешних Олимпийских играх были наблюдатели из ОБСЕ – то, поверьте, никто не имел бы ни малейшего представления, что в том Рио-де-Жанейро вообще что-то происходит. Ведь это, похоже, основная задача Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе: основательно сокрыть то, что и невооружённым глазом можно абсолютно ясно увидеть.

Война на Донбассе действительно видна невооружённым глазом. Точнее, она слышна более чем отчетливо. Буквально каждую ночь, пока Донецк мирно спит под комендантским часом, тишину разрывает тупой грохот украинской артиллерии.

Кроме тишины, этот грохот рвет в клочья и Минские соглашения, согласно которым подобные боевые действия должны быть остановлены. Украинская армия, однако, особо не обращает внимания на эти пункты договора и регулярно «засыпает» окраины Донецка снарядами, минами и прочими артиллерийскими «подарками».

Эти атаки украинских вооруженных сил откликаются эхом по всему городу. В какой бы части Донецка вы не находились – вы без труда можете услышать работу украинской артиллерии. Ведь обстрелы – не так далеко. Целями украинских орудий часто оказываются гражданские объекты в пригороде Донецка. Минские соглашения были бы нарушены даже если бы под обстрелом находились лишь армейские подразделения ДНР, но реальная ситуация еще более зловеща и губительна.

Тем не менее ОБСЕ не видит и не слышит эти нарушения. Наблюдатели этой

якобы мирной мониторинговой миссии в своих докладах, как правило, умалчивают о ежедневных украинских обстрелах Донбасса.

Похожим образом ведут себя и мировые СМИ, которые уже в течение многих месяцев не изъясляют какую-либо заинтересованность в извещении общественности о вышеупомянутых атаках. И поэтому война в Донбассе похожа на какой-то «глухонемой» конфликт. Идут боевые действия, гибнут люди, страдают мирные жители – но все это окутано мрачной тишиной.

Как будто комендантский час введен и на освещение ситуации в Донбассе!

Поскольку я из Сербии, жители Донецка меня часто просят сравнить агрессию НАТО против моей страны, пережитую нами в 1999 году, с этим ужасом, через который проходят они. И, должен признать – действительно существует множество сходных черт. Что и не удивительно – ведь снаряды агрессора, наверное, везде звучат одинаково. Когда на все в округе спускается сумрак ночи, а коварная работа вражеской артиллерии начинает пробиваться сквозь воздух и все ближе надвигаться на вас – то, создается впечатление, что практически нет никакой разницы между Белградом, который НАТО бомбило «Томагавками», и Донецком, истекающим кровью от ударов украинских пушек и минометов.

И в одном, и во втором случае, мы видим город-миллионник, который, находясь в противоборстве с преступлением и несправедливостью, пытается поддерживать (насколько это возможно) нормальную жизнь. Так, сейчас в Донецке вы можете увидеть местных красоток за чашечкой кофе в ближайшем баре, а всего через несколько кварталов – уже первые страшные следы войны и разрушенные человеческие судьбы. Имеется и общественный транспорт, функционирующий вопреки всему, а также и пустующие теперь высотные комплексы, оставшиеся от олигархов, стремглав сбежавших, как только война овладела городом, где раньше «рулили»

* Источник: https://antimaydan.info/2016/08/vojna_okutannaya_molchaniem_624024.html

они. Толпы горожан и веселый детский гомон в одной части Донецка, а в другой – сравненное с землей снарядами кладбище.

То есть, есть много чего, что напоминает Белград 17 лет назад, когда он был предан немилосердной силе НАТОвских громил.

Существует, все же, и одно важное различие: разгром Сербии насильниками из Альянса все-таки никто не называл так цинично – перемирием. Это своеобразная особенность войны в Донбассе – первого вооруженного конфликта, который как будто обмотан звукоизоляцией.

Перевод с сербского

Небойша КУЗМАНОВИЧ

*доктор философских наук,
директор Архива Воеводины
г. Нови-Сад, Сербия*

СКРЫТАЯ НЕСКРЫТОСТЬ*

Агрессия альянса НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 году является преступлением против человечности. Путем незаконной деятельности, без официального объявления войны, с терминологией, скрывающей агрессию (воздушная кампания, гуманитарная интервенция «Милосердный ангел»), альянс НАТО хотел дисциплинировать одну страну и один

* Доклад «Скрытие нескрытого – культурологический аспект» был представлен в Москве на Международной научной конференции «Моноцентрическая модель глобализации и её деструктивная роль на Балканах и в мире» в 2008 году.

(Monocentric model of Globalization and its Destructive role at Balkans and over the whole World; Организаторы: Московский государственный торгово-экономический университет, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), МИД России, Международная академия национальной безопасности – Москва, Сербское ученое общество – Ниш; Москва 30–31 мая 2008 г.

народ. В данном случае речь идет об установлении спроектированного социально-экономического порядка как в Восточной Европе, так и на Балканах. Нескрытые центры силы, воплощенные в альянсе НАТО, МВФ, Всемирном банке, за которыми стоит правительство США, реализуют проект нового мирового порядка. Основные черты нового мирового порядка – это принципы расширения и принципы послушания.

Если мы согласны с тем фактом, что сегодняшняя Европа, несмотря на глобалистско-наднациональную концепцию и заверения еврократов и их последователей: французских постмодернистских философов и мыслителей о грядущем интеркультурализме, по-прежнему имеет доминирующие черты германо-романской духовно-культурной модели, в которой язык, религия или принадлежность родине (почве) не являются интегративными факторами, но только одной надбиологической, невитальной детерминантой, как говорит наука, тогда мы сталкиваемся с двумя возможностями:

а) либо вся история до сих пор, которая всегда была историей наций, народов, племен – на закате

б) либо эта ценностно-нейтральная характеристика, поскольку наука и технология не имеют национальной окраски и принадлежности, является общей универсальной тенденцией будущего европейского человека.

Однозначный ответ на эти вопросы невозможно дать до тех пор, пока этот процесс не будет завершен, но все же можно использовать опыт истории европейского человека в форме неисчерпаемой памяти. Великие империи Александра Македонского, империя Древнего Рима, Византии, Британская колониальная империя, Российская империя... на протяжении двух с половиной тысяч лет постоянно расширялись, но на пике своего развития, в первую очередь территориального, они распадались. В их число входили многочисленные племена, народы, этнические

группы и расы. Интегративные факторы, сохранившие империи, были разными: идеологическими, религиозными, идеологическими, но основным определяющим фактором для всех была их наднациональность. Однако это как раз одна из причин распада этих империй. Внутренние конфликты, принимавшие форму межплеменных, национальных, классовых и гражданских войн, а также внешнее давление со стороны более витальных, но менее цивилизованных племен и народов в форме вооруженного или экономического давления, привело к падению империи. Логика любой государственно-экономической системы находит свое отражение и исчерпывается в расширении, поэтому система должна постоянно включать, то есть подчинять себе окружающие территории, государства и народы, чтобы сохранить свой центр. Однако, когда система превышает размер, который центр может контролировать, она разрушается – рушится, как карточный домик.

История человека достаточно длинна, а история империй, которые всегда стремятся ко всевременности, всегда слишком коротка, поэтому мы всегда собираем свидетельства о великих империях и строим их изображения *post festum* – они становятся предметом археологии, археографии, истории или других подобных наук. Великий Рим правил сегодняшней Британией четыреста лет, вплоть до 4 века нашей эры. На Британских островах до римлян были иберы, более тысячи лет, но они исчезли (ассимилировались), затем кельты, норманны и т. д., но сегодняшний обитатель Британских островов, вероятно, об этом мало знает.

Принцип послушания подразумевает безоговорочное выполнение всех намеренных целей, которые великая держава «предложила» меньшим и более слабым странам или регионам, чем она сама. Предлагаемая нам европейская реальность вовсе не является объективистской (поэтому трудно поверить, что оценка нашей

роли в европейской истории может быть беспристрастной), потому что ее механизмы – это глобализм, универсализм, абстрактное равенство, «хартия прав человека», правление новизны и прогресса, ведущее к гибели искусства в его высшей эксгибиционистской форме, а также функционализм, подчиняющий части целому. Все эти механизмы проистекают из основной идеи, запатентованной и последовательно реализуемой романо-германской Европой, из идеи расширения.

Мы обнаружили подтверждение тезиса о высыхании западной реки и гибели европейского человека через идею расширения у русских богоискателей Бердяева, Флоренского, Соловьева, Флоровского, Федорова, и наиболее наглядно у русского «философа реакции» Константина Леонтьева (1831-1891), которого Бердяев называл русским Ницше.

В своей книге «Византизм и славянство» Леонтьев говорит: «От XIV и XV до конца XVII и кое-где до половины XVIII, а частью даже и в начале нашего века Европа все сложнеет и сложнеет, крепнет, расширяется на Америку, Австралию, Азию; потом расширение еще продолжается, *но сложность выцветает, начинается смешение*, сглаживание морфологических резких контуров, *религиозные антитезы слабеют, области и целые страны становятся сходнее, сословия падают, разнообразие положений, воспитания и характеров бледнеет*, в теориях провозглашаются сперва: *о les droits de l' homme* (права человека), которые затем бурно применяются на практике (что наши люди недавно почувствовали на своей коже – бомбардировка альянса НАТО, прим. Н. К.). Потом в теории же объявляется недостаточность этого политического равенства (упрощения) и требуется *равенство всякое, полное, экономическое, умственное, половое...*», – продолжает он, пророчески добавляя: «Европа пережила; скоро, может быть, увидим, как она перенесет попытки экономического, умственного (воспитательного) и

полового, окончательного, упрости-тельного смешения...», т.е. окончательного, разрушительного слияния. Результаты этого процесса катастрофичны, и мы увидели это наиболее наглядно в 20 веке, потому что самые разрушительные мировые войны и самое мощное оружие были произведены как раз западными европейцами. Такая Европа пережила 1000 лет со времен Карла Великого, и все это время она «стремится к идеалу единообразной простоты», но, даже не приблизившись к нему, она должна пасть и уступить место другим.

Не пора ли, ведь за одно тысячелетие не был найден путь к западноевропейской простоте и земному всеблаженству, а, наоборот, все закончилось общей безыдейностью и депрессией; итак, не пора ли направить взгляд на разнообразие, которое, как мы верим (вместе с русскими и даже некоторыми западными богоискателями и истинно искателями), все еще существует в русско-славянской душе? Разнообразие, открывающее путь к духовному аристократизму и эстетическому культу силы и красоты, и все ради борьбы против торжества тривиальности, ведущей к бездне скуки и пустоты.

Леонтьев был одним из первых, кто предсказал объединение Европы по принципу единообразия в единую Западную республиканскую федерацию, в которой некоторые европейские государства исчезнут. Ответ, который он предложил России, может стать важным уроком и ориентиром для нашего народа сегодня: «...относительно России представляются немедленно два исхода:

или 1) она должна и в этом *прогрессе* подчиниться Европе,

или 2) она должна устоять в своей отдельности?

Если ответ русских людей на эти два вопроса будет в пользу отдельности, то что же следует делать? Надо крепить себя, меньше думать *о благе* и больше *о силе*...»

В любом случае России понадобится внутренняя сила организации, сила духа дисциплины, с помощью которых она

сможет отстоять свою самостоятельность и независимость. Только тот, кто твердо стоит на земле и смотрит в небо, может избежать эвдемонистических заблуждений, которые проповедовал западноевропейский рационализм. Это потому что мы, безусловно, близки к тезису Леонтьева о том, что «русский безграмотный, но Богомольный и послушный крестьянин эмпирически, так сказать, ближе к реальной правде житейской, чем всякий рациональный либерал, глупо верующий, что все люди будут когда-то счастливы, когда-то высоки, когда-то одинаково умны и разумны». Все исторические времена и социально-экономические эпохи подтверждают тезис Леонтьева о том, что нет равенства и что европейско-либеральное «всесчастье» никогда не было достигнуто. Реальность, в которой живет наш народ – это не современность, потому что он не живет в соответствии со временем техномира, в котором все еще правят функционализм, структурализм и позитивизм, и не соисторийность, потому что традиция, история, религия и культура не являются самоосвященными и вовнутрь внедренными. Таким образом, мы оказались на целине, на которой шумит идея западного либерализма (мы не только думаем, но предчувствуем, что конечным следствием этой идеи является анархизм личности, с одной стороны, либо правящих неприкосновенных групп, с другой, потому что их свобода, олицетворенная в долларе, не имеет ограничений), а с другой стороны, наблюдается исчезновение идеи коммунитаризма (которая была основана на христианско-православной идее гуманности, морали и всечеловечности, мягкости и кротости – или, говоря психологически, авторитарности, которая выражалась в уважении к авторитету вождя и системы), поэтому такого рода идея утрачена.

Если к этому добавить невитальность, которая является продуктом народной старости и цивилизации, которая осмысляет, но также и умерщвляет, а также разобщенность и неосмысленность национально-культурной парадигмы, которая, по

мнению Цвиича, была утеряна в 1920-х годах, выбор пути, по которому нужно идти, кажется очень проблематичным и неизвестным. Поэтому геостратегические исследования могут очень помочь в выборе пути, по которому наш народ и сербское общество пойдут в следующее тысячелетие, потому что нам нужно помнить, что Константин Леонтьев говорит о продолжительности существования государств и народов, о том, что не все государства прожили по 1000 лет: «Значительное же большинство государств проживало гораздо меньше этого». Поскольку Югославия не согласилась на безоговорочное принятие предложенных евроатлантических ценностей, результатом стал ее распад с 1991 по 2008 год (он начался со Словении и закончился Косово и Метохией).

Наиболее грубые и очевидные моменты этого распада имели место в 1999 году, когда территория Сербии и Черногории подвергалась непрерывным бомбардировкам в течение 78 дней. Альянс НАТО (18 стран) использовал огромные военнотехнические силы, чтобы подчинить одну страну и дисциплинировать сербский народ. Помимо разрешенных военных средств, НАТО также использовал множество запрещенных средств, которые загрязняют окружающую среду, причем реальные данные не опубликованы, поскольку это наверняка вызвало бы отвращение у мировой общественности и показало бы нашим гражданам, что они были отравлены и облучены «гуманитарным оружием» нынешних «друзей» и «союзников». Об общем воздействии сил НАТО на Союзную Республику Югославию и возможных последствиях лучше всего говорят данные о количестве боевых средств, выброшенных и выпущенных на нашу территорию. На наземные объекты было выпущено 15 000 гранат с 22 000 тонн взрывчатки, хотя неофициально говорят о гораздо большем количестве взрывчатки. Было сброшено 150 контейнеров с кассетными бомбами, а также большое количество тепловизионных и графитовых бомб, использование

которых запрещено большинством международных конвенций

ПОСЛЕДСТВИЯ

а) Биоразнообразию

Агрессия НАТО в Союзной Республике Югославия нанесла ущерб не только военным объектам, населенным пунктам, транспортным и экономическим объектам, но и жизни и здоровью людей, и создала прямую опасность для окружающей среды. Пока что 5% территории Сербии и 8% территории Черногории находятся под защитой. Постоянные боевые действия происходили весной в период биологического воспроизводства живого мира. Из-за постоянных и неоднократных обстрелов одних и тех же районов многочисленные виды растений и животных были напрямую уничтожены, а целый ряд животных, в первую очередь птицы, млекопитающие и дичь, были вынуждены искать покоя в районах за пределами нашей страны. Под бомбами и всеми другими видами агрессии оказались наиболее ценные районы нашего природного наследия: четыре из пяти национальных парков Сербии, а также районы будущих национальных парков. В Сербии количество птиц, которые погибли или не смогли родиться из-за военных действий, достигает десятков тысяч и даже около 100 тысяч особей. Многие места обитания диких видов растений и животных были безвозвратно уничтожены, а богатству ландшафтного разнообразия нанесен значительный ущерб. Взрывами гранат, а также ими вызванными местными пожарами, во многих местах был уничтожен лесной покров.

б) Экоцид

Агрессию против Союзной Республики Югославии также можно рассматривать как экоцид, поскольку бомбардировки были всеобъемлющими, непрерывными и систематическими. Используемые боевые средства наносят ущерб, который измеряется на протяжении сотен лет. Земля, воздух, растения, животные и сам человек уничтожались, не только, чтобы добиться

победы над захваченной страной, но и чтобы проводить эксперименты как с высокотехнологичным оружием, так и с людьми, над которыми применялось это оружие.

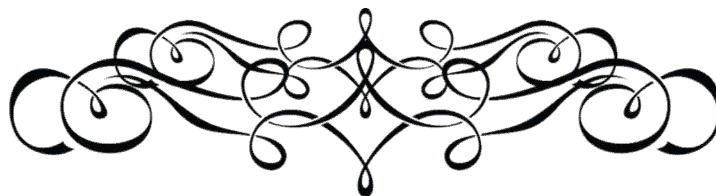
в) Гомицид

Высокие технологии, применявшиеся при бомбардировках СР Югославии, привели к ситуации, когда человек находится под абсолютной угрозой. Применяемые разрушительные средства при попадании в цель не давали никаких шансов на выживание. Во всех известных до сих пор войнах атакуемая сторона желала, чтобы агрессор не попал в цель, но в агрессии против Союзной Республики Югославия создавалась извращенная ситуация, когда атакуемая сторона хотела, чтобы агрессор поразил цель. Потому что если он не попадет в запланированную цель (например, мост или какой-нибудь военный объект), то граната попадет в гражданский объект, где погибнут люди. Примеры – обстрел нефтеперерабатывающих заводов или мостов в

Нови-Саде и Белграде.

г) Аутодафе (самораскаяние)

Следствием агрессии НАТО также является состояние самораскаяния и самокритики, которое было навязано как желательный образец поведения. Жертва сама себе внушает чувство вины. Путем особой пропагандистской войны через средства массовой информации (прежде всего телевидение и Интернет) жертва была доведена до состояния, в котором она считает, что сама виновата в собственных страданиях. Наиболее ярким примером является обстрел здания «Радио и телевидение Сербии» в Белграде, в результате которого погибли журналисты и сотрудники телевидения. Родственники жертв, гендерно-ненавистные неправительственные организации и некоторые СМИ в стране считают, что в гибели сотрудников РТС виновен не тот, кто их бомбил и убил – Альянс НАТО, а их руководители, которые, так же как и они, стали жертвами преступников НАТО.

ДРУЖБА НАРОДОВ

Радолуб Ускокович,

*основатель и председатель общества
сербско-русской дружбы «Род»*

Валентина ЧИЗМАР,

*член исполнительного комитета,
доктор философии*

г.Нови-Сад, Сербия

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО СЕРБСКО-РУССКОЙ ДРУЖБЫ «РОД», ВРБАС, СЕРБИЯ.

СЕРБСКО-РУССКИЕ СВЯЗИ В ПРОШЛОМ И СЕГОДНЯ

В Сербии уже много лет идет популяризация русской культуры, русских традиций и обычаев через искусство, литературу, кинематограф, религию, изучение языка. И все это благодаря работе общества сербско-русской дружбы. Одно из ведущих – Общество «РОД» из города Врбас, которое является Центром и объединяет все общества на территории целой Сербии и региона.

Региональное Общество сербско-русской дружбы «РОД» основано 13 декабря 2007 года, в день, когда Сербская Православная Церковь отмечает день Святого Андрея Первозванного. В тот же день органами местного самоуправления города Врбас было принято решение о том, чтобы господин Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин был провозглашен первым почетным гражданином города Врбас.

Ежегодно, в декабре месяце, в Врбасе проходят встречи всех обществ сербско-русской дружбы под эгидой местных органов власти в присутствии представителей посольства Российской Федерации в Сербии (Александар Конузин, Андрей Максаков, Александр Чепурин, Александр Конаныхин), представителей Русского дома в Белграде (Владимир Васильевич Кутырин, Валентина Кутырина), представителей Россотрудничества, а также представителей из области культуры и

экономики из городов России: Костромы, Москвы, Ростова-на-Дону, Иванова и других городов. Организатором и руководителем встреч (конференций, круглого стола, концертной программы) является Общество «РОД».

Каждый год Общество организует курсы русского языка, литературные вечера, просмотры русских кинофильмов, концерты музыкальных и хореографических коллективов из Москвы, Липецка, Костромы.

В 2017 году Врбас и Кострома стали городами-побратимами при активном содействии председателя Общества «РОД» Радолуба Ускоковича.

Общество «РОД» активно сотрудничает с Общероссийской общественной организацией по развитию казачества «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья». Верховный атаман – Дьяконов Николай Леонидович.

Как русская, так и сербская истории связаны между собой многочисленными нитями. Отношения Сербии и России, как в прошлом, так и в наши дни, привлекают огромное внимание. Сербско-русские отношения не только самые продолжительные (если сравнивать со связями и контактами сербского народа с другими крупными силами или соседями), но и более полные, многогранные, более заметные. Отношения, которые определяют взаимное влияние на будущее двух народов в плане духовном, культурном, общественном, образовательном, научном и политическом. Отношения сербов и русских в прошлом были динамичными, а в зависимости от исторического и государственного развития двух народов проходили через различные хронологические фазы: эпоху родственных контактов(12-15 век), время духовных связей (15-17 век) и эпоху политического сотрудничества(18-21 век).

Граждане Врбаса глубоко осознают факт близости и взаимопомощи наших народов всегда, когда это было необходимо. Это можно заметить не только на протяжении прошедших лет, но особенно в наши дни. Таких примеров в истории множе-

ство. Одним из них можно назвать участие Красной Армии в освобождении Югославии от фашизма в 1944 году

20 октября 1944 года войска Красной Армии под командованием маршала Федора Ивановича Толбухина участвовали в освобождении города Врбас. К сожалению, в сражении под Врбасом погибли два бойца Красной Армии. Жители Врбаса по сей день помнят и чтут память погибших героев Тесы Александра и Алексея Федоровича Ширшикова, которые отдали за нашу свободу самое дорогое что имели – свою жизнь. В 1946 году на перекрестке двух улиц (маршала Тита и Бачке) граждане Врбаса поставили на могиле погибших воинов мраморный обелиск. Позже, в шестидесятых годах, останки погибших русских солдат были перезахоронены в братской могиле в городе Суботица. К сожалению, по вине тогдашней власти, обелиск убрали! Полвека спустя, благодаря усилиям членов общества сербско-русской дружбы «РОД», была сделана копия обелиска, так как оригинал был утерян. Обелиск вернули на прежнее место. Торжественное открытие состоялось 20 октября 2010 года.

На открытии памятника присутствовали представители консульств России – Александр Конузин, Украины – Виктор Недопас и Белоруссии – Владимир Чушев. В 2012 году площадь в центре города, на которой находится памятник, получила название Площадь Красной Армии. Каждый год 9 мая жители Врбаса отмечают День Победы возложением венков и

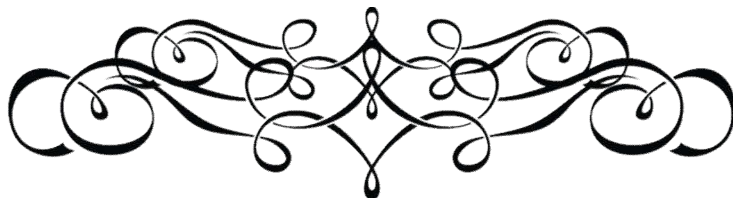
цветов к обелиску.

Кроме исторических связей важно сказать и о периоде принятия христианства и православия от Владимира Святославовича (Святого Владимира) и Растка Неманича (Святого Саввы), так как вера – это маяк, который указывает нашим народам путь спасения во все времена своего существования на европейской и мировой сцене. Вера разбивает духовную тьму, указывая тем самым путь к духовному совершенству.

У наших народов единая славянская душа и общие корни. Наши души переплетаются между собой посредством языка, культуры, веры, гуманизма, родственных чувств и взаимопомощи, неприятием западных принципов.

И как бы ни была велика русская земля и русская душа (как сказал великий философ XX века Николай Бердяев), сербский народ стал частью этой бесконечности, так как русскую душу вписал в свою историю, культуру и стал богаче тем, что нельзя измерить аршином.

Хочется верить, что общество сербско-русской дружбы «РОД» внесло свой скромный вклад в общее историческое и культурное наследие наших народов. И впредь с большой решимостью оно готово оберегать общие ценности и делать все возможное для изучения и пропаганды жизненного опыта и борьбы великих исторических и духовных личностей, которые всей своей жизнью показывают нам, как защищать и крепить православную веру.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Анна ВЕЧКАСОВА

г.Видное, Московская область, РФ

В 1999 году силы НАТО растерзали Югославию, цинично убивая мирное население, уничтожая промышленность и историческое наследие, заражая ураном то, что не смогли разбомбить снарядами. Нагло называя свои действия миротворческой миссией, разделили народы Сербии и Черногории с целью переориентации их на Запад. Это происходило на глазах всего человечества.

В моем понимании миротворческая миссия несет мир, а не разруху и смерть. Миротворец «творит Мир», приводит к соглашению стороны конфликта, а не добивает слабых и не разделяет соседей, преследуя свои цели.

От своего бессилия что-либо изменить и осознания несправедливости происходящего, я плакала. Хотелось защитить всех мирных людей и прекратить убийства. В мире часто случаются войны и всех людей жалко. Я не понимала, почему именно эту войну принимаю так близко к сердцу. Однажды поделилась переживаниями со своей бабушкой.

-Так мы же сербы, - ответила она.

И оказалось, что ее прадед был сербом по имени Йосип. Был он смуглым и черноволосым, за что местные в селе прозвали цыганом. Йосип очень любил детей, коих было у него десять. Вокруг него часто собиралась и местная детвора, с удовольствием слушала сказки и песни его родины.

Я не успела подробно расспросить мою бабушку о наших сербских корнях, вскоре ее не стало.

Мне неизвестно из какого сословия был мой предок Йосип, я не знаю его фамилии и в каком году поселился он в наших краях. Но был он добрым человеком, православным сербом, приехавшим издавна в незнакомую землю, которая стала его второй родиной. И своим детям на во-

прос о семейных корнях я отвечаю, не принимая в расчет других родичей:

- Так мы же сербы.

Именно благодаря сербам укрепился и расцвел наш край. Одним из условий переселения на нашу территорию был переезд семьями или создание семьи на месте поселения, занятие земледелием. Сербский народ крепко врос в нашу землю. Прошло с той поры несколько веков и зовется наш край Донбассом.

Это не простой клочок земли, это особый, уникальный регион. Именно здесь проживает более 130 национальностей и народностей и нет межнациональной розни. Я не припомню, чтобы в нашем городе или где-то в соседнем селе возникали бы подобные конфликты. У нас на Донбассе не принято делить по нациям. Здесь все — русские. И это стало костью в горле для нацистской Украины, которая, слушаясь своих американских хозяев, пытается уничтожить все русское и православное на нашей земле.

Безнаказанность рождает беззаконие. И вот уже Америка и НАТО навязывают всему миру свой извращенный взгляд на семейные и исторические ценности, искажает правду и искореняет честь, гордость, самосознание, диктует свою политику другим странам, даже не прикрываясь миротворческой миссией. Переписывают чужую историю, умалчивая о своих безобразиях на чужих территориях.

Я прочитала все статьи этого сборника и с удивлением обнаружила, что найти кого-то из сербских авторов через интернет практически невозможно. Поисковая система выдает кого угодно, но только не сербов-поэтов, писателей или современных ученых. Википедия и другие ресурсы предоставляют неполную и искаженную информацию. Это означает, что Запад боится сербов и старается не допустить их сближения со славянами из других стран. Следовательно, нам еще предстоит большая работа по укреплению связей с родственной державой. И пусть этот сборник станет залогом воссоединения славянского, православного, Русского мира.

ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА

СЛАВЯНОСЕРБИЯ

Литературно-художественный альманах

№1 (6) МАРТ, 2021

Дата выпуска: 05.03.2021

Обратная связь

E-mail: ludmilagontareva@mail.ru

Материалы, присланные на рассмотрение, не рецензируются.

Редколлегия в переписку с авторами не вступает.

Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Руководитель проекта:

Александр Сигида

Главный редактор:

Людмила Гонтарева

Редакционная коллегия:

Юрий Ковальчук

Анна Вечкасова

Валентина Чизмар

Отпечатано в ФЛП ЧП Бережной Д.В.

94404, г.Краснодон, ул.Комсомольская, д.9